

Александр ТРАПЕЗНИКОВ
НОЧНЫЕ
ОКНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛДАМ
ДЕТЕКТИВЪ.СМ
2010

Евгений КАМЫНИН
ПОХИЩЕНИЕ
ИЗ САРАЯ

Пациенты комфортабельной клиники невротиков люди, в общем-то, безобидные, каждый живет в своем виртуальном мире. Но рядом с ними происходят преступления вполне реальные. Кто-то творит их, надев маску. И в прямом, и в иносказательном смысле слова.

Александр Трапезников
Ночные окна

ГЛАВА ПЕРВАЯ, где делается попытка заглянуть в чужие окна

Дайте, дайте же поскорее мне сказать! — вскричал Бижущкий и вскочил с кресла. Он один из всех был в двубортной пижаме цвета заката солнца (комплект в количестве двадцати штук закуплен лично мной в Цюрихе).

— Сядьте, — спокойно произнесла шестидесятилетняя мадам Ротова. — Мы слушаем.

Лизочка почему-то нервно засмеялась. Бижущкий остановился перед ней и начал:

— Знаете ли вы, что значит заглядывать в чужие окна?

— Нет, не знаю.

— Я не к тебе обращаюсь, дура! — вновь вскричал он. — Это я сам у себя спрашиваю. Так вот, мы когда-то жили с женой на даче, в Переделкине. Не в самом писательском поселке, хотя я сам прозаик, и даже поталантливее их всех вместе взятых, а рядом. Однажды я проснулся в двенадцатом часу ночи. Какое-то странное, омерзительное чувство навалилось на меня и держало за горло. Жены рядом не было. Надо заметить, что я ее очень любил и она меня тоже. «Эге! — сказал я себе, выглянув в окно. — Полнолуние». Луна показалась мне бледным лицом покойника. Пока я бессмысленно бродил по дому, заглядывая в шкафы и выдвигая ящики, словно она могла там спрятаться, старые настенные часы стали отбивать полночь. Я набросил плащ с капюшоном и босиком вышел на крыльцо. Где-то тоскливо завyla собака. Ей в ответ заквакали в пруду жабы. У соседей светилось окно. Там жили мой приятель Гуревич с покойной супругой. То есть, я хочу сказать, в то время она была еще жива.

— О господи! А я уж подумала... — промолвила Ротова. Бижущкий перескочил от Лизоньки к ней и вновь закричал: — Замолчите! Вы мешаете моей исповеди!

— Продолжайте, — хладнокровно заметил я.

— Будто магнитом, меня потянуло к этому окну. Не обуваясь, я пошлепал на соседний участок. В заборе у нас была дырка. Я пролез в нее и очутился среди кустов крыжовника. Затем подкрался к дому. Помните эту чудесную песню: «Там живут мои друзья и, дыханье затая, в чужие окна вглядываюсь я...»? Так вот, я, конечно же, тоже затаил дыхание, приблизившись к окну. Перед моим носом оказалось стекло, за ним висела зеленая штора. Я услышал какие-то странные звуки — не то приглушенный смех, не то плач ребенка. Любопытство достигло предела. Я потянул створки окна на себя, оно растворилось. И тут...

Тут в кабинет вошла Жанна, моя ассистентка. Она, как всегда, была в мини-юбке, на высоких каблуках, перед собой катила столик-поднос с чаем, сливками и курабье. Ее ноги производили впечатление на всех без исключения, от вступающих в половую зрелость детей до лежащих на смертном одре стариков. Бижущкий, втянув в себя воздух, замолчал.

— А теперь подкрепимся, — ласково произнесла Жанна. — Файф-о-клок.

Молчавший все это время Сергей Владимирович Нехорошев зашевелился. Глядя куда-то вбок (разумеется, на Жаннины ноги), он тоскливо сказал:

— А в песне-то не так поется. Не в «чужие окна», а в «родные окна вглядываюсь я». То есть вы. Есть разница?

— Нет! — тотчас же огрызнулся Бижущкий. — Родное окно — оно на поверку-то самым чужим будет, пыльным и заляпанным, а близкий тебе человек — наиболее гадким и

отвратительным.

Нехорошев усмехнулся, но спорить не стал.

— Что же было дальше? — спросила Лизочка.

— Узнаете в свое время, — пообещал Бижущкий, принимаясь за чай.

Остальные последовали его примеру.

— Господа, я вас ненадолго покину, — сказал я и, сделав знак Жанне, чтобы она осталась, вышел из кабинета.

Соседняя комната была моим основным местом работы. Здесь на полках стояли самые нужные книги, светился монитор мощного компьютера, имелась выдвижная картотека с сотнями «дел». Комната была без окон, располагалась в центре дома (проект мой). Нет, окна имелись, но — фальшивые, они выходили в три соседних кабинета, где выглядели обычными большими зеркалами. Я мог наблюдать за всем, что творилось в тех помещениях, сам оставаясь невидимым, — очень удобно. Главное, это давало возможность изучать поведение людей, находившихся в комнатах. Вот и сейчас я сел за стол, внес в компьютерную базу данных кое-какую информацию и отодвинул шторку с левого фальшивого окна. Там, за стеклом, словно в аквариуме, сидели двое мужчин и одна женщина, а также мой второй ассистент — Жан. Один из мужчин беззвучно раскрывал рот, как будто ему не хватало воздуха. Я не стал включать звук, поскольку все равно шла запись на видеомagneтофон. Решил посмотреть позже, ночью, если выпадет хоть немного свободного времени. Кроме того, я умел читать по губам (за столько-то лет практики!) и понял, что мужчина толкует о пустяках — рассказывает всего-то на-всего о том, что хотел в детстве убить свою сестру за то, что она переспала со старшим братом.

Я отодвинул шторку с правого окна. Прямо передо мной стояла рыжая ведьма Лизочка, глядя на себя в фальшивое зеркало. Она красила губы, растягивала их, собирала в трубочку, высовывала кончик языка, словно это была ее возбужденная тайная точка, такая же влажная, готовая излиться в оргазме. Она действительно испытывала наслаждение, видя свое лицо в мнимой амальгаме. Наверное, безумно любила свой облик. Что ж, имела на это право. Красивая куколка. Еще бы мозгов побольше. Я заметил, что в глубине кабинета на нее с нескрываемой ненавистью смотрит Сергей Владимирович Нехорошев, мужчина сорока с лишним лет, абсолютно лысый. А на него — украдкой, с гримасой презрения глядит мадам Ротова, чьи частые пластические операции не прошли бесследно — лицо как-то омертвело. Бижущкий кокетничал с Жанной.

За моей спиной была еще третья шторка, но ее я раскрывать не стал, чтобы не портить настроение. Там все было сложно и, возможно, уже непоправимо. Я сделал себе свой фирменный напиток — холодный кофе, капля йода, пятьдесят граммов водки и столовая ложка анисового ликера; включил тихую музыку. Моцарт, что может быть прекраснее и успокоительнее? Слушая эту музыку, ты будто приподнимаешься над землей и паришь в небе, зависаешь, плывешь, устремляешься от грешных городов и людей в синие чудесные выси, видишь оставшиеся внизу тени (и свою собственную!), исчезаешь... На минуту я закрыл глаза, но мысленно смотрел на своих «гостей», словно внутренним оком прозревал их бушующие страсти, непомерную гордыню и тщеславие, тайный блуд, беспричинный гнев, уныние, зависть, пагубное нетерпение, ненависть, лживые обещания, гнетущий страх и многое, многое, многое другое. Я подумал, что всю жизнь мы стремимся заглянуть в чужие окна, прижимаемся лбом к холодному стеклу и заглядываем, надеясь увидеть и понять нечто важное, без чего собственный мир пуст. Так нам кажется. А по другую сторону стекла

стоишь ты сам. И так же напряженно вглядываешься в собственный, искаженный до неузнаваемости облик.

Под эти волшебные моцартовские звуки мне почудилось, что «гости» проникли через фальшивые зеркала в мою комнату, заполнили ее, окружили немолодого седоватого худого человека, сидящего в кресле с закрытыми глазами и чашкой в руке. Они чего-то ждут от меня, чего-то просят. Здесь все — и те, кто когда-то был у меня, и те, кто сейчас, и кто появляется вновь, и кто никогда уже не вернется, и кто придет в будущем. Если оно настанет. Все они с безмолвной мольбой смотрят на меня, ищут мой взгляд. А я молчу. И глаза мои на этот мир закрыты. (Видеть бы я его не хотел!)

Я тихо вошел в левый кабинет, где продолжал рассуждать человек, возжелавший в пионерском возрасте заколоть свою сестренку шампуром, потому что она и старший брат слишком долго пыхтели в чулане. Но теперь он говорил о другом. Заметив мое присутствие, он на секунду прервался, но я сделал знак продолжать. Это был этакий породистый барин, такого нетрудно представить в роскошном халате среди гончих псов и крепостных крестьян.

— ...Скажите на милость, — красивым баритоном вещал он, — и почему это так сложилось, что почти все наши великие русские писатели жили своего рода тройками, прямо тройственными союзами. Взять Некрасова. С ним прекрасно уживались Панаев и Панаева. А Тургенев? Полина Виардо и ее муж. Тройка. Главное — все счастливы. Или Герцен с Огаревым, которые клятву свою знаменитую на Воробьевых горах давали не иначе как после бурной ночи у цыган. А в чем клялись-то? Чтобы любить одну женщину до гробовой доски — жену Герцена. И ведь так любили, что замучили просто, она и скончалась-то скоростижно. Еще пример, ежели мало. Чернышевский, Добролюбов и Ольга Сократовна. Уж не помню, чьей она там женой была. Кажется, того, который «Что делать?» не знал. А что-что? В лавку за рассолом бежать, потом — пару стопок — и порядок. Так эти два разночинца аж друг другу в волосы вцеплялись из-за Ольги Сократовны, профурсетки этой. Ладно, идем дальше. О Лиле Брик, Осипе Брике и Маяковском говорить не будем, хрестоматийная тройка, можно сказать, образцово-показательная. Переходим к моему любимому Бунину.

— Переходим! — охотно поддержал второй мужчина, завитой и в очках, делающих его похожим на Грибоедова.

Женщина превесело улыбалась, она была очень красива и аристократична.

— Наш славный нобелевский лауреат, живя уже в эмиграции, в Париже, влюбился в молодую поклонницу. Делать нечего — не по подъездам же с ней тискаться? — привел в дом, благо койка лишняя нашлась. Стали жить втроем, опять тройственный союз. Но девушка оказалась лесбиянкой. Это уже ни в какие ворота. Нет, к жене Ивана Алексеевича она не приставала, а привела в дом свою подружку. А что, Бунину можно, а мне нельзя? Теремок получился. Мышка-норушка и прочие. Не хватало только ежика, без головы и ножек. Он бы им всем задал! Ивана Алексеевича просто трясло от такого подлого коварства: ладно бы, говорил, мужика завела, а то ведь на бабу променяла! Это уже позор. Так в благородном обществе не поступают. За это и канделябром можно. Не плюй в душу русского писателя. А плюнула — уноси скорей ноги, а то еще такое о тебе пропишет!

— Тебя, Коленька, как-то тоже трясти стало, — заметила женщина-аристократка.

— Это от холода, — поежил плечами тот. — Чего же ты хочешь, дорогая? Октябрь-с!

Тут он явно врал — в комнате было тепло, а Жан то и дело подбрасывал в камин щепки. Если человек лжет в малом, следи за ним в оба. Однако каков колорит, какова

экспрессия! Его бы в кино снимать. Вторым мужчиной оказался мне скользковатым, еще при первой встрече. Женщина требовала особого анализа, над ней мне пришлось долго ломать голову.

— Приятно вас послушать. С вашего разрешения, я отлучусь, — сказал я, притворяясь за собой дверь.

Путь лежал прямо по коридору, а потом по лестнице на второй этаж. В моей работе требуются особо одаренные коммуникабельные помощники, желательно со специальным образованием. Я ничего плохого не могу сказать о Жанне и Жане, но они всего лишь старательные исполнители, не более. Может быть, со временем из них и выйдет толк, но не сейчас...

Ее я нашел по объявлению в газете, а с ним столкнулся в ночном баре. Собственно, он вовсе не Жан, а Ваня, но мне захотелось называть его именно так — в параллель к Жанне. Иван не возражал. Но самый мой главный помощник, почти компаньон, бывший следователь городской прокуратуры Левонидзе. На нем — весь сбор предварительной информации, поиск людей и прочие деликатные поручения. Мы с ним как бы даже друзья, но что у него в действительности на уме, в глубинах подсознания — я не знаю. У него звериное чутье, прекрасная память, деятельный ум, и если такими ценными кадрами разбрасываются в прокуратуре, то надо просто иногда подходить к ней утром с кошелкой и подбирать негаданные подарки судьбы. Вот и девушку, которая сейчас сидела вместе с ним в кабинете, разыскал и уговорил прийти он. Девушке было лет семнадцать, в лице ее сочеталась простодушная наивность и ранняя уверенность в собственной правоте.

— Скажите мне правду: они здесь? Он... тоже? — быстро спросила она меня, едва я вошел в «гостевую комнату». Левонидзе расставлял на столе шашки.

— Конечно. Для того мы все тут и собрались, — сказал я как можно мягче. С первого взгляда было ясно, что девушка сильно нервничает. — Какой счет?

— Десять ноль в ее пользу, — ответил невозмутимый Левонидзе (наверняка поддавался; я-то у него выигрывал крайне редко).

— Вы готовы к любым сюрпризам? — спросил я. — Вот и отлично. Ждите. Вас вызовут.

Левонидзе вышел вместе со мной в коридор.

— А с тем, которого я привел утром, как быть? — спросил он. — Он до сих пор спит.

— И пусть дрыхнет. Его выход в свой час. Ты только не давай ему больше водки.

— Думаешь, на сей раз обойдется без скандала? Без мордобития?

— А что плохого, дорогой мой, в скандалах? Взрыв сдерживаемых эмоций зачастую не усугубляет, а, напротив, разрешает конфликтную ситуацию, выявляет причину и следствие изначальных поступков. Тебе ли не знать? Гнев и ярость — это поражение человека, его нагота. Смех — верхняя одежда, удобное и теплое пальто. Слезы — нижнее белье, последнее прикрытие срама. Душа человеческая в таких же одеждах, как и его тело. Но роль смокинга или кальсон выполняют эмоции.

— Тебе виднее, ты в этом деле профи, — согласился Левонидзе. — Однако месяц назад одна матушка на наших глазах едва не зарезала кухонным тесаком сына. Помнишь тот случай?

— Это был не тесак, а нож для чистки рыбы. Заметь, в подсознании у нее был древний христиано-иудейский символ — рыба. Отринув когда-то религию, она не смогла до конца вытравить свою душу. А тем актом пыталась очистить и себя, и сына от скверны. Поскольку

согрешила с ним. Ладно, надо работать, — сказал я и начал спускаться по лестнице.

Остановившись между двумя кабинетами, подумал: с чего, а вернее, с кого, начать? С барина Коленьки или с Нехорошева?

План действий был выработан накануне, задачи определены, цели обозначены. В принципе, выбор сейчас не играл особой роли. Я изучал этих людей достаточно долго. Сегодня пора было ставить точку. Поразмыслив немного, я вошел в правый кабинет. И сразу же понял, что атмосфера здесь уже накалилась. Бижущий и Жанночка стояли возле открытого окна, остальные орали друг на друга. При виде меня все смолкли. Галстук у Нехорошева съехал набок, Лизочка приобрела пунцовый цвет лица, мадам Ротова — напротив — еще более бледный.

— Я доктор педагогических наук, профессор, — заявила она мне. — У меня академические труды. А этот... человек, — она выразительно посмотрела в сторону Нехорошева, — говорит, что я в воспитании детей ничего не смыслю. И приводит в пример мою дочь, которой я, дескать, подавила волю. Убила ее альтер эго.

— Мама! — пискнула Лизочка.

— А вы посмотрите на нее! — огрызнулся Сергей Владимирович. — Она же и в тридцать лет остается сущим ребенком, даже внешне. Женщина-подросток, — вот кто ваша дочь! С мозгами школьницы.

— У нее за плечами аспирантура, — парировала Ротова.

— Ну разумеется! Вы же ее туда и пристроили. У вас же в университете все схвачено. Было бы странно, если бы вы не тянули ее за собой на веревочке, как козу. Вы ей и мужа подобрали, первого. Да и второго — тоже.

— Сергей! — вновь подала голос Лизочка.

— А также и третьего, — мрачно добавил Нехорошев. — То есть меня. А сами не знаете, что в ней черти водятся, в омуте этом.

Наступила пауза. В этой комнате, в отличие от другого кабинета, камин был искусственный, несмотря на «жаркую» атмосферу, здесь было прохладно.

— Господин Бижущий! — сказал я. — Вам, кажется, пора на процедуры. И закройте, пожалуйста, окно, на улице прохладно. К тому же вдруг кто-нибудь подслушает наши «семейные тайны»?

— Я, с вашего позволения, останусь, — ответил он, притворяя створки. — Мешать не стану. Считайте меня тенью.

— Кстати! — воскликнула Лизочка. — Вот что меня все это время мучило, но я не могла вспомнить. Ваш рассказ. Вы остановились на том, что подкрались к светящемуся окну на соседней даче, прильнули к нему и увидели там... — что вы увидели?

— Вначале я услышал странные звуки, похожие на плач или смех ребенка, — охотно начал Бижущий, одергивая малиновую пижаму.

— Сейчас не об этом! — резко оборвала его мадам Ротова. — Вы, Сергей Владимирович, забыли сообщить, что ваша учеба в университете и аспирантуре проходила не без моей помощи. Более того, вас выгнали бы с первого курса, если бы не мое заступничество и покровительство, настолько вы были ленивы и бездарны.

— Ой-ей-ей!.. — засмеялся Нехорошев. — Да, вы правы. Но какую цену я за все это заплатил!

— О чем ты, Сережа? — спросила Лизочка, насторожившись.

Ротова и Нехорошев тем временем метали друг в друга молнии.

— Очевидно, Сергей Владимирович намекает на некоторые интимные обстоятельства своей университетской карьеры, — хладнокровно заметил я.

Ротова и Нехорошев одновременно усмехнулись.

— Мама? — произнесла Лизочка.

— Что — «мама»? — отмахнулась та. — Ну да, я спала с ним, если тебе так уж это интересно. Но ты с ним тогда еще не была знакома. Вы же с разных факультетов. А что в этом такого особенного?

— Конечно, — ядовито согласился Нехорошев, — ничего особенного нет, если профессорша пару раз переспит вволю со своим студентом. Но если она изводит его приставаниями, одаривает ценными вещами, швыряет на него деньги, возит по загородным ресторанам, в Сочи, устраивает дикие оргии на своей даче, с цыганами и шампанским, — словом, оттягивается по полной программе, и все ради него — любимого, который Для нее такая же игрушка, как и ты, Лиза. Днем она — профессор в университете, ночью — Мессалина, жаждущая самого Дикого разврата. К тому же бешеная ревность, угрозы убить или выгнать с волчьим билетом из университетских стен, если я что-то сделаю не так, не выполню ее сексуальные прихоти. Удивляюсь, как ты раньше не догадывалась обо всем этом! Это же было практически на виду. Впрочем, она тебе всегда легко пудрила мозги.

— Сережа! — вскрикнула Лизочка.

— Ну что — «Сережа»? — точно так же, как Ротова, отмахнулся от ее писка и Нехорошев. — А ты знаешь, что она даже хотела женить меня на себе? Чтобы привязать окончательно. Видно, я ей по вкусу пришелся. С этой целью и тебя быстренько замуж спланировала за какого-то идиота в штанах. Ноя крепким орешком оказался. Почти как Брюс Уиллис, потому и стригусь наголо.

— Голова у вас, Сергей Владимирович, от чужих подушек полысела, — спокойно заметила Ротова. — А я бы за вас и сама не вышла. Потому что вы не Брюс, вы — слюняй и тряпка. Баба вы с большим членом, вот кто.

— Bravo! — захолопал в ладоши Бижущий. — А я хотел идти телевизор смотреть. Нет уж, тут интереснее. Молчу, молчу! — добавил он, встретив мой взгляд.

— А я ведь догадывалась, — произнесла Лиза, после нескольких минут молчания. — И долго у вас это продолжалось? После нашей свадьбы... тоже?

— Инерция движения — она ведь не имеет точки торможения, особенно если ты катишься вниз, — пожал плечами Сергей Владимирович. — Бывало и после свадьбы. И до. И даже во время, если уж хочешь всю правду.

— И сейчас? — продолжала допытываться Лиза.

— Сейчас мы сидим в разных углах, — усмехнулся ее муж, — а то, может быть, и сплелись бы в змеиных объятиях. Яда и похоти у нее на двоих хватит.

— Вот ведь мерзавец! — вырвалось у мадам. — Нет, Лизочка, тебе надо с ним разводиться. Детей у вас все равно нет, а у меня есть на примете один молодой человек, ученый, кандидат наук, который...

— Который уже переспал с ней, — перебил Нехорошев, — сдал, так сказать, зачет на практике. Так что можешь быть спокойна. Она и с первыми твоими мужьями наверняка спала. Дело-то житейское. Все свои, чужие тут не ходят. Еще хорошо, что ты родила в первом своем браке дочь, был бы сын — она бы и с ним занялась половым воспитанием. Природу не исправишь, гони ее в дверь, она в окно влезет.

— Урод, — кратко констатировала Ротова.

— Кстати, об окнах, — вставил неугомонный Бижущкий. — Был у меня в позапрошлом году такой случай...

— Я сам не против развода, — прервал его Нехорошев. — Более того, настаиваю на этом. Заявляю всем: я встретил другого человека и полюбил.

— Надеюсь, этот «человек» хотя бы женщина? — съехидничала Ротова.

— Женщина, женщина. Не чета вам. Молодая и красивая.

— Да вам, Сергей Владимирович, от нашей семьи никуда не деться. Вы же все без меня пропадете. И вы, и она.

— Мама, пусть уходит, — сказала Лиза. — Я его ненавижу.

— Вот и договорились, — усмехнулся Нехорошев. — Вот и выяснили отношения. А что, Лиза, думаешь, я не знаю, что ты вся в мать? Тоже постоянно чешется. Потому и мужей, и любовников меняешь. Придет сантехник краны крутить, ты уже трусики стягиваешь. Потому что с детства приучена не отказывать мальчикам, если просят. Сама мне рассказывала, что мама тебе говорила, как это полезно для развития растущего организма. С одиннадцати лет кувыркаешься, когда огонек там вспыхнул. Потушить не можешь.

— Да замолчи ты! — крикнула ему Лиза.

— Не угодно ли еще чаю? — нежным голосом проворковала Жанночка, которой я подал знак.

— Господа, сделаем небольшую передышку, — произнес я. — Мне надо отойти по делам. К моему возвращению постарайтесь хотя бы частично остаться в живых.

Все посмотрели на меня как на неожиданно заговоривший манекен. Жанночка стала сервировать стол. Бижущкий бросился помогать ей.

В обыденной жизни я довольно серый и скучный человек. Вся энергия и пыл уходят в работу. Здесь поля моего сражения, мой Аустерлиц, а может быть, и будущее Ватерлоо. У меня нет противников, кроме меня самого. Я занимаюсь особой психотерапевтической практикой вот уже два года, с тех пор как был построен в лесопарке Загородный Дом. Так я называю свою клинику. Клинику легких невротозов. Невротоз — такая штука, которая есть у подавляющего большинства населения земного шара. В России невротозами поражено практически 85 процентов народонаселения (женщин — больше). Есть у меня в клинике и стационарное отделение. Кое-кто является старожилом, например Бижущкий. Но чаще я провожу недельные психотерапевтические курсы. «Гости» приезжают, общаются, выясняют отношения, расходятся по домам и появляются вновь. При этом они находятся в естественной среде обитания, среди родных и близких.

Когда-нибудь я напишу книгу о своем методе шоковой психотерапии. Я уже начал ее писать, а «живого» материала — хоть отбавляй. Кто же их будет лечить, эти 85 процентов, если не я? Прежде я работал врачом в государственном психоневрологическом диспансере, но это все не то. Мне нужна была моя собственная клиника, которая была бы подчинена моим исследованиям в этой области. И она появилась. Конечно, я создал собственную теорию психоанализа не на пустом месте. В основу были заложены фундаментальные разработки швейцарского врача-психиатра Морено и, отчасти, разумеется, Фрейда. Поскольку, что ни говори, а нижняя часть тела во многом определяет верхнюю. Святые люди к врачам-психиатрам не обращаются, мы лечим грешных. А я даже не столько лечу, сколько, как фотограф, проявляю негатив через провоцирующий конфликт. Невротик видит мир не в обычном, а в инфракрасном излучении, я же попросту в нужный момент включаю яркую лампу. Он от нее не слепнет, а прозревает. Хотя, честно признаюсь, случиться может всякое.

Человеческий мозг — продукт до того сложный, что и космос в сравнении с ним иной раз кажется мал... Часто применяю особые приемы игры, которым Морено дал специфический термин «психодрама». Каждый человек во время этого действия выполняет какие-либо ролевые функции. Но об этом как-нибудь в другой раз. Сейчас меня ждали дела в левом кабинете, где потрескивали дрова в настоящем камине.

Прежде чем войти туда, я всего на несколько минут заглянул в свою главную «психоаналитическую лабораторию» и чуть отодвинул шторку с третьего фальшивого окна. То, что я увидел сквозь стекло, не улучшило моего настроения, но у меня профессионально крепкие нервы, а разум практически не подвержен эмоциям. Кстати, так же хорошо я переношу и физическую боль. Почему? Всего лишь результат контроля мозга над чувствами. Долгие годы тренировок и некоторые личные жизненные обстоятельства. Заперев дверь, я перешел к очередным «гостям». Так я называл их всех, со дня открытия Загородного Дома.

— А мы, батенька, уже уходить собрались! Пора, пора, засиделись, — такими словами встретил мой приход велеречивый «барин». Он тут, по-моему, веселил всю компанию. Женщина изящно курила тонкую сигарету в длинном мундштуке; второй мужчина, похожий на Грибоедова, вытирал платком слезы, выступившие от какой-то прозвучавшей до моего появления остроты Коленьки. Жан тоже смеялся.

— Вы знаете, мы тут чудесно провели время, — продолжил весельчак. — У вас тишина, покой. Мы заедем еще как-нибудь.

— Да-да, непременно, — кивнула аристократка.

— Хоть на следующей неделе! — заключил «Грибоедов». Фамилия его была, впрочем, вовсе не поэтическая — Маркушкин.

— А мы и рады будем, — сказал я. — А вы уверены, что вам больше ничего не нужно?

— Да чего же более, помилуйте! — отозвался Николай Яковлевич. — Вы ведь из моего прошлого, наверное, уже поняли, к чему я речь вел о русских писателях? Мы тоже втроем живем. И сосуществуем прекрасно. Нет, не в вульгарном смысле, поймите правильно, а в высшем, духовном. Лет этак почти двадцать назад я увел Нину у Александра Сергеевича прямо из-под венца, отчего он едва не вскрыл себе вены. Так, Саша?

— О да! — подтвердил Маркушкин. — Только вены я через шесть лет вскрыл, когда ты снова перешел мне дорогу. А тогда я собирался с Крымского моста прыгнуть.

— Разве? Ну, не важно. А спустя три года Александр Сергеевич мне отомстил. Нина сбежала с ним в Ялту, я развелся, а они поженились. Между прочим, я даже был свидетелем на свадьбе.

— Чистая правда, — улыбнулась Нина.

— Какие высокие отношения, — заметил я, а сам подумал: история его детства экстраполировалась на зрелые годы — тогда он не мог поделить с братом свою сестру, теперь, напротив, охотно делит любимую женщину с другом. Латентная шизофрения, по крайней мере у двух фигурантов из этой тройки.

— Дальше — больше, — продолжил Николай Яковлевич. — Проходит год. И Нина возвращается ко мне. Снова развод, и опять свадьба. Но на сей раз гораздо скромнее, а то мы бы непременно разорились с этими перманентными бракосочетаниями. В конце концов мы просто запутались: кому же должна принадлежать Нина? И заметьте, за всю жизнь мы в общем-то ни разу не поссорились. Что же поделаешь, если она любит нас обоих?

— Увы! — легко вздохнула аристократка. Несмотря на то что она не отличалась многословием, тем не менее создавалась видимость ее самого живого участия в разговоре.

Этому способствовали выразительные и слегка насмешливые глаза, следящие за всеми нами.

— Нина еще пару раз уходила к Александру Сергеевичу и возвращалась, но мы решили больше не разводиться. Не стреляться же мне с ним, как Дантесу с Пушкиным? А ведь он и вправду на Пушкина похож: ему бы еще бакенбарды, побольше. Но я не Дантес, я — Данте. Я побывал в аду, когда Нина первый раз ушла от меня к Маркушкину. Должно быть, и он бродил по кругам преисподней после рокового дня свадьбы.

— А вы? — спросил я Нину. — Туда не спускались за их тенями?

— Я ткала полотно, как Пенелопа, — улыбнулась женщина. — И ждала, кто же первым из этих шахтеров выползет на поверхность.

— Может быть, вас интересует, как все происходит на житейском уровне? — вновь взял слово муж. (Или в этот календарный год супругом является Маркушкин? Я уже и сам начинал запутываться.) — Так все благопристойно. Мы же не спим все вместе в одной кровати. У Александра Сергеевича свой отличный дом. У нас их даже несколько. В том числе за границей. Я считаю, что Нина свободная, разумная женщина и вольна жить, где и с кем хочет. Иногда, когда мы оба ей изрядно надоедаем, она вообще уезжает в Финляндию и проводит там время в одиночестве. Как видите, я с вами откровенен. У нас проблем нет.

— Замечательно, — сказал я и посмотрел на Нину. Она загадочно улыбалась. — А что вы делаете в Финляндии?

— Ловлю форель.

— Она — страшный рыболов, — подтвердил Маркушкин. — Вот чего мы с Колей никогда не могли понять в ее натуре.

— Простите за последний вопрос: у вас есть дети?

Тут, пожалуй, впервые, все они как-то смутились, перестали улыбаться. После небольшой паузы Николай Яковлевич коротко обронил:

— Есть. Один. Но это тема неинтересная.

— Ну что же, — произнес я, — рад был с вами познакомиться. Право, мне даже неудобно, что я уделил вам так мало времени. И в прошлый раз, и нынче. Да и деньги, пожалуй, стоит вернуть. Я же ничем не помог. Тем более что вы и не нуждаетесь в помощи, как я вижу. Зачем же вы искали со мной встречи?

— О вас, Александр Анатольевич, ходят по Москве самые разные слухи, — ответила Нина. — Одни называют вас волшебником, другие — негодяем. Любопытно было посмотреть.

— И к какому мнению вы пришли?

— Я еще не разобралась. Наверное, мне с вами придется встретиться снова.

Николай Яковлевич и Маркушкин переглянулись; я, будто бы спохватившись, торопливо произнес:

— Ах да! Чуть не забыл. Не могли бы вы задержаться еще минут на двадцать? Я для вас подарок приготовил, его надо только собрать. Жан пока сделает вам какие-нибудь коктейли.

— Собрать подарок? — вскинула тонкие брови Нина. — Он что, в разобранном виде?

— Кажется, я не совсем удачно выразился. Набрать. Нарвать. Словом, подождите.

— Мне — сухой мартины с водкой, — повернулся к Жану Николай Яковлевич.

— Отправился, Ниночка, за цветами, — услышал я за спиной голос Маркушкина.

На втором этаже я вновь зашел в комнату, где в напряженном ожидании сидела девушка, переговорил с ней, затем поднялся на третий — там, в одном из помещений на диване спал юноша. Напротив него в кресле листал книгу Левонидзе.

— Так, где ты его нашел? — спросил я.

— В Марьиной Роще. В одном из притонов.

— Он еще и травкой балуется?

— А как же? Поколение пепси. Водка, план и кто нынче побежит за «Клинским»? Не боюсь, дело дошло до герыча. Посмотри на его вены.

— Ладно, собирай его, скоро выход. И ее тоже. Какой-то дурак сказал, что дети — цветы жизни. Теперь все это повторяют, не замечая, что от роз остались одни шипы. Неужели сами мы были такими же? А, Георгий?

— Не занудствуй, — отозвался он. — Еще хуже.

В правом кабинете все еще продолжалась перебранка, но было видно, что дело идет к концу.

— ...и «тойоту», которая на мои деньги куплена, вам, Сергей Владимирович, придется оставить, — говорила мадам. — Лизочка на ней сама ездить будет.

— Да подавитесь! — охотно отвечал Нехорошее. — Я еще запасное колесо вам прикачу. Оно у соседа в гараже лежит. А нижнее белье ношеное переслать?

— Засуньте его сами знаете куда. Вместе с электродрелью — подарком моим вам на день рождения. Только сверло победитовое вставьте, чтоб до кишок проняло. До печенки.

— А еще профессор! — сказал Бижущий, зевнув, махнул рукой и вышел из комнаты.

— Господа, я вам сюрприз приготовил, — остановил я обмен легкими ударами. — Жанночка, сходи за ним наверх.

— А что такое? — спросила Лизочка. Глаза ее загорелись от любопытства.

— Сейчас увидите.

Я повернулся к Нехорошеву:

— Значит, вы решили развестись?

— Да, — твердо ответил он. — Я же сказал, что полюбил другую.

— Кто она?

— Об этом я здесь говорить не хочу.

— Хорошо, — кивнул я и посмотрел на Лизу: — А ваша дочь живет у отца, у вашего первого мужа?

— Ну да. Так мы еще давно, при разводе, решили. Но она часто и к нам приезжает. А что?

— Куда это вы клоните? — первой начала соображать Ротова. — Неужели вы хотите сказать...

— Именно, — произнес я, открывая дверь и впуская в комнату девушку со второго этажа и Жанну.

Сам отодвинулся в тень, наблюдая за немой сценой, которая длилась, наверное, минуты полторы. Нехорошев сначала вскочил, потом безвольно опустился в кресло. Девушка подбежала к нему и застыла. Окаменела и Лизочка. Лишь Ротова, подождав немного, истерически засмеялась.

— Я же говорила... говорила... что от нашей семьи он... никуда не денется!.. — выдавила она сквозь смех. — Ай да Сережа, ай да сукин кот!

— Ира! — закричала на дочь Лизочка.

— Что мама? — порывисто ответила та. Ну почти также, как сама Лиза откликалась на зов Ротовой. У них не только голоса были похожи, но и глаза, волосы, черты лица. У всех троих. Три поколения, три женщины. Три судьбы Сергея Владимировича Нехорошева. А еще

можно было бы сказать: три головы одного дракона, имя которому — любовь. Что, впрочем, тотчас же подтвердила и сама Ирина, крайне безапелляционно заявив:

— Я люблю его, мама. И ты, бабушка, также пойми это.

— Понимаю, понимаю, — игриво ответила Ротова. — Как же не понять, коли сама молодой была. Тоже влюблялась в кого попало.

— Он не «кто попало», он — единственный! — гневно сказала внучка. — Что же ты молчишь, Серж?

Кажется, Сержу было немного плоховато. Я попросил Жанночку налить ему воды. Отпив пару глотков, он вяло Произнес:

— Пойдем отсюда, Иринка. Никто из них все равно ни черта не смыслит в этой жизни. Ты — мой последний шанс, вот что я хотел им сказать. Ты не такая, как твои мать и бабка. С тобой я воспряну.

— Воспрянешь, воспрянешь, — проговорила Ротова. — А шансов-то и шансиков впереди еще много будет, поверьте моему слову. И где же вы жить-то будете? Квартиры своей у Сергея Владимировича нет, он у нас прописан. В «тойоте»? Так и она уплыла. Одна только электродрель и осталась со сверлом победитовым, но он ее для каких-то своих особых нужд приготовил.

— Замолчали бы, что ли, — все так же вяло огрызнулся Нехорошее. — Шуточки ваши ослиные вот как надоели!

— А я вам дело предлагаю, — сказала мадам уже более серьезным голосом. — Квартира у нас большая, пятикомнатная. Да и дача есть. Все поместимся. А со временем как-нибудь разменяемся, коли захотите. Я добрая. Вы меня сегодня вволю порадовали. Ну, если, конечно, Лизочка не возражает.

— Мне плевать! — ответило «среднее звено». — Я с ним так или иначе разведусь.

Ирина выжидающе смотрела на своего Сержа, а я подумал: сейчас все зависит от Нехорошева, от его внутренних душевных ресурсов — остались они еще или нет, сумеет он подняться или разрушение личности уже необратимо?

— Пожалуй... если только на первое время... — пробормотал он. — Раз уж Капитолина Игнатъевна сама предлагает. А что в этом плохого? Как ты, Иринка, думаешь?

— Мне главное — быть с тобой! — поспешно ответила она. — Мне без тебя не жить.

— Да и нам без него тоже, — усмехнулась мадам. — Вот и ладушки! А что наговорили тут сгоряча, так дома разберемся. Может быть, мировую выпьем? Александр Анатольевич, найдется у вас бутылочка сухого вина?

— Ну разумеется, — ответил я. — Сейчас Жанночка принесет. А я вас на некоторое время оставлю.

Нехорошее и все остальные более не были мне интересны. Я перешел в левый кабинет, где также предстоял последний акт трагикомедии.

Здесь сохранялось игриво-веселое настроение. У лидера «Тройственного союза» Николая Яковлевича появился болтливый конкурент в лице застрявшего тут Бижущкого. Он держал в руке бокал с коктейлем и долькой лимона и говорил:

— ...И вот подкрадываюсь я к этому злополучному окну на соседней даче. Слышу странные звуки.

— Погодите, господин Бижущкий, — прервал я. Надо было настраивать этот «скрипичный концерт» на другой лад. Поэтому я заговорил более резко, в иной тональности, обращаясь к Нине: — У вас ведь всего один ребенок, насколько я понял?

— Постоите, а где же обещанный подарок? — спросила она.

— Да, цветы, — подхватил Маркушкин. — Вы же отправились собирать их в свою оранжерею? Я был уверен.

— Сейчас соберут. Но вы не ответили на вопрос.

— А вы говорили, что уже задали свой последний вопрос.

— Изменились обстоятельства. Так как же?

— Ребенок один. Сын. Сейчас ему семнадцать лет. — Нина поставила бокал на столик. — Но я не понимаю, почему...

— Почему меня это интересует? Видите ли, я хотел бы знать, кто является отцом юноши? — Я выразительно посмотрел на Николая Яковлевича и Александра Сергеевича. — Кто из двоих?

— Я, — сказал Маркушкин, сконфузившись.

— Ему бы очень хотелось в это верить, — добавил Николай Яковлевич. — Но это не так. Отец, вне всякого сомнения, ваш покорный слуга. Впрочем, это настолько деликатная тема...

— Да бросьте вы! — оборвал я. — Чего уж нам тут стесняться, коли решили оголяться до конца.

— Она сама не знает, — произнес Маркушкин.

— Знаю, но никогда не скажу, — проговорила Нина.

Она достала длинную сигарету и вставила в мундштук. Я поднес спичку.

— Чтобы не разрывать сердце кому-нибудь из них? Но одно-то сердце вы уже разбили. Вашего сына. Жан, сходите за подарком.

Я держал спичку, пока она не догорела до конца, — в моих пальцах, а она так и не прикурила. Она с удивлением смотрела на мою руку.

— Вам разве от огня не больно?

— А разве это настоящая боль? Можно ли ее сравнить с чувством сына, лишённого не только материнской, но и отцовской любви? Ведь два отца — значит, ни одного.

— Э-э, нет-нет, подождите! — возразил Николай Яковлевич. — Все мы Максима очень любим. И он официально считается моим сыном. Носит мою фамилию. Александр Сергеевич для него просто «дядя».

— «Дядя», — повторил я. — А чем же занимается ваш любимый племянник?

— Учится в привилегированном колледже, — сухо отозвался Маркушкин.

— У него некоторые сложности, — подсказал Николай Яковлевич. — Знаете, переходный возраст, то-сё, девочки, ночные клубы... Словом, молодежь развлекается.

— Короче, он предоставлен самому себе.

— Я намерен отправить его на учебу в Лондон.

— Вряд ли это поможет. Сказано же: грехи отцов падут на детей. Ваш сын наркоман. — Теперь я обращался только к Нине: — Вы виноваты в этом в первую очередь. Пока он был маленький и ничего еще не понимал, можно было продолжать развлекаться и жить в собственное удовольствие. Но ребенок — не собачка. Кроме души, у него есть и такой инструмент как разум. Он впитывает в себя окружающую действительность, и когда детские иллюзии входят в противоречие с конкретными реалиями, разум подвергается быстрой и неизбежной коррозии. Отсюда и все вытекающие последствия. Кто-то из вас открыл ему глаза на истинное положение дел. Причем сделал это намеренно.

В это время в комнату вошел и Жан, ведя за руку упирающегося Максима. То ли он еще

не проснулся окончательно, то ли не отошел от своих «ночных гульбищ».

— Вот ч-черт! — вырвалось у Николая Яковлевича. На аристократическом лице Нины напряглись скулы. Маркушкин втянул голову в плечи, как-то съежился. А Бижущкий невозмутимо осушил свой бокал. Юноша прошел мимо матери, даже не взглянув на нее, и плюхнулся в свободное кресло.

— Вся семейка в сборе, — осоловело произнес он. — Даст мне какой-нибудь гад здесь выпить или нет?

— Ну, Александр Анатольевич, удружили, — промолвила Нина. — Теперь я точно знаю, что вы скорее негодяй, чем волшебник.

— Спасибо. Я догадываюсь, кто сказал вашему сыну правду. Возможно, он же пристрастил Максима к вину и травке. Зачем? Чтобы нанести удар в ваше сердце. Все тройственные союзы рано или поздно распадались. Это месть за собственное поражение.

— Но кто, кто? — Впервые Нине изменило хладнокровие, она даже вскочила с кресла.

— Однако... — пробормотал Николай Яковлевич.

— Чепуха какая-то на постном масле! — выразился Маркушкин.

— А давайте спросим у самого Максима, — предложил я. Тот к этому времени уже завладел бутылкой мартини и пил прямо из горлышка.

— Максим, сынуля, скажи честно, кто тебе... — начала Нина, но юноша отмахнулся свободной рукой.

— Да слышал я все, слышал! — проворчал он, сделав последний глоток. — Шли бы вы все в жопень, и ты, мама, тоже. А если хотите знать, это все он. — Палец ткнулся в направлении Маркушкина. — Вместе со мной по ночным клубам бродит. И рассказывает, какие вы оба сволочи. Сам тоже свинья порядочная. Я вас всех ненавижу.

— Ах ты!.. — Николай Яковлевич ринулся всей своей дородной тушей к Александру Сергеевичу, но его успел перехватить Жан. Завязалась борьба. Не дожидаясь ее окончания, Маркушкин резво вскочил и стремглав улизнул за дверь. Дальнейшее уже не представляло интереса.

У меня есть правило — всегда провожать моих «гостей» до больших металлических ворот. Первыми уехали Ротова и ее семейство. Александр Сергеевич Маркушкин вообще куда-то исчез, наверное, потопал до станции пешком. Николай Яковлевич усадил в свой «мерседес» вновь впавшего в сон Максима. Нина отказалась с ним ехать.

— Ты мне так же отвратителен, как и он, — произнесла она.

Николай Яковлевич хотел что-то сказать, переминаясь с ноги на ногу, потом как-то понуро сел в машину и уехал. С нами остались Нина и Бижущкий. Но последний вскоре, деликатно зевнув, отошел в сторону.

— Никогда уже не будет так, как было прежде, — сказала Нина, обращаясь, собственно, не ко мне, а в пространство — к темным деревьям, которые слегка серебрил свет луны, к напоенному освежающей прохладой воздуху, к тонким и таинственным ночным звукам.

— Будет другое, — отозвался я. — Поверьте, оно станет не лучше и не хуже, если мы сами не захотим изменить то, что на нас надвигается. По крайней мере, предпринять для этого хотя бы одну попытку... Куда вы теперь?

— Поеду к своей подружке. Если ваш Жан отвезет меня.

— Разумеется.

Я кликнул ассистента. Через несколько минут мотор «ауди» уже урчал возле нас, а дверца была услужливо открыта.

— Вы странная личность, — произнесла Нина. — Хотелось бы раскусить вас.

— О, тогда мы непременно встретимся еще раз, — ответил я.

— Скажите, а кто этот человек в пижаме? Он такой забавный! — Нина посмотрела в сторону насвистывающего веселую песенку Бижущкого. Тот, заметив ее взгляд, галантно поклонился.

— Этот? Всего-навсего сексуальный маньяк. Но не волнуйтесь, сейчас он не опаснее нас с вами.

— Вы такого плохого обо мне мнения? — улыбнулась она одной из своих самых загадочных улыбок.

Дверца захлопнулась, машина выехала через ворота и набрала скорость на асфальтовом шоссе. У меня проложена хорошая дорога к Загородному Дому. Я обернулся и поглядел на свое любимое детище, где светилось несколько окон. Нина не выходила у меня из головы, но я вновь настроился на работу. Ждали дела. Ведь, в отличие от большинства людей, я почти не сплю.

— Пойдемте, господин Бижущкий? — произнес я. — Сегодня нет полнолуния.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой продолжается знакомство с Загородным Домом

Молодая женщина производила впечатление спящей, но стоило мне отодвинуть шторку с третьего фальшивого окна в моей «психоаналитической лаборатории», как она, будто уловив проникающий сквозь зеркало взгляд, вскинула голову и посмотрела в мою сторону. Grimаса отвращения исказила ее красивое, но очень бледное лицо. Копна спутанных рыжих волос напоминала конскую гриву. Она лежала в пижаме, но не в малиновой, как у Бижучкого, а в желтой. Женщина нагнулась, поискала рукой тапочки и запустила их один за другим в зеркало. Потом показала мне язык. Я усмехнулся. Комната была обита войлоком, из мебели — лишь диван, столик, два кресла, все надежно привинчено к полу. Женщина стала что-то говорить, я «включил» звук.

— Ну иди, иди сюда! — манила она меня пальцем. — Я тебе нос откушу. Боишься? Экий ты, оказывается, трусишка! Да ты не мужчина, ты... — Тут полилась нецензурная брань. Я ждал, когда она успокоится. Ей было необходимо выговориться. Словесный поток иссяк минут через пять. Она откинулась на подушку и закрыла глаза. Потом отчетливо произнесла: — Ладно, ничего я тебе не сделаю. Надо поговорить. Заходи уж.

Я и сам собирался так поступить, потому что «поговорить» было действительно надо. С тех пор как уехали Ротова, Нехорошее, Нина и другие, прошло три часа. В Загородном Доме все уже давно спали. Ночной обход я совершал обычно после полуночи. Сейчас самое время. Что ж, приступим. Я сделал последний глоток своего фирменного коктейля (кофе — для бодрости, йод — для мозга, водка — для сердечной мышцы, анисовый ликер — для успокоения души), выключил Пластинку с музыкой Моцарта (слушать надо непременно пластинки, а не магнитофонные или дисковые записи). Выйдя из лаборатории, я прошел полукружием коридора и очутился перед металлической дверью. Ключ от нее имелся лишь у меня и у опытной медсестры Параджиевой, Мужеподобной женщины, глухонемой от рождения, которой я весьма доверял и которая, кстати, и обучила меня «читать по губам». Она действовала успокаивающе не только на эту пациентку, но и на всех прочих. Кто бы еще с риском для жизни решился войти в комнату к рыжеволосой женщине? Я — не в счет. Потому что это моя работа.

Когда я открыл дверь, женщина вновь приподняла голову и уставилась на меня, словно не узнавая. Потом зевнула. В комнате было светло, чисто, пахло цветочным дезодорантом; еще одна неприметная дверь вела в ванную и туалет. На стенах висело несколько картин в легких рамах. Плоды ее творчества.

— А ты знаешь, я все время забываю твое лицо, — сказала женщина. — Стоит тебе уйти, и перед моими глазами остается лишь тусклое бледное пятно. Наверное, именно так выглядит твоя душа.

— Почему ты не причешешься?

— Не хочу. Скоро и зубы перестану чистить. Зачем? Мне все равно отсюда никогда не выйти.

— Все от тебя зависит. Ты уже пошла на поправку. Если бы не эти вспышки ярости.

— Я желаю пойти в оранжерею и нарвать цветов.

— Пока рано. Обещаю, что через некоторое время мы это сделаем вместе. Там, кстати, выросли изумительные цикламены. К твоему дню рождения.

— А когда он будет?

— Скоро.

— Все-то ты врешь!

Я стал рассматривать лежащие на столе рисунки. Все они были удивительно хороши: легкие мелькающие фигуры, прячущиеся за ажурной листвой ангельские лики, а вот и она сама — Анастасия, парящая вместе с птицами (а может, и с рыбами — в море или в фантастических небесах), и еще кто-то, резко выделяющийся среди всех — без глаз, с зыбким, как трясина, лицом.

— А это кто?

— Сам знаешь.

— Он слеп? —

— Нет, он ведет за собой слепых, потому и сам вынужден притворяться незрячим. Впрочем... все ты прекрасно понимаешь. Зачем спрашиваешь? Дурак, что ли?

— Но я вовсе не поводирь, Настя. Ты ошибаешься.

— А голос у тебя звучит вкрадчиво. Как у кота.

— Коты не разговаривают, они мячуют. Помнишь детскую песенку: «Чучело-мяучело на трубе сидело...»

— «...Чучело-мяучело песенку все пело...» — тотчас подхватила она. — А дальше забыла.

— Дальше там такие слова: «Про мышей и кильку, про людей-зевак, про кувшин сметаны и хромых собак».

Напрасно я это сказал.

— Про собак? — нахмурила она лоб.

Это было ключевым словом в потоке ее мыслей, таившимся в подсознании. Она рассказывала мне, как на ее глазах в детстве зверски убили ее любимого спаниеля. Тот нервный стресс проявился вновь много лет спустя. Я всегда утверждал, что корни всех психических заболеваний нужно искать в самом раннем возрасте. Все формируется в детстве — и скелет, и внутренние органы, и половые влечения, и основы разума. А «собачья тема» встречалась в ее жизни еще не раз. Я знал это. Не мог не знать — и... такая оплошность. Видя ее изменившееся лицо, я нащупал в кармане электрошокер.

И тут Анастасия, издав дикий кошачий визг, взметнулась с дивана и всеми десятью когтями попыталась вцепиться в мое лицо. Электрический разряд отбросил ее обратно. Мне пришлось прижать бьющееся тело к постели, вынуть приготовленный шприц и сделать укол. Я подождал несколько минут, прежде чем она задышала спокойно и ровно. Теперь проспит до утра. Повернулся и посмотрел на себя в зеркало. Щека и лоб оказались все-таки расцарапаны. Вытерев платком кровь, я подумал: «Забавно было бы, если кто-нибудь в эти минуты изучал меня самого сквозь фальшивое окно. Но может быть, так оно и происходит в действительности? Просто все мы слишком самоуверенны, оставаясь наедине с собой».

Ночной обход я продолжил после того, как сходил в амбулаторную и продезинфицировал царапины, наклеив тонкие кусочки пластыря. Параджиева не спала, она внимательно наблюдала за моими манипуляциями. Знал я ее давно, уж лет пятнадцать, еще по прежней моей работе в психоневрологическом диспансере, и всегда поражался невозмутимости ее лица. Никаких эмоций, хотя повидала она всякое. Талейран как-то сказал, что слова существуют только для того, чтобы скрывать мысли. Что ж, Параджиева, в этом смысле, была идеальным непроницаемым существом, чьи подспудные мысли

оставались полной загадкой даже для меня. Но существовал некий «рыболовный крючок», который цепко держал ее возле меня за уродливо выпяченную нижнюю губу. Полагаю, она могла бы выполнить любое мое указание.

Из персонала в клинике на ночь оставались лишь Параджиева и охранник в небольшом флигеле возле ворот. Левонидзе, как правило, уезжал в Москву, Жанна и Жан тоже, хотя у всех были здесь комнаты. Работали у меня еще несколько врачей-специалистов, но те приходили всего пару раз в неделю для диагностических обследований (медицинскую аппаратуру я привез из Германии). Были, разумеется, приходящая уборщица, повар, официантка и еще кое-какой люд из соседнего поселка. А вот оранжереей я занимался всегда сам, поскольку только там находил редкий покой и отдохновение для души. Большой штат сотрудников был мне совершенно ни к чему, потому что и «гостей» на стационарном режиме в Загородном Доме находилось не так уж и много — в разное время их количество колебалось от пяти до пятнадцати. И пребывали они от одного дня до месяца. Исключая «загостившегося» Бижуцкого, его срок затянулся до полгода. А вот, кстати, и он. Бижуцкий шел мне навстречу по коридору...

— Не спится, пойду, что ли, шары в бильярдной погоняю, — сообщил Бижуцкий. — Не составите компанию, Александр Анатольевич?

— Попозже, — ответил я.

Бильярдная, спортзал, бассейн, солярий находятся на нижнем этаже. На первом — процедурные кабинеты, столовая, кухня, библиотека, кинозальчик. Вторые и третьи этажи — жилые; комнаты обустроены в гостиничном стиле, в каждом помещении отдельная ванная и туалет, балкон, телевизор со спутниковой антенной, телефон с выходом в город. Но у большинства «гостей» свои личные мобильные. На крыше застекленная оранжерея. Я никого не ограничиваю в свободе действий — спите, гуляйте в парке, гоняйте тары. Но видеокамеры фиксируют почти каждое действие, да и пребывание в Загородном Доме стоит недешево. Но это, в основном, богатые люди, хотя иногда, в особых случаях, я консультирую и лечу бесплатно. Ведь деньги меня интересуют лишь как мера реализации моих возможностей, как средство достижения цели. А цель? У человека разумного она может быть лишь одна — познание. Познание себя, людей, мира, Бога. Все иные цели ничтожны и ведут к разрушению личности.

Утром ко мне должен явиться человек без средств, почти нищий, бывший полковник, разорившийся на челночном бизнесе. Предварительная беседа с ним меня заинтриговала. Все оперативные мероприятия по его «делу» уже проведены Левонидзе. Этот полковник представлял совсем другой тип людей, чем, например, богатая бездельница, вдова, госпожа Ползункова, мимо апартаментов которой я проходил. Имей он хотя бы сотую часть ее «зеленых» миллионов, они обрели бы высокий человеколюбивый оттенок, хотя... кто знает? Деньги подобны ржавчине на благородном металле. Душа человека и его разум представляют неизмеримо большую ценность. Об этом знают священники, но моя профессия близка к ним. Тем более что когда-то я всерьез подумывал о том, чтобы отринуть мирскую суету и принять сан. Возможно, под конец жизни я и уйду в монастырь. Но пока я психоаналитик и так же, как священнослужитель, врачую незримые повреждения Души и мозга.

Я шел по коридору, за стенами которого нашли временное пристанище известный пианист, валютная проститутка, Физик-ядерщик, стареющая актриса, молодой плейбой, капризная поэтесса, аскетичный сектант, найденный на вокзале бомж и некоторые другие —

персонажи бесконечной человеческой трагедии. Фальстафы, Гамлеты, Макбеты, Офелии, Раскольниковы, Иваны Карамазовы, Гумбольдты, Дон-Кихоты, просто Игроки, Идиоты и Очарованные странники, собранные воедино на волшебной Лысой горе. Я не входил к ним; мне нужно было лишь замедлить шаг, постоять возле двери и прислушаться, интуитивно уловить очертания беспокойного сна, ощутить исходящую тревогу или тоску, радость или безотчетный страх. Я мысленно расписывал их дальнейшие поступки и желания, предугадывал возможные действия и почти управлял волей. При этом самому мне было ничуть не легче, чем им. Моя ноша была не менее тяжка...

Прежде чем вернуться в лабораторию и просмотреть видеоматериалы, я разыграл пару партий в «американку» с Бижуким, прошелся вокруг Загородного Дома с двумя доберманами. Лег вздремнуть на кушетку уже под утро — и то всего лишь на два часа. Больше мне и не надо.

— Кошка госпожи Ползунковой поцарапала? — спросил Левонидзе, застав меня ранним утром в оранжерее. Я обихаживал розы и цикламены и раздумывал: какой лучше всего букет составить для Анастасии? Ползункова, действительно, не расставалась никогда со своей кошечкой, существом трогательным и безобидным, как ее хозяйка. — Надо бы ее отдать нашим доберманам, на ужин, — добавил Георгий. — Я имею в виду старуху.

Иногда он довольно мрачно острит. А с Ползунковой как-то сразу не сошелся характерами.

— Это меня ночью комары искушали, — пояснил я, дотронувшись до пластыря. Нечего ему быть в курсе всех дел с Анастасией.

— Ну-ну, — усмехнулся он и сразу же перешел к другой теме: — По полковнику все готово. Но, на мой взгляд, зря ты с ним решил возиться. И с бомжом этим. Ты не доктор Гааз, а такие клиенты портят общую репутацию. Другое дело — Ползункова: когда она выезжает на светские рауты, то только о тебе и лопочет. Доносили. А это — реклама, новые пациенты, деньги. Ты вошел в моду. Уже за одно это можно пока оставить доберманов без ужина, сберечь старухины кости на пару месяцев.

Далась же ему эта Ползункова! Я продолжал механически обрезать лишние листочки. К чему спорить? Я вообще никогда никого и ни в чем не пытаюсь переубедить. Есть другие методы утверждения истины. Например, результаты дела. А бомж нужен мне для контраста, как химический реагент, как катализатор среды. Кроме того, практика показывает, что инородное тело в организме зачастую проявляет все симптомы заболевания. А моя клиника — это живой организм.

— Ладно, теперь вот что, — продолжил Левонидзе, не дождавшись от меня ответа. Он сорвал флокс и понюхал его. — Сегодня приедет один человек из ФСБ. Мой старый приятель, тоже следователь.

— Какие у него симптомы? И не рви, не топчи, пожалуйста, цветы, — это тебе не Ползункова.

— Разве? А похожи. Такие же бесполезные предметы. И ведь живут же, даже пахнут. А симптомов особых у моего приятеля нет, разве что хронический геморрой от сидячей работы. Если он и псих, то очень ловко это скрывает. Заявится он к тебе совсем по другому поводу. Ему нужна консультация. Или еще что-то, я толком не понял. Знаю лишь, что дело очень серьезное. По пустякам такого человека бы не послали. На самом веру всполошились. Ну да сам все поймешь, когда он приедет.

Я взял тяпку и стал окучивать кусты, переваривая информацию. Что ж, ФСБ так ФСБ. /

для букета лучше всего подойдет сочетание цикламенов с тюльпанами и бордовая роза посередине. Или обвить по краям гвоздиками?

— Что молчишь? — спросил Георгий.

— Ты знаешь, — отозвался я, — Жюльен Сорель в «Красном и черном» не любил цветов, потому и запутался в своих женщинах, а добавь Стендаль немного желтых настурций да голубых фиалок, и букет... А, о чем ты?

— Оранжерея. Вот то место, где ты окончательно сойдешь с ума, — покачал головой Левонидзе, бросив себе под ноги сорванный флокс.

Поработав еще немного, я спустился и вышел в парк. До завтрака оставалось минут двадцать. Как правило, утром я всегда обхожусь чашкой чаю и поджаренным черным хлебом с листьями салата. Но слежу за тем, как питаются «гости», поэтому и присутствую в столовой. Еда — не только горючее для организма, но еще один большой соблазн, способствующий Разрушению мозга, превращающийся порой в культ. Как и что человек ест — это задача для психиатра, тут две крайности: одна из них — непомерное обжорство, другая — намеренное изнурение себя голодом, а разум страдает от обеих.

В парке ко мне подошел охранник. (Работали они посменно, сутками, а набирал их Левонидзе — все бывшие военные.) Этого, кажется, звали Сергей.

— Ночью кто-то пытался проникнуть на территорию клиники, — сказал он. — Пойдемте покажу.

Мы вышли за ворота и пошли вдоль трехметрового металлического забора, который венчали острые пики. Метров через сорок охранник произнес:

— Человек, очевидно, свернул с шоссе в лес и пробрался сюда. Вот следы. Сломанные ветки. Свежий окурочок. Он пытался залезть, но сорвался. На пике остался клочок от одежды.

Я поглядел наверх, там, действительно, болтался клочок серой ткани.

— Можете его достать?

— Конечно.

Охранник ловко и быстро добрался до пика и спрыгнул вниз.

Я взял тряпицу.

— От плаща или куртки, — сказал Сергей. — Причем вещь уже довольно ношенная.

— Какой-нибудь бродяга?

— Вряд ли. Окурочок-то от «Честерфилда». Сигареты не дешевые. Скорее всего, старый плащ — маскировка.

— Преодолеть забор для тренированного человека труда не составит. Как и вам. Вы, кстати, где служили?

— Разведка спецназа, — коротко ответил он. — Залезть — да, а на пиках застрять можно и в очень даже неприятном положении.

— А может, он все-таки спрыгнул на ту сторону?

— Нет. Я ходил проверять. Следов нет. Сделав одну попытку, человек ушел. Вполне возможно, что его учуяли и напугали собаки. Ночью они сильно лаяли.

— Да, я слышал. Ваши предположения как специалиста и разведчика?

Охранник пожал плечами:

— Трудно сказать. Все зависит от цели проникновения на объект. Я мыслю военными категориями. Воровство — это уголовка. Мне приходилось сталкиваться с предотвращением диверсий. Либо похищение, изъятие чего-то важного. Овладение нужной информацией. В конце концов, физическое устранение. Вариантов тут может быть много. Но вряд ли это

случайность. Я ходил по шоссе до поворота, там на обочине остались следы от поджидавшей человека машины. Судя по протектору, это джип.

— Да вам надо частным детективом работать, — сказал я. Мне этот спокойный, невозмутимый парень начинал все больше нравиться.

— И еще, — добавил он, — не исключено, что это была женщина. Размер обуви средний.

Я спрятал клочок серой ткани в карман.

— Вы уже сказали обо всем этом Левонидзе?

— Нет. Я его еще не видел.

— Как же так? Он ведь утром должен был проехать мимо вас через ворота?

— Не проезжал.

«Значит, Левонидзе ночевал здесь, в клинике?» — подумал я. Ничего особенного в этом, конечно, не было, но обычно Георгий сам предупреждал меня, когда оставался в Загородном Доме. А вчера забыл? Но на память ему было жаловаться грех. Пожалуй, впервые я ощутил какую-то неясную тревогу, к тому же мне показалось, что за деревьями мелькнула и тотчас исчезла чья-то тень.

На сегодняшний день в клинике находилось двенадцать «гостей», все они в данный момент завтракали в столовой. (Анастасия была как бы не в счет, еду ей приносила Параджиева.) Когда-то давно один из моих излечившихся пациентов назвал меня господом богом. В таком случае, теперь передо мной сидели мои двенадцать апостолов, каждый со своим ворохом проблем. Беда в том, что они держались за пих, заполняли ими внутреннюю пустоту, создавали иллюзии. Впрочем, так поступает большинство людей, находя наслаждение в привязанности к своим проблемам. Моя задача как психоаналитика состоит в том, чтобы помочь избавиться от них через трагический катарсис (о чем знал еще Аристотель),

при этом не дать развиться новым безумствам. Труднее всего заставить людей принять обычные вещи такими, каковы они есть; но ведь и в истину они зачастую не верят только потому, что она очевидна, лежит перед их глазами, на поверхности.

Я сидел за крайним столиком у двери, передо мной остывала чашка ароматного чая без сахара, но с долькой лимона. На блюдечке лежали два кусочка черного поджаренного хлеба, покрытые изумрудными листьями салата. Отсюда было хорошо видно всех. Напротив меня расположился Бжуцкий, с аппетитом поглощавший манную кашу. Соседний столик занимали бородатый физик-ядерщик и старая актриса, сделавшая немало пластических операций; они ели землянику в сметане и пили кофе. Еще дальше в одиночестве сидел известный пианист-лауреат, он явно хандрил, едва ковыряя ложечкой в йогурте. За ним находился общий стол, рассчитанный на шесть персон: там шла оживленная беседа между высокомерной поэтессой с родинкой на щеке, молодым плейбоем-культуристом, отмытым и отутюженным бомжом с вокзала и валютной проституткой с мраморным личиком. Кажется, они нашли общую тему для разговора, а официантка то и дело приносила им новые блюда: чернослив, рис, тертую морковь, персиковое желе, болгарский перец, орехи с медом, соки. Госпожа Ползункова тоже предпочитала сидеть одна, кормя свою любимую кошку белоснежной творожной массой, подливая в тарелку еще и козье молоко; питались они из одной миски, как родные сестры. За последним столиком находились сектант-аскет и двое без определенных профессий, к тому же не москвичи: один из ближнего зарубежья, другой — из дальнего. Мой искусный повар, выглянувший на минутку в белом колпаке из кухни,

несомненно, угодил и им в выборе любимой пищи. Продукты нам поставляли отменного качества, экологически чистые, с соседних деревенских полей.

— Вы скверно выглядите, — произнес Бижущкий, окинув меня быстрым взглядом. Он вновь был в своей малиновой двубортной пижаме, в отличие от всех остальных «гостей».

— Почему ночью так громко лаяли собаки?

— Собаки — это не по моей части, — сказал я. — Их внутренний мир мне недоступен. Попробуйте залезть в мозг пса? Уверю вас, вы там и останетесь, поскольку будете сражены гаммой чувств, которые и не снились человеку.

— Да? А мне кажется, что просто кто-то пытался проникнуть на территорию клиники. И единственным чувством у доберманов было схватить того человека за ноги.

— С чего вы решили?

— Из своего окна я видел свет фонарика возле забора, со стороны леса. Что вы на это скажете?

— Возможно. Очевидно, кто-то просто заблудился ночью.

— Сами знаете, что это не так, — улыбнулся Бижущкий. — Нет, кому-то нужно было проникнуть сюда именно незаметно, именно ночью, под покровом тьмы. А с какой целью? Может быть, убить кого-то? Может быть, меня?

— Бросьте, господин Бижущкий, не загружайтесь. Но в любом случае я приму меры. Спите спокойно, никто вас пальцем не тронет.

— Хорошо бы... — задумчиво отозвался он, застыв с ложкой каши в руке.

Я встал, оставив его созерцать свои навязчивые видения, и подсел к соседнему столику. Физик и актриса уже допивали кофе. Они не выносили друг друга, но часто оказывались вместе, будто притянутые магнитом.

— Оградите же меня от этого субъекта, Александр Анатольевич! — с легким смешком сказала силиконовая женщина. — Он меня попросту уби-ва-ет.

И здесь об убийстве», — подумал я, а вслух спросил:

— Каким же образом, Лариса Сергеевна?

Она лишь изящно махнула ручкой (жест, знакомый нам по многим ее фильмам), кокетливо закатила блеклые глаза, а ответил физик:

— Видите ли, доктор, изучая ее, я стал понимать, что не понимаю в людях очень многого, но никак не могу понять, что именно из непонятого мною я все же понимаю, и я, наверное, никогда не пойму разницы между тем, что я уже понял, и тем, чего я не понимаю.

— Так! — произнес я. — Вы сможете повторить эту фразу?

— Могу, — охотно отозвался он. — Но вы ее все равно не поймете. В ней есть ряд неправильностей, правильность применения которых создаст новую неправильность речи, надо говорить очень правильно. А самое смешное то, что в обоих моих высказываниях есть смысл.

— Спасибо, — сказал я, глядя, как он невозмутимо допивает кофе, но при этом чуть улыбается.

— Вы слышали? — засмеялась актриса. — Нет, вы слышите, что он тут городит? Я с ума сойду.

— Это нам не грозит, — утешил ее физик. — Александр Анатольевич не позволит. Да и я тоже. Впрочем, нельзя сойти с места, не заступив на него, но если вы сошли, заступая, то вы заступаете и на то место, с которого уже сошли.

— Я сейчас умру, — сказала актриса. — Уберите от меня господина Тарасевича!

Физик-ядерщик плотоядно усмехнулся, сверля ее взглядом.

— Продолжайте забавляться, — произнес я, вставая и пересаживаясь за следующий столик.

Пианист, лауреат многих международных конкурсов, так почти и не притронулся к пище, лишь расковырял йогурт и раздавил ложкой свежую малину. У него было вытянутое бледное лицо и длинные темные волосы.

— Нынче ночью мне снился сон, — начал он, будто ждал меня. — Словно я беременная женщина и у меня начинаются роды. Но рождается не ребенок, а из матки выходит планета за планетой, вся Солнечная система, к которой я начинаю испытывать поистине материнские чувства. Я смотрю на Землю, а она оказывается такой маленькой, крошечной!.. Я плакал во сне. Да-да, плакал. Потому что люди на этой Земле — моей Земле! — как клещи-паразиты, убийцы. Я не хочу иметь с ними ничего общего.

«Так, еще у одного тема убийства», — подумал я. И спросил:

— Вы ощущали при этом страх?

— Нет, радость. Это были слезы счастья. Поскольку я знал, что люди погибнут, а Земля и Солнечная система останутся.

— Каждый человек является высшим повелителем своих сновидений. А значит, и всей духовной вселенной. Очень важно использовать сны как выход из тупика или как щель в бесконечность. Там, возможно, тот новый мир, который вы ищете, Леонид Маркович. Но мы поговорим об этом позже.

Я отправился к следующему столу, к шумной компании. Они вели разговор на излюбленную среди бомонда тему. Бомж на их фоне выглядел вполне светски.

— Секс лежит в основе всего, — убеждала и без того согласных с ней собеседников поэтесса, выпустившая десятка два сборников стихов. — У меня было только официальных мужей пять штук, шестой сейчас в Монреале, а впервые я вышла замуж очень рано, в десять часов утра. Теперь стараюсь откладывать бракосочетание на послеобеденное время.

— Разумно, — согласился бомж. — Спросонья можно ошибиться и выйти не за того. Хотя какая, в принципе, разница? Все равно окажется сволочью.

— А я устал от секса, — произнес молодой плеябой и нарочито зевнул. Вся Москва знала, что его содержит известная женщина-политик, депутат Госдумы.

— Это ненормально, — заявила поэтесса.

— Конечно, поэтому я здесь.

— А вот я потеряла невинность в девять с половиной лет, — заявила путана. — Причем сразу с тремя мальчиками из соседнего двора, они были старше меня на три-четыре года. Сказали: давай играть в доктора, но ты разденься догола и ложись на спину. А потом стали щекотать меня своими пенисами между ног, по очереди. Я сначала ничего не понимала, но затем вдруг закусил губку от удовольствия. И подумала: черт, а это ведь лучше, чем есть конфеты! С тех пор сама предлагала всем в школе поиграть в доктора. В основном это были, конечно, старшеклассники. И даже учитель физкультуры. Особенно забавно было использовать перемену между Уроками — быстро сбегать с кем-нибудь в подвал, сделать там, что положено, и успеть вернуться на алгебру. Как спорт. Бег с препятствиями. Меня даже прозвали Ленка — Сладкая Пенка. Ну, это ясно почему.

— Ясно, — согласилась поэтесса. — Нет, у меня кличек не было. Я с шести лет писала стихи и постоянно влюблялась. Платонически. Я знала, что мой путь — к вершинам поэзии. А мужья в общем-то на этой тернистой дороге лишь метают.

— Тогда в следующий раз выходите замуж за женщину, — посоветовал бомж.

— Я подумаю, — всерьез ответила поэтесса, выразительно взглянув на путану.

— Ленка — Сладкая Пенка, — повторил плейбой и засмеялся.

— Но я все же буду называть вас Елена Глебовна, — сказал бомж. И посмотрел на меня:

— Мы что-то не то говорим, а?

— Нет-нет, — успокоил я. — Продолжайте. — Здесь можно рассуждать о чем угодно, цензуры нет.

— Тогда скажите, что такое любовь? — спросила меня поэтесса, тронув пальцем свою родинку на щеке. — Я бьюсь над этой загадкой пятой десяток лет, а все без толку. Мираж? Идеал? Ловушка? Вы, конечно, читали мои книги, там вечный поиск.

— Я отвечу, — сказал бомж. Это был очень умный бомж, он когда-то преподавал в университете. — В древнеиндийском трактате «Шурасаптати» приводится десять стадий, которые проходит человек в процессе этого чувства. Вот они: первая — созерцание; затем следуют задумчивость и бессонница, отощание и нечистоплотность; потом идут отупение, потеря стыда, сумасшествие и обмороки; в заключение — смерть.

— От созерцания — через отупение — к смерти, — повторил плейбой и вновь засмеялся. — Надо не забыть, сказать об этом моей дамочке. А то она уже меня заколебала своим ненасытным сексом...

Один из основных законов психиатрии гласит: если люди терпят разговоры о своих пороках и проблемах — это лучший признак того, что они излечиваются. Я не стал мешать вспыхнувшему вновь спору и тихо перешел к соседнему столику, к госпоже Ползунковой. Ее пепельная кошка сидела возле тарелки с творогом и умывалась.

— Ну съешь еще ложечку! — уговаривала ее вдова. Заметив меня, она добавила: — Не хочет, Александр Анатольевич! Ну что мне с ней делать? Я из сил выбилась. Все меня норовят обидеть, никто не понимает. Только вы один чутко улавливаете мою страдальческую душу... Вы знаете, минут десять назад у меня украли часы!

— Как же это случилось? — спросил я.

Ползункова, после того как ее мужа, нефтяного магната, застрелили год назад, стала обладательницей огромного состояния. Конечно, значительную часть растащили друзья-соратники, которые, возможно, и организовали убийство, но и вдова была обеспечена до гробовой доски. О ней она любила говорить больше всего, считая себя смертельно больной, просто на последнем издыхании, хотя выглядела свежо и пышно в свои пятьдесят лет. Деньги ее практически не интересовали, она не знала, что с ними делать и на что тратить. Это-то и вызывало особую ненависть у моего помощника Левонидзе.

— Я сняла их с руки и положила на столик, рядом с творогом, — начала объяснять Ползункова. — Я всегда так делаю, когда занята чем-то серьезным. Чтобы не мешали. Глянь — а их уже и нет!

— У вас, кажется, был золотой «ролекс»? — спросил я.

— Кажется, да. Мне не жалко, куплю другие, но это был подарок мужа.

Я взял ложечку и помешал в чашке со сметаной. Может быть, она бросила часы не на столик, а сюда?

— Неужели вы думаете, что их проглотила Принцесса? — в ужасе прошептала вдова, глядя на свою кошечку.

В сметане часов не оказалось. В твороге тоже. Не было их и в козьем молоке. Я заглянул под стол — безрезультатно. Увидел лишь коровьи ноги вдовы, обтянутые красными

шелковыми чулками.

— Мы разберемся, — произнес я с долей досады. Это было неприятным фактом, пятном. — Пропасть в клинике ничего не может. Не волнуйтесь.

Я знал, что Ползункова не лжет — зачем? Следовательно, часы действительно кто-то украл. Они стоили не меньше десяти тысяч долларов. Неплохой приварок. Или... кто-то страдает kleptomанией. Официантку я исключил сразу, поскольку еще при приеме на работу наводил справки об этой скромной и честнейшей деревенской женщине, да она бы никогда и не решилась потерять столь выгодное место, а в часах уж точно не разбиралась. Повар в столовую не выходил, лишь мелькал в кухне. Значит, это совершил кто-то из моих «двенадцати апостолов». Включая и саму Ползункову.

Думая об этом, я подошел и подсел за последний столик к религиозному сектанту и двум похожим друг на друга мужчинам средних лет, словно они были по меньшей мере двоюродными братьями: один — казахом, другой — японцем-русистом. Признаться, меня радовало то обстоятельство, что клиника в своей клиентуре вышла за пределы Российской Федерации. А между тем казах и японец были давно знакомы друг с другом, учились когда-то в МГИМО, а теперь встретились в Загородном Доме впервые после долгой разлуки. (С японцем Сатоси (чье имя даже в переводе означает «умный») мне приходилось труднее, но и интереснее всего. Дело в том, что японцы, как правило, никогда не лгут, но им никогда не приходит в голову говорить правду. Чаще всего они просто делают вид, что не понимают вас, хотя Сатоси великолепно знает русский язык.

За этим столом царило унылое молчание. Сектант вообще был всегда сдержан в речах, следуя заветам Амвросия Медиоланского, который изрек, что в многословии человек гибнет, а в безмолвии обретает истину. Сатоси молчал из деликатности. А казах Олжас не раскрывал рта потому, что от него нещадно разлило рисовой водкой, которую он употребил в количестве трех бутылок вчера вечером, насколько я знал, в полном одиночестве. Теперь он, часто отдуваясь, поглощал холодный освежающий тан. Японец ел палочками отварной рис с трепангами. Представитель секты истинных грибоедов, Антон Андронович Стоячий, как и положено, вкушал маленькими порциями нечто похожее на жареные мухоморы.

— Ихгм-м! — издал, наконец, некий непонятный звук Олжас, который мог означать что угодно: и хорошее, и плохое.

— Очень точно подмечено, — с улыбкой отозвался Сатоси.

— Как сказать, — загадочно промолвил Стоячий.

— Пожалуй, я пойду, — произнес я и, замыкая круг, вернулся к столику Бижущкого.

Мне показалось, что он так и застыл, все с той же ложкой каши в руке. Но перед ним стояла уже вторая порция манки. Заметив меня, он быстро, в один дух ее прикончил, словно опасаясь, что я могу выхватить его тарелку и съесть.

— Так вот, — продолжил он свою мысль, будто я и не уходил, — тот, кто хотел проникнуть ночью в клинику, — оборотень. Я имею в виду не только его внутреннюю сущность, но и то, что мне удалось увидеть. Его глаза горели красно-желтым светом. Потому и доbermanы лаяли столь яростно.

Слушая Бижущкого, я думал: «Кто же мог стащить часы у госпожи Ползунковой?» — впрочем, я уже почти догадывался, кто.

Полковник Алексей Топорков приехал с офицерской точностью — ровно в десять, как и было условлено, и не один, а с братом (по моей же просьбе), также бывшим военным. Они были весьма похожи: обоим за пятьдесят, подтянутые фигуры, молодежавшие лица, темные от

загара, но со светло-васильковыми глазами. Служили у них в семье все: сейчас — дети, а прежде — отец, дед, прадед. Офицерская косточка. Был еще и самый старший брат, генерал, но он уже умер. Перед встречей я очень тщательно изучил историю их семьи. Определенную работу проделал и Левонидзе. Почему я пригласил Алексея Топоркова приехать вместе с Владимиром? На то были особые причины.

Пока основные «гости» отдыхали и были предоставлены своим любимым занятиям (правда, под ненавязчивым контролем Жанны, Жана и видеокамер), я переключил свое внимание на Топорковых. Принимал я их в правом кабинете, угощая крепким кофе. Левонидзе тоже находился здесь, но почти не принимал участия в разговоре. Он равнодушно смотрел в окно, за которым физик и актриса в спортивных костюмах играли в бадминтон. Вернее, пытались играть, махая невпопад ракетками, поскольку физик был хром, а актриса подслеповата.

— Не понимаю, зачем я-то вам понадобился? — несколько сконфуженно спросил Владимир Топорков. — Ну, Леша, ясно, он сам говорит, что все последние полгода на нервах, того и гляди «чайник» закипит, а я еще поборюсь, подержаюсь в этой Чертовой, безумной жизни, я не сдамся. И ему не дам! — Он кивнул в сторону брата, который сидел так, будто проглотил кочергу, сцепив на коленях пальцы. — После того как нас полностью обчистили и почти пустили по миру кредиторы, я стал еще злее, еще сильнее, — добавил Владимир и в порыве налетевшего возбуждения приложил столик кулаком. Чашечка с кофе подпрыгнула и расплескалась. Сейчас он выглядел очень воинственно: васильковые глаза горели, лицо разругалось. В нем действительно чувствовались недюжинная сила, воля и ум. Впрочем, Алексей тоже не производил впечатления опустившегося или упавшего духом человека. Старенькая рубашка и брюки хорошо выглажены, башмаки сияют, в глазах — почти та же сталь, что и у брата. Но порой в них мелькала глубокая растерянность, граничащая с непроходимым отчаянием. В моей работе необходимо прежде всего изучать глаза клиента, его взгляды, жесты, положение рук и ног. Это целая наука, которая, собственно, предшествует самому психоанализу.

— Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам пренеприятное известие, — начал я отвечать на вопрос Владимира. — Мир, в котором мы живем, рухнул.

Моя фраза, как я и предполагал, вызвала недоумение и даже некоторый столбняк у обоих братьев. Повернулся в нашу сторону даже Левонидзе, хотя уж кто-кто, а он-то давно привык к моим психологическим «штучкам».

— Не понял, — произнес Алексей.

— Да-да, объясните, — поддержал его Владимир.

— Нет, ничего страшного пока не произошло, — охотно продолжил я. — Просто я хочу вывести вас на подобную ситуацию. У каждого человека — свои ценности в этом мире и вообще свой особенный, замкнутый мир. Если эти ценности исчезают, а мир рушится, то что происходит? Вот это я и хочу понять. Считайте мою фразу, конечно же, виртуальной, сказанной о таком же виртуальном мире. Но расскажите мне о своих реальных ценностях и реальном мире, который, не дай бог, может рухнуть, как и все, что вокруг нас стоит, движется и летает. Что для вас было и есть дороже всего и что из этого «дорогого» вы уже потеряли? Ведь, согласитесь, не ограбленный же склад с китайским ширпотребом? Хотя и этого достаточно, чтобы основательно потрясти душу. Но только не офицерскую, насколько я разбираюсь в военных.

Тут я замолчал, давая им время поразмыслить. Проблемы Алексея Топоркова были в

общем-то вполне заурядными и не отличались новизной. Исправный служака, командовавший воинской частью где-то в Средней Азии, выйдя в отставку и имея маленькую квартиру в Москве, решил заняться челночным бизнесом вместе с братом. Но еще при первой беседе меня насторожила одна, вроде бы незначительная, деталь. Владимир был старше его, но вышел в отставку в воинском звании подполковника. Алексей окончил службу полковником. Сразу возникает вопрос: кто кому должен первым отдавать честь при встрече? Младшему брату — старший, или старший офицер — младшему? Тут уже налицо явная неразбериха. Тем более что и служили-то они в одной части. Каково им было? Старший из братьев, как правило, всегда верховодит. Младший — подчиняется. Но вот пролетают годы, и они меняются ролями; командует теперь на законных основаниях младший, старший исполняет приказания. Но психическая амплитуда сознания имеет свой высший пик именно в детстве. Дальше мозг обогащается лишь общими, в основном, конфликтными знаниями и опытом бессознательного. По сути дела, в каждом человеке живут два существа — ребенок и взрослый. Как они контактируют между собой — вот основной вопрос, поважнее того, который задавал себе явный психиатрический невротик Гамлет. Потянув за эту ниточку, я, с помощью Левонидзе, стал распутывать весь клубок.

Бизнес у братьев не заладился, жены их стали каждодневно пилить, затем арендованный склад с товаром и вовсе ограбили. Пришлось продать общую дачу и квартиру бездетного старшего брата-генерала, который скончался еще в начале девяностых. В его смерти было тоже много неясного, но об этом позже. Кое-как выкрутились, расплатились с долгами. Сейчас вели жизнь почти нищенскую, продавая на улице то газеты, то разгружая на вокзале вагоны. Алексей стал часто впадать в депрессию, подолгу глядя в окно, а порой даже разговаривал сам с собой. Опасаясь За его рассудок, месяц назад его супруга привела мужа ко мне. Вот, собственно, и вся «фишка», как любит говорить Мой ассистент Жан, он же — Ваня. Вся, да не вся. Чтобы понять странности клиента, я всегда стремлюсь встать на его место и место тех людей, которые его окружают. А как Вспомнишь, что вообще-то все мы сумасшедшие, то странности в жизни напрочь исчезают, и все становится простым и понятным. Не надо копать слишком глубоко, все всегда лежит на самой поверхности.

На мой вопрос первым стал отвечать Владимир. Взгляд у него был прямой, честный. Но я пожалел, что не могу встать, подойти поближе и как следует изучить сетчатку его глаза, на которой в определенных психических состояниях формируется голографическое изображение образов, возникающих в мозгу. Некоторые ученые-психиатры уверяют, что эти образы проделывают еще и дальнейший путь — в нашу действительность, но я разделяю эту точку зрения лишь отчасти. Поскольку здесь уже пахнет мистикой.

— Что дорого мне в жизни? — произнес Владимир. И кивнул на брата: — Вот он, да еще сын. Жену я в расчет не беру, она курица.

— Была Родина, но мы ее уже потеряли, — добавил Алексей.

— Ее у нас просто-напросто украли, — сказал старший.

— Еще родители, которые уже умерли, — вновь добавил младший.

— Ну и конечно же, самый старший брат, о нем-то мы всегда помним. — Владимир посмотрел на Алексея, словно укоряя его и себя в том, что забыли назвать эту «ценность» в числе первых.

— Да, разумеется, — согласился тот. — У нас была крепкая, дружная семья. Николай стал генералом в конце восьмидесятых. А в девяносто первом, после путча, взял... и застрелился.

— Еще неизвестно, как все было на самом деле, — поправил брат. — Пуля попала в висок из табельного оружия, а был ли это случайный выстрел, самоубийство или... убийство — следствие запуталось. Да в то время, когда все летело кувырком, никому и дела не было до того, что какой-то генерал найден в своей квартире мертвым. Но сам-то я склоняюсь к той мысли, что Коля просто достал пистолет, чтобы почистить, а на курок нажал случайно.

— Нет, — заспорил Алексей. — Он сильно переживал, что все вокруг рушится, идет прахом. Родина и армия для него были превыше всего. И поступил он как настоящий русский офицер, находящийся в окружении врагов.

— Но мы-то ему врагами не были? Как-нибудь вместе, втроем, и пробились бы... Спина к спине. А помнишь тот случай на учениях в Казахстане? — Владимир вдруг засмеялся, а вслед за ним заулыбался и Алексей. Лица их оживились, исчезла какая-то тревожная хмурость. Они словно едиными кровеносными сосудами были связаны.

— Это к вашему вопросу о жизненных ценностях, — обратился ко мне подполковник. — К нам в часть приехал с инспекционной проверкой Николай. Решили провести показательные стрельбы. Ну, прежде всего, конечно же, встречу отметили. Теплой, пахнувшей керосином и мочой водкой джамбульского розлива. Бр-р-р!.. — И оба брата, не сговариваясь, скривились.

— Мне довелось как-то попробовать, — подал голос Левонидзе. Ему надоело глядеть в окно, тем более что бадминтонисты уже ушли, а на их месте каменным монументом стоял пианист, скрестив на груди руки. — Ужасная гадость!

— Так другого же ничего не было, — откликнулся Владимир. — Почти сухой закон, помните то время? Так вот. Приезжаем утром на полигон. Николай стоит по правую руку от меня, Леша — по левую. Три богатыря. Я, как средний брат, в центре. И ладони ко лбу — всматриваемся вдаль. Картина Васнецова.

Тут я отметил про себя одну детальку, но промолчал, а Алексей поправил брата:

— Конечно, у нас были бинокли, дальномеры и все такое прочее, но это не важно. Володька пошел сам корректировать огонь и командует батарее: пли!

— А там, в степи, как на грех с раннего утра отара овец паслась, — продолжил Владимир радостно. — И чабаны на лошадаках. Ну, бывает, не разглядел спьяну. Или азимут перепутал. Не помню. Но факт тот, что дали залп из всех орудий прямо по баранам, включая чабанов. Николай смотрит в бинокль, побледнел весь и передает окуляры Алексею. Молча. Тот тоже становится сначала белым, а потом красным, как алые маки Иссык-Куля. Я спрашиваю: что видно?

— А я отвечаю: вижу баранов, — подхватил Алексей. — Тут Николай мне: что они делают? Я: бегут. Николай снова: а пощади? Я: скачут впереди них. Он: ну а чабаны? Я вожу биноклем, людей нигде обнаружить не могу. Потом, наконец, Нашел, отвечаю: вижу чабанов, несутся впереди лошадей в сторону китайской границы. Так они, между прочим, и пересекли с испугу государственную границу СССР, их потом в Китае отлавливали. Но слава богу, никого не убили, кроме десятка два овец.

— Однако скандал вышел большой, — заключил рассказ Владимир. — Местное начальство на дыбы встало, националисты в то время уже начали поднимать голову. Николаю выговор, Алексея отстранили от должности, мне грозило понижение в звании. Я тогда места себе не находил. Как же так? Вся моя жизнь с армией связана, а теперь что — увольняться? Вот в те дни казалось — весь мир рушится. Из-за какого-то пустяка, из-за неправильной наводки — крах. Я терял одну из главных ценностей в своей жизни. И не

думал в то время о чабанах, которые ведь тоже потеряли «свои ценности», а приобрели, возможно, шок на всю жизнь? Но... прошло время, разобрались, все уладилось. И теперь этот эпизод воспринимается всего лишь как анекдот. Вот вам и шкала ценностей: для одних это десяток баранов, для других — погоны, для третьих — еще что-нибудь. И может быть, к старости мы настолько изменимся, что у нас уже вообще не останется никаких ценностей, и даже гибель России будем воспринимать с усмешкой, как тот же анекдот со стрельбой по чабанам и отаре.

— Ну... это вряд ли, — промолвил Алексей.

— Хотите выпить? — предложил я. Братья кивнули. — Водка у меня, правда, не джамбульского розлива, но можно подогреть и добавить пару ложек керосина. С ослиной мочой только перебой. Дефицит.

Братья засмеялись. Теперь они еще больше походили друг на друга. Если бы только знали... Я достал из бара пузатую бутылку, рюмки, соленый миндаль. Налил всем четверым. Но сам лишь пригубил.

— Сейчас Жанна нам кофе сделает, — сказал я и открыл окно.

Выглянув, я поискал свою ассистентку в саду. Только что она мелькала среди прогуливающих «гостей», а сейчас куда-то исчезла. Зато я услышал громкий шепот продолжавшего стоять памятником пианиста: «Даже половинка меня больше обоих миров, внешнего и внутреннего, мое влияние и величие распространяется за пределы Неба и Земли, хотите, я понесу Землю? А то возьму и разобью ее вдребезги! Никакими словами не описать то, что я чувствую...»

Мелодия его слов была мне хорошо знакома. Не став мешать, я затворил окно, тут в комнату очень кстати вошел Бижуцкий. Я позволяю ему ходить везде и всюду (кроме, разумеется, жилища Анастасии) и даже заглядывать на психоаналитические сеансы. Он вроде громоотвода. Иногда снимает напряжение. Сейчас все шло вполне спокойно и мирно, но я, к сожалению, видел далеко вперед. А как бы хотелось не знать и не видеть! Как бы хотелось не рушить мир. Но нельзя. Я прежде всего врач, и моя задача — излечи больного, вскрый нарыв, отсеки омертвелую плоть, открой ему глаза на истину. Какой бы горькой и безжалостной она ни была.

Я представил Бижуцкого Топорковым.

— А у меня, Александр Анатольевич, сегодня утром зажигалку свистнули, — почему-то очень радостно заявил он, словно наконец-то избавился от геморроя. — Серебряную, с монограммой «БББ» — Борис Брунович Бижуцкий, подарок любимой жены. Мы с ней и Переделкине жили. — Он повернулся к братьям: — Хотите, расскажу, чем все закончилось? Дайте только закурить.

Владимир протянул пачку «Честерфилда». «Для полунищих сигареты довольно дорогие, — подумал я. — Однако у кого-то из «гостей» начинается обострение клептомании».

— Что значит все? — поинтересовался Алексей. Манжета его серой рубашки была порвана, а потом наспех или неумело зашита. Вырван был целый клочок Полковник, заметив мой взгляд, спрятал манжету в рукав пиджака. Я нащупал в кармане ту тряпицу, которую мне передал утром охранник.

— Все — значит все, — сказал Бижуцкий, одергивая свою Двубортную пижаму. И продолжил: — Случалось ли вам, города, заглядывать в чужие окна?

— Извините, — произнес я, вставая со стула. — Мне нужно вас на некоторое время

оставить.

Еще когда Топорковы рассказывали свою историю про стрельбы и чабанов, я восстановил в зрительной памяти картину завтрака в столовой, словно возвратился на полтора часа назад. Вспомнил, кто где сидел, когда вставал, где ходил и что говорил. Сейчас я прошел в кабинет и просмотрел на мониторе видеозапись, чтобы проверить память. Почти ни в чем не ошибся. Ползункова, как известно, сидела в одиночестве (если не считать кошки). За одним из соседних столиков — четверо: поэтесса, бомж, плейбой и путана. За другим: сектант, японец и казах. Любой из этих людей мог изловчиться, протянуть руку и взять часы. Остальные «гости» сидели в отдалении; правда, физик один раз вставал и проходил мимо Ползунковой за второй чашкой кофе. При этом он наклонился и сказал ей что-то веселое, отчего она засмеялась. Обращался к вдове и бомж, положив руку на ее стол. Качнуло с сильного похмелья Олжаса, он запнулся и также приложился к поверхности стола, спугнув кошку. А вот сделал какое-то резкое движение рукой сектант. И наконец, плейбой так оживился от рассказа путаны, что отъехал вместе со своим стулом прямо к Ползунковой. Видеокамера фиксировала лишь общий план столовой, сверху. Мелких деталей видно не было. Но я еще раз прокрутил запись. И заметил в самом ее начале блестящие на столике госпожи Ползунковой часики, рядом с чашкой сметаны. В конце съемки их уже не было.

Я имел свою версию похищения часов и предполагал, кто это мог сделать, но теперь стал сомневаться. Впрочем, сомнение — родная сестра истины; нужно было как следует все обдумать, прежде чем предпринимать какие-то конкретные шаги. Но теперь возникала еще одна проблема, накладывающаяся на предыдущую, — зажигалка Бижущкого с монограммой. Вполне возможно, что эти две кражи связаны между собой. Если в Загородном Доме появился вор, то моя задача — найти его. Я был уверен, что непременно справлюсь с этим, даже не прибегая к помощи Левонидзе, поскольку иной психоаналитик бывает поискуснее опытного детектива. А вся моя работа, в принципе, заключается именно в расследовании преступлений. Тех, которые глубоко сидят в мозгах моих клиентов и готовы вырваться на свободу. Или уже вырвались.

Отодвинув шторку, я посмотрел сквозь фальшивое «окно» на Алексея и Владимира Топорковых. Они, приоткрыв рты, слушали велеречивого Бижущкого, расхаживающего по комнате. Левонидзе сидел с полузакрытыми глазами, как дремлющий сфинкс. «А интересно было бы заглянуть и в его черепную коробку», — подумалось мне. Затем я вышел из кабинета и пошел к ним.

— ...затаив дыхание, я босиком подкрался к освещенному окну моего приятеля и соседа Гуревича, — продолжал рассказывать Бижущкий; и сам стал ходить на цыпочках, заглядывая при этом в камин, где «горели» искусственные дрова. — Надо мной висела луна, перед носом торчала зеленая штора, за которой кто-то то ли смеялся, то ли рыдал. Еще я услышал приглушенный мужской шепот. Сказано было буквально следующее: «А хряка мы заколем завтра...» Меня раздражали и страх, и любопытство. Еще мучили скопившиеся газы. Извините, но накануне вечером я очень плотно поужинал. И боялся, что там, за шторой, они услышат громкое урчание в моем желудке. Или — того хуже — я произведу неожиданный залп из шоколадного орудия. Но те двое — мужчина и женщина — продолжали шептаться о каком-то хряке. «Неужели это моя жена?» — подумал я. А потом вдруг вспомнил, что в детстве меня дразнили именно «хряком». Я был очень толстый и неуклюжий. Но вспомнил я также и про то, что Гуревич сам держал в сарае здорового борова. Встал законный вопрос: так о каком хряке идет речь? Напомню вам, что было полнолуние и полночь... Конец

близок, не волнуйтесь.

— Господин Бижущий, — прервал я его, — позвольте уж и нам закончить.

— О! — развел он руками. — Конечно. Делайте свои дела, а я пойду искупаюсь в бассейне.

Подождав, когда за ним закроется дверь, я обратился к Владимиру Топоркову:

— Вы вскользь упомянули о трех богатырях на картине Васнецова. Себя поставили в центре, как среднего брата. Но на том знаменитом полотне это место занимает основной и главный персонаж былин — Илья Муромец. Возможно, на полигоне вы действительно стояли в центре. Вполне вероятно также, что просто не помните и оговорились. Но я не сомневаюсь в том, что эта оговорка произошла неслучайно.

— А к чему?...и вообще... — начал было Владимир, но осекся и замолчал.

— Да разве это имеет какое-то значение? — поддержал Алексей.

— Имеет, — промолвил я. — Ваш брат, по-видимому, всегда и везде, с детства и до сих пор, во сне и наяву, считает себя основным и главным в вашем семейном клане, центровым.

— Ну и что тут такого? — почти прокричал Владимир, начиная злиться. Он вскочил со стула.

— Да, что? — вновь поддержал брат. — Это естественное соперничество. Мальчишки всегда борются, чтобы победить.

— Но потом они вырастают. А победы как не было, так и нет, — сказал я. — Зато на ее место приходит другое чувство.

— Какое же? — нахмурился Алексей.

— В общем-то вполне естественное, особенно по отношению к более удачливым братьям. Зависть. А затем обида и злопамятство. А далее следует целый букет из бодлеровских цветов. Пахнут они очень резко и кружат голову. Помрачают рассудок, когда думаешь только об одном. О мести.

— Ерунда все это! — вновь взорвался Владимир. — Леша, ты слышишь, на что он намекает? К чему ведет? Поссорить нас хочет. Психоаналитик хренов! Пошли лучше отсюда.

— Нет, — остановил его Алексей. — Пусть продолжит. Я хочу знать. Пока что это все слова.

— А вы припомните весь свой жизненный путь и все ваши взаимоотношения с братом, — произнес я.

— Никаких таких реальных фактов и доказательств не нахожу, — проворчал Алексей.

— Но они есть, — подал голос Левонидзе, вступая в действие.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, состоящая из разных разностей

Анастасия — это моя жена. Если мне сорок девять лет, то ей на днях должно исполниться тридцать. Вполне годится и в дочери. Но нас теперь связывают совсем иные отношения: врач и пациент. В своей запертой комнате она находится уже почти год. Это вынужденная мера, а не моя прихоть. Просто Анастасия порой не в состоянии контролировать свои поступки. Она может не столько навредить другим (я — не в счет, ко мне у нее повышенная агрессия), сколько самой себе. Любой внешний раздражитель способен обострить болезнь, вызвать депрессию или, того хуже, попытку суицида. Кстати, другие ведущие специалисты в психиатрии, которых я приглашал для консультации, согласились с моими выводами и ее особым режимом.

Когда-то она была неплохим художником-графиком и подавала большие надежды. Но накануне первой персональной выставки произошел нервный срыв. Сказалось огромное напряжение. Перед этим — три дня бессонницы, почти без пищи, в непрерывных заботах по устройству выставки в модной галерее. Денег было вложено немало. Но она была и еще остается очень богатой женщиной. А в результате — скандальная история при открытии, когда Анастасию увезли прямо в карете «скорой помощи» в больницу, а оттуда — через неделю — в мою клинику. Загородный Дом к тому времени приобрел уже окончательные очертания как лечебница неврозов и функционировал вовсю. Деньги в него были вложены моей супруги, моих скудных средств хватило бы лишь на постройку загона для кроликов. Причем без самих ушастых.

Но женился я на Анастасии вовсе не из-за ее капитала. Долгое время я даже не знал, что она является дочерью одного из крупных российских банкиров. Просто она действительно была очень привлекательной: стройная фигура, копна рыжих волос, матовое лицо, зеленоватые глаза, яркие губы, а еще была умной и талантливой девушкой. И совсем не избалованная своим привилегированным положением, спокойная и вполне скромная, остроумная, начитанная. Мне тогда еще не было известно, какую сильную психическую травму она перенесла в детстве, когда ее отец, человек вспыльчивый, часто впадающий в гнев и ярость, забил прилюдно насмерть клюшкой для гольфа ее любимого спаниеля. Видела это и десятилетняя Настя. Причем за какую-то ерунду — пес опорожнил желудок на персидский ковер. Несоизмеримость наказания и проступка потрясли девочку. Она некоторое время лечилась в швейцарской клинике, затем психическое здоровье вроде бы восстановилось. Отец делал все, что мог, чтобы загладить свою вину. Он положил на ее имя в банк крупную сумму денег. С восемнадцати лет она могла распоряжаться ими по своему усмотрению. Однако богатые банкиры наивно полагают, что парой-другой миллионов долларов можно вернуть любовь или даже прощение дочерей. Нет, насколько я выяснил потом, отца своего Анастасия с того случая возненавидела и продолжает ненавидеть до сих пор. Поэтому он практически исчез из ее жизни и дает о себе знать лишь пару раз в год: коротким звонком или каким-нибудь дорогим подарком ко дню рождения. Но потому-то и сама она не вошла по собственной воле в их изысканный круг — круг бизнесменов и политиков, элитных писателей и модных артистов. Она всегда держалась от них на расстоянии, хотя по потенциальным и творческим возможностям превосходила многих. Я случайно познакомился с ней в обычном уличном кафе. Кстати, я считаю, что ее графика и живопись после заболевания стали еще ярче, глубже, проникновеннее. Ведь талант и

безумие идут по жизни рядом. А красота ее лица, глаз и губ ничуть не увяла. Так мне кажется. Наверное, потому что я продолжаю ее любить. Вот в память об этой любви у меня и остался на виске шрам от удара каминными щипцами, который нанесла мне Анастасия именно здесь.

Думая о ней, я смотрел на ярко подсвеченные искусственные дрова в камине и следил за тем, что рассказывает Левонидзе. Вначале он говорил о том, что вызывало лишь досаду и легкий смех у братьев Топорковых. Например, как маленький Володя, с детства похожий на кудрявого Ленина и столь же нетерпимый к политическим оппонентам, столкнул младшего брата Алешу с деревенского мостика, отчего тот едва не захлебнулся. А через год украл у старшего брата Коли часы и расколошматил их молотком.

— Зато я научился плавать, — со смехом возразил полковник. — А часы мы с ним вместе стибрили, чтобы посмотреть — почему стрелки бегают? И вообще, откуда вам все это известно?

— Земля слухами полнится, — уклончиво отозвался Левонидзе. — А свидетели порой живут долго. Однако идем дальше. Действительно, оставим всю эту чепуху. Это все так, прелюдия. Чтобы разогреться. А как вы объясните тот факт, что во время случайной драки с хулиганами весной 1968 года вы попали в милицию и едва избежали тюрьмы, а Владимир вышел сухим из воды? Хотя один из пострадавших очутился в больнице и стал позже инвалидом?

— Они ведь первыми начали, — ответил Алексей. — Приставали к нашим девушкам.

— Будущим женам, — буркнул подполковник. — Впрочем, вы, наверное, и это уже знаете. Следопыты! Чай, любимый писатель Фенимор Купер?

— Нет, у меня на полке другая книжка, «Камасутра», — усмехнулся Георгий. Он порой тоже любил пошутить. Особенно когда действительно шел по следу зверя. В такое время я замечал в его сужающихся зрачках два неумолимых ледяных огонька.

Алексей продолжил давать объяснение:

— Мы тогда как раз учились в военном училище. Николай-то уже в полку служил. А Володьке вот-вот погоны лейтенанта должны были нацепить. Ну и тут... такая неприятность. Могли и погнать. Словом, я всю вину на себя взял. Решил, если надо, то отсижу, а потом во флот подамся.

— Но ударил того парня по голове все-таки Владимир? — спросил Левонидзе.

— Да в драке не разберешь! — отозвался Владимир. — Может, и я. Но Алексея я об этой услуге не просил. Напротив, даже разозлился на него, когда узнал. Сам пошел в милицию, но было уже поздно. Дело завертелось.

— А потом развертелось в обратную сторону, благодаря вашему отцу-генералу, — сказал Левонидзе. — Но было тут еще одно любопытное обстоятельство. Даже целых два. Советская власть была хороша тем, что при ней по-плюшкински сохранялись всякие бумажки, документики, заявления, объяснения и прочая бухгалтерия. Вот одна из этих глупых бумаженций. Полюбопытствуйте.

Левонидзе лениво потянулся, взял со стола папку, вытащил лист бумаги и передал его Алексею.

— Это копия. Заявление в милицию вашего брата. В нем говорится, что во время драки он стоял в стороне, а того парня по голове ударили именно вы.

Полковник, нахмурившись, прочитал бумагу. Потом бросил ее на столик, но она не долетела, а плавно спланировала на ковер. Никто поднимать не стал.

— Но ударил-то, кажется, действительно я, — промолвил Алексей. — И потом, давайте сделаем скидку на молодость. На будущую карьеру, которая может в одночасье рухнуть.

— Но ваша карьера при этом никак не учитывалась, — холодно заметил Левонидзе и выудил из папки другую бумагу. — Хорошо. Вот еще один документ. О добровольном сотрудничестве Владимира Топоркова с органами внутренних дел. Собственноручно написано, число, подпись.

Бумага перелетела к Алексею, тот лишь пробежал ее взглядом и отправил на ковер к первой.

— На меня так давили, что я вынужден был это написать, — произнес Владимир. — Но какое это имеет значение? Через полгода я уже служил на Дальнем Востоке и об этой промокашке даже не вспоминал. Вы что же, решили меня в дерьмо окунуть, да еще в перьях вывалить? Какие у вас еще козырные тузы в рукаве?

— Есть немного, — отозвался Левонидзе. Новая бумажка была отдана Алексею. Георгий откомментировал: — Эта организация, с которой изъявил свое желание иметь контакты гражданин В.Топорков, куда серьезнее — Комитет государственной безопасности, датирована она 1976 годом, а псевдоним автором выбран сразу трехзвездный — «Полковник», хотя наш фигурант в то время был на три воинских ранга ниже званием. Очевидно, оч-чень, оч-чень хотелось видеть себя именно с такими погонами. Но настоящим полковником, как поется в песенке, стали все же вы, а не ваш брат.

Некоторое воцарившееся молчание прервал сам Владимир.

— Я объясню, — сказал он, обращаясь к Алексею. — Наша часть располагалась недалеко от границы, и это была необходимая мера. Кроме того, я ведь в политотделе работал.

— Да мне плевать! — отмахнулся тот. — Все равно я тебя люблю.

Очередная бумажка присоединилась к прежним. Они лежали на ковре, словно опавшие с Древа жизни листья. А может быть, это было Древо познания Добра и Зла, что, впрочем, одно и то же.

— Великодушный вы человек, Алексей Викторович, — усмехнулся Левонидзе. — Вам бы не по артиллерийской, а по церковной части служить. Вас не смущает даже то, что в архивах Конторы было обнаружено некое донесение, в котором вы характеризуетесь как крайне неблагонадежная, в политическом смысле, личность. Стоит ли говорить, каким псевдонимом оно подписано?

Еще один лист бумаги появился в его руках.

— Хватит! — прорвало тут Владимира Топоркова. — Прекратите. Этим вы ничего не измените. Дайте мне поговорить с братом наедине. Оставьте нас.

— Хорошо, — сказал Левонидзе, взглянув на меня.

— Сделаем перерыв, — кивнул я. — Вы — мои гости, отдохайте и разговаривайте хоть до завтрашнего утра. И не стесняйтесь, угощайтесь водкой.

Мы вышли, мой помощник тут же зевнул.

— Скучно, — сказал он. — Все это напоминает мне историю Каина и Авеля. Пойду часочек посплю.

— В том-то и прелесть этого мира, что он никогда не меняется, — согласился я. — Все было, но ничто не проходит.

— И не исчезает бесследно, — добавил Левонидзе, как-то странно подмигнув мне. Он пошел в свою комнату на втором этаже, а я отправился немного побродить по окружавшему

Дом парку.

Здесь были проложены усыпанные гравием дорожки, установлены деревянные теремки-беседки, разбит теннисный корт, имелся небольшой водоем с двумя лодками у мостика и даже настоящий грот, где стояла увитая плющом скамья и где я сам любил порой отдыхать от своих «гостей» или от собственных мыслей. Сейчас ноги несли меня именно туда. Проходя по парку, в котором росли преимущественно клены, березки и липы, я видел за деревьями некоторых из моих клиентов. Опавшие желто-красные листья приятно шуршали под ногами. Утро было сухим, теплым. Сам воздух, казалось, звенел от легкого дуновения ветерка. «Бабье лето» в этом году Пришло поздно.

За деревьями мелькнуло бородатое лицо физика с трубкой во рту. Он шел, прихрамывая, опираясь на палку. За ним проследовал сектант, глядя себе под ноги, словно выискивая что-то. В теремке сидели сразу три женщины — актриса, путана и поэтесса, устроив себе «девичник», на лужайке, столбом стоял пианист. Плейбой также в одиночестве разминался на теннисном корте. Я подошел к водоему и встал на мостике, облокотившись на перила. Поверхность пруда была покрыта тиной и листьями. «Надо бы его почистить, вызвать кого-нибудь из деревни», — подумалось мне. На одной из лодок мимо меня греб Сатоси, выставив, как всегда, в улыбке белые лошадиные зубы. На берегу сидел Олжас, охватив большую голову руками. Цце-то слышался голос Бижуцкого, что-то кому-то вдохновенно рассказывающего. Наверное, бомжу. И очевидно, историю, конец которой, пожалуй, был известен лишь одному мне.

Я не беспокоился об оставленных в комнате братьях Топорковых. Сейчас они, разумеется, основательно повздорят, покричат, затем помирятся, но главные открытия ждут их впереди. Вытягивать занозу — дело долгое и трудное. Но иначе она будет продолжать гнить в теле, отравляя организм. Приблизившись к гроту, я обнаружил, что уединенное место уже занято. На скамье сидела госпожа Ползункова, поглаживая расположившуюся на ее коленях пушистую Принцессу. Я уже собрался развернуться и уйти. Но вдова торопливо сказала:

— Александр Анатольевич! Вы-то мне и нужны. Присаживайтесь рядышком, места хватит.

Разумеется, я выполнил ее пожелание, фот представлял собой небольшую пещеру с естественным освещением. Вверху был проем, откуда на рыхловатое лицо Ползунковой причудливо падали солнечные лучи и тени. В глубине пещеры он сужался, превращаясь в узкий лаз, который вел неведомо куда. Еще при строительстве Загородного Дома местные жители говорили, что это очень древняя пещера, а лаз из нее ведет в целую сеть подземных катакомб. Когда-то в них добывали соль, в километре отсюда можно еще наткнуться на заброшенные карьеры. Возможно, они правы, но у меня никогда не возникало желания проверить это. Приготовившись выслушать Ползункову, я подумал, что речь вновь пойдет о пропавших часиках. Однако ошибся.

— Я написала завещание, — произнесла она столь торжественно, словно в ту же секунду должна была заиграть траурная музыка и начаться церемония прощания с ее телом. Выжидательно посмотрев на меня, она надолго замолчала. Но начала мурлыкать кошка, не веря в погребение хозяйки в этом каменном гроте.

— Продолжайте, — хладнокровно сказал я. Мои пациенты часто пишут всевозможные завещания, причем самые сумасбродные и дикие, а потом рвут их. И сочиняют новые.

— Я ездила вчера к нотариусу и завершила его, — уже менее торжественно проговорила

Ползункова. — Он запер завещание в сейф.

— Разумно, — похвалил я. — Человек, говорят, смертен, правда, мне не довелось убедиться в этом на собственном опыте.

— Большую часть своего состояния я оставляю Принцессе, — продолжила Ползункова, не уловив моей иронии и глядя кошку, которой, по моему мнению, было глубоко чихать на все купюры с изображением американских президентов. — О ней будут заботиться, кормить, ухаживать и водить на мою могилку. Там ее всегда будет ожидать свежий творог с рынка. Будто бы от меня. — Тут Ползункова собралась пустить слезу, скривила лицо, но... передумала. В гроте было и так достаточно сыро. Где-то под землей били ключи. Даже слышалось их журчание.

— Алла Борисовна! — произнес я, желая ее поддержать. — Мысли о смерти очень вероломны, захваченные ими, мы забываем жить. Вам следует относиться к себе более великодушно.

— Нет, нет! — поспешно ответила она. — Я знаю, что скоро умру. Еще несколько дней назад мне было... видение. Ночью. Я не спала. НЕЧТО вошло в комнату и склонилось над моей кроватью. Оно приказало мне «готовиться». Вы знаете, даже У Принцессы шерсть встала дыбом.

Я не перебивал ее, поскольку у подобных пациентов магия сновидений бывает вполне реальной. Иногда с ними разговаривают двойники, ангелы, бесы или то НЕЧТО, о котором сейчас упоминала Ползункова. Но она вдруг сменила тему.

— Здесь есть кто-то чужой, — сказала она, понизив голос и тревожно оглядываясь. Взгляд ее остановился на узком лазе в подземные пещеры, откуда тянуло сыростью и заплесневевшим «рокфором». — Он ходит тихо и незаметно, все время прячется. Это именно он украл мои часы. Чтобы остановить на них стрелки.

— Полноте, — как можно мягче произнес я, хотя у меня самого после ее слов вдруг пробежал легкий холодок по спине. — Мы скоро найдем их.

Тут мне почудилось, что в глубине грота действительно кто-то стоит, прячась за каменным выступом. Я поднялся и сделал несколько шагов к лазу, но это оказалось всего лишь причудливой игрой света и тени. Зато у выхода послышался несомненный шорох. Ползункова вцепилась в мою руку, Принцесса вздыбила шерсть на спинке.

— Не уходите! — громко прошептала Алла Борисовна. — Это он.

— Я только взгляну. — Освободив руку, вышел из грота. Вокруг никого не было. «Какой-нибудь зверек пробежал, — подумалось мне. — Белка или еж».

Затем я вернулся к Ползунковой, у которой в глазах сквозил страх. Странно, что она решилась забраться в этот грот, коли так боится. Место не из самых приятных, даже слегка жутковатое.

— Абсолютно никого! — сообщил я как можно более весело. — Все это нервы. Пойдемте отсюда на свежий воздух.

— Нет, нет! — столь же торопливо, как в прошлый раз, ответила она. — Я еще не рассказала о завещании. Вы должны знать, что десять миллионов долларов я оставляю на нужды клиники. Поскольку верю в ваше благое дело.

— Вот знать этого я вовсе не должен, — шутливо отозвался я, — ибо мне захочется вас когда-нибудь отравить. Помните, как в Библии: горе тем, через кого в мир сей приходят соблазны...

— Нет, вы меня не отравите, — печально, но уверенно произнесла она. Добавив после

небольшой паузы: — Меня найдут здесь, в этом гроте, зарезанной. — И постучала при этом по каменной кладке.

И вновь мы оба слышали какой-то подозрительный шорох, доносящийся то ли из лаза, то ли от выхода.

— Пойдемте! — решительно сказал я, протягивая руку. — Мы обсудим ваши проблемы позже.

Возле грота мы, естественно, никого не обнаружили.

Путь обратно пробежал по тропинке, вдоль которой были высажены особые морозостойкие мексиканские кактусы. Но зимой их все же покрывали специальной пленкой, а под ними шли трубы с подогревом. Иглы этих больших и причудливых кактусов были столь остры и тверды, что могли проткнуть насквозь даже человека. Если бы он возжелал побыть цыпленком на вертеле. Мне они никогда не нравились. Их посадила Анастасия, еще когда была здорова. Она говорила, что мексиканские индейцы кончают жизнь самоубийством, бросаясь на подобные иглы. В основном, девушки, от несчастной любви. И добавляла при этом, что так же поступит и сама, если я ее брошу. Фантазии, конечно, что же еще?

Но сейчас, пока я шел вместе с Ползунковой мимо этих чудовищ, мне подумалось, что вот стоит мне лишь подставить ногу и слегка подтолкнуть вдовицу, как она споткнется, выронит из рук кошку и непременно полетит на застывший в ожидании кактус с его смертоносными иглами. Одна из которых вопьется ей в висок Десять миллионов долларов перейдут на счет клиники, что будет очень своевременно, так как имелись существенные финансовые проблемы. Покуда мне удавалось скрывать эти неурядицы, латать дыры, но скоро, вполне возможно, об этом узнают все. И тогда моя головная боль станет достоянием гласности.

Однако я тоже имею право на некоторые фантазии. Тем не менее Принцесса в руках Ползунковой предостерегающе замаякала. Экие прозорливые существа эти кошки!.. Еще одна мысль, озаботившая меня в эти минуты, была о «некто чужом, незаметном, прячущемся», как выразилась сама вдова в гроте. Кто мог ей померещиться здесь, в парке или в Доме? Ведь нет же тут невидимок? Все «гости» практически всегда на виду, обслуживающий персонал тоже. Чужие, как принято говорить, здесь не ходят. Но ведь была предпринята попытка проникнуть на территорию клиники нынешней ночью? Или это имитация? Целью отвлечь внимание, направить поиски по ложному следу? Но кого и что следовало искать? Мне подумалось, что кто-то начинает вести довольно опасную и хитрую игру. Игру в прятки. Именно со мной. Где же мне искать того, кого зовут НЕКТО или НЕЧТО? Ответ сам выплыл на поверхность из моего сознания. Прежде всего я спросил себя «Куда девается капля, когда она падает в пруд? Она исчезает».

Но, не так ли «исчезает» отдельный человек, когда он попадает в пруд (или тихий омут?) других людей?

— Смотрите, какая все-таки замечательная пара и как они подходят друг другу! — вывела меня из задумчивости Алла Борисовна, показывая рукой в сторону теннисного корта, где играли мои ассистенты Жан и Жанна. — Какие они оба гибкие и стройные, залюбуешься! Вот бы их поженить. А?!

Если бы она только знала, что Жан — гей, а Жанна — лесбиянка, и они ненавидят друг друга. Но в теннис играют действительно хорошо, со спортивной злостью и азартом. Мне были нужны именно такие помощники, поскольку среди моих клиентов не редки люди с самой причудливой сексуальной ориентацией.

— Поженим после следующей посевной, — великодушно согласился я и направился к Дому. Пора было возвращаться к братьям Топорковым.

Бутылку водки они уже уговорили, сейчас сидели полуобнявшись и душевно напевали старую песню.

— «Ка-ким ты бы-ы-ыл, та-а-ким остался...» — затягивал Алексей.

— «Но ты и до-о-орог мне та-а-кой!..» — подхватил Владимир.

Я подождал, пока они допоят до конца. Потом молча вытащил вторую бутылку. Собственно, можно было и попроситься с ними, раз всех все устраивает, но Левонидзе, вскоре присоединившийся к нам, настроен был продолжать. Он выглядел свежо и бодро.

— Итак, уволившись из армии, вы занялись бизнесом, — произнес мой помощник, обращаясь по-прежнему преимущественно к полковнику. — И привлекли к этому делу брата.

— Так, — кивнул Алексей.

— Затем где-то в Китае подхватили кожную болезнь и некоторое время лечились в военном госпитале Бурденко.

— Да.

— Значительная часть сбережений ушла на лекарства, а потом еще и склад разграбили.

— Именно.

— Ваш брат сейчас находится в таком же бедственном положении, как и вы.

— Конечно.

— Тогда ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос. — Левонидзе открыл папку и начал что-то искать, хотя я был уверен, что у него все давно приготовлено и лежит на месте. Просто тянул паузу, чтобы напрячь нервы у ожидавших братьев. Я не сомневался, что в прокуратуре он был лучшим следователем. — Вот, — сказал наконец он и вытащил несколько фотографий. — Поглядите-ка. Откуда у вашего брата три месяца назад вдруг появился этот уютный двухэтажный особнячок в Красногорском районе и этот джип?

Я знал, что на снимках запечатлен и сам Владимир Топорков со своим новым имуществом. Но без супруги. Очевидно, эти приобретения составляли тайну и для нее. Попросту приготовил для себя запасной аэродром. Чтобы рано или поздно исчезнуть.

Пока Алексей рассматривал фотографии и опять хмурился, Левонидзе продолжил:

— Сделки оформлены через вторые и третьи руки, но концы-то всегда остаются. У меня есть и копии этих документов. Показать?

— Не надо. — Полковник бросил фотографии к неподвижно застывшему брату. Они упали к нему на колени и соскользнули на пол. — Это ты увел товар со склада. И имитировал ограбление. Зачем же ты, сука, газетами вместе со мной торгуешь и Рубли сшибаешь?

— Чтобы не догадались, — подсказал Левонидзе.

— А вот «Честерфилд» курить не стоило бы, — заметил я. — Для роли разорившегося е дым больше подходит «Прима» или «Беломор».

Владимир Топорков неожиданно засмеялся, поглядывая на всех троих.

— Уважаю, — сказал он. — Ловко сработано. Молодцы. Ай да психоаналитики. Вам бы в ЦРУ служить. Но я тебе, Леша, сейчас все объясню.

— У него на все есть ответ, — усмехнулся Левонидзе. — Давайте послушаем. Люблс мифы Древней Греции.

Алексей резко встал, но в драку не полез, а плеснул себе водки. Владимир протянул ему и свою рюмку.

— Ты меня благодарить будешь, — сказал он. — Наливай и слушай. Пока ты лежал в больнице, на меня наехали братки из Орехова. Вначале я согласился платить за «крышу», но потом они резко взвинтили цену. Тебе я ничего не говорил, потому что врач запретил беспокоить. Какой у меня оставался выход? Они грозили сжечь склад. Вот я придумал такой ход конем. В той ситуации это было самым разумным решением. Товар я вывез и продал оптом, а деньги вложил в домик. Не отдавать же все браткам.

— Но почему же ты мне позже ничего не сказал? — спросил полковник, все еще сомневаясь.

— Пойми, дурья твоя башка, этого нельзя было делать. Ты парень горячий, попер бы напролом и схлопотал пулю или загремел в больницу. Да и я вместе с тобой. Они бы еще и до жен добрались. Поэтому все приходилось держать в тайне, даже от моей жены. А так они видят: склад сгорел, сами мы бедствуем, торгуем газетами, вот и отстали. Надо было еще месяца три-четыре продержаться, а потом я бы рассказал всю правду. Вот тебе и загородный особнячок, и джип, и кредиторов нет, и братков, и деньги остались, и можно новое дело начинать. Опять вместе. Здорово все удалось?

Владимир победно посмотрел на брата, на Левонидзе и на меня.

— Снова вместе — не советую, — промолвил мой помощник.

— А можете вы опять оставить нас одних? — попросил Алексей.

— Ну разумеется, — сказал я. — Водки еще много. — И кивнул в сторону бара.

Смешное и трагическое столь часто перемешивается в людской природе, что только диву даешься, а порой смех и слезы еще густо приправлены кровью, как изысканное блюдо для таких гурманов, как я или мой помощник. Я высказал свою мысль Левонидзе, но он лишь пожал плечами, не разделяя моего мизантропского настроения.

— То ли еще увидим, — сумрачно изрек он. — Но хорошо, что у братанов Топорковых нет с собой боевых топоров или другого оружия.

— А ты их обыскивал, что ли? — спросил я.

— У профессионалов свои секреты, — уклончиво отозвался он. — Я же в твою мозговую кулинарию не лезу.

— И правильно делаешь. На кухне должен быть только один повар.

Левонидзе закурил, щелкнув серебряной зажигалкой. Такую я прежде у него не видел. Проследив за моим взглядом, он усмехнулся.

— Похожа, но не та. А вот часы у Ползунковой наверняка украл сам Бижущкий. Он веде kleптоман и лунатик.

То, что Бижущкий не всегда отвечает за свои поступки, если можно так мягко выразиться, я знал. Но до полнолуния было еще несколько дней, а в предшествующие сутки он вполне нормальный, хотя и несколько занудливый человек. Это во-первых. Во-вторых, Борис Брунович сидел слишком далеко от Ползунковой. Правда, теперь я вспомнил, что он вставал со своего места в самом начале завтрака. Камера плохо зафиксировала этот момент. В-третьих, откуда Левонидзе вообще знает про пропавшие часики? Об этом я и спросил своего помощника.

— Откуда? Об этом, наверное, только глухой не слышал, — ответил Георгий. И опять как-то уклончиво. Ползункова, конечно, женщина чрезмерно болтливая, но у меня появились некоторые сомнения в том, что она успела рассказать кому-либо еще о своей пропаже.

— Пожалуй, ты уже и о ее завещании знаешь? — спросил я, фиксируя взгляд. Он был непроницаем.

— О каком таком завещании? — задал Левонидзе встречный вопрос.

Я почему-то вдруг подумал, что это именно он час назад шуршал листвою и камешками возле грота. Но вслух об этом не сказал. Нашей беседе помешал неслышно подошедший Жан.

— Вам, Александр Анатольевич, звонила Нина. Та, вчерашняя, — доложил он. — Спрашивала, не появлялись ли здесь Николай Яковлевич или Маркушкин? Но я не стал вас тревожить.

— Значит, обоих потеряла, — усмехнулся Левонидзе. — Думаю, они пьют где-нибудь на пару и клянутся в вечной дружбе.

— Как знать, — произнес я, интуитивно заподозрив что-то неладное. Это лишь дураки учатся на своих ошибках и немного умнеют, а люди неглупые, вроде обоих «отцов» Максима, вопреки всем своим ошибкам, напротив, дуреют. К тому же меня отчего-то беспокоит сама Нина. Я уверен, что в ней уже произошел некий нравственный слом. Надеюсь, к лучшему. Хотелось бы убедиться в этом.

— Сказала, что перезвонит позже, — добавил Жан. — И мне показалось, что она была очень взволнованна, потому что пропал еще и Максим.

— Словом, все растерялись, — саркастично заметил Левонидзе. — Ушли в разных направлениях и не вернулись к домашнему очагу. Надо было ей сказать, что после посещения клиники Александра Анатольевича Тропенина многие пациенты исчезают почти бесследно и более никогда не возвращаются в свое прежнее физическое тело. Таковы законы психиатрии, или конфигурации фигур.

— В следующий раз так и скажу, — пообещал Жан. Он слегка наклонил голову и столь же бесшумно исчез.

— Его бы дворецким в Англию, в какой-нибудь старый замок с привидениями, — похвалил Левонидзе. — Впрочем, ему здесь тоже неплохо, да и призраков хватает. Порой не отличишь: кто еще живой, а кто уже мертвый. Но в любом случае у каждого из-за плеча какой-нибудь скелет выглядывает.

Я промолчал, поскольку был согласен с Георгием. А еще потому, что дыхание этого «скелета» ощущал и за своей спиной. Едва мы прошли несколько метров, как встретили Жанну.

— Наши дамы там, в теремке, готовы перекусать друг друга, — тревожно сообщила она. — Я как раз за вами.

— Что ж, посмотрим, — кивнул я. — Только никогда не торопитесь. Излишние волнения и спешка всегда передаются нашим гостям. Дай воде покипеть, и она вся выкипит.

— И даже к последнему вагону поезда не мчись сломя голову, — добавил Левонидзе. — Поскольку его-то как раз и отцепят в первую очередь. Поверь, Жанночка, двум старым мудрым черепахам.

Мы медленно двинулись вслед за длинноногой ассистенткой к теремку, откуда доносились возбужденные голоса. К девичнику из поэтессы, путаны и актрисы присоединилась еще и Ползункова с Принцессой на руках. Полный сбор здешних женщин. Анастасию я, разумеется, выделял в особую категорию и не сопоставлял ни с кем. Признаться, более всего меня сейчас озадачивали следующие моменты: сигареты «Честерфилд», которые курил Владимир Топорков, и окурочок, оброненный неизвестным злоумышленником у ограды; следы протектора джипа, который мог принадлежать тому же среднему братцу; а также клочок серой рубахи в моем кармане — он вполне соответствовал одеянию младшего Топоркова. Возможно, кто-то из них пытался ночью пробраться в

клинику, но зачем? Выводы в любом случае делать было рано.

Остановившись возле теремка, мы стали прислушиваться к беседе. (Жанну я отпустил восвояси.) Сейчас дамы разговаривали более тихо, но были явно чем-то напуганы. Причина выяснилась довольно скоро. Левонидзе не смог сдержать злорадной усмешки.

— ...я заявляю, что готова собрать свои вещи и уехать отсюда немедленно. — Голос принадлежал поэтессе Ахмеджаковой, гордящейся своим древним княжеским родом, что, впрочем, не мешало ей во время ночного сна регулярно мочиться в кровать. Параджиева, отвечающая за смену постельного белья, постоянно жаловалась мне на эту поэтическую слабость. Я же никогда не придавал этому особого значения, поскольку лечу не энурез, а мозги.

— Но вы уверены, что не ошиблись, милочка? — спросила актриса.

— О господи!.. — простонала вдова.

— Даже забавно! — фыркнула путана.

— Нет, не ошиблась, — ответила поэтесса. — Я лишь сегодня вспомнила, где видела его лицо. Лицо этого страшного казаха. Олжас, кажется? Так вот. Десять лет назад в одной газете была напечатана его фотография. И подпись: «Людоед из Чимкента». Он скушал, если мне не изменяет память, штук пятнадцать молоденьких девушек Варил плов в чане.

— Вам-то чего бояться? — язвительно спросила путана. — Молоденьких же...

— А что же с ним приключилось дальше? — поинтересовалась актриса трагическим шепотом.

— Его упрятали в сумасшедший дом, — ответила Ахмеджакова и тут же добавила: — Мне, между прочим, всего двадцать девять лет, по метрикам.

— Знаем мы эти метрики! — хихикнула путана. — С такими метриками плова не сварить. Людоеда-то фальшивыми паспортами не обманешь!

— О господи!.. — вновь простонала Ползункова.

— Выходит, из сумасшедшего дома он сбежал, — сказала актриса.

— И спрятался здесь, — согласилась Ахмеджакова. — Но почему об этом ничего не знает Александр Анатольевич? — промолвила актриса. — У самого рыльце в пушку, не сомневаюсь. Может быть, он вообще с этим Олжасом заодно. А также с тем, другим, с лошадиными зубами. Японец тоже вызывает у меня жуткую неприязнь. Смотрит так, словно... словно хочет сделать из тебя суши.

— Для этого надо быть хотя бы воблой сушеной, — не удержалась путана, — а не скелетом рыбьим.

— Какая же вы, милочка, язва! — ответствовала актриса. — Вас нельзя принимать в светском обществе. Не комильфо.

— А идите вы все... — И путана разразилась соответствующим набором слов.

— О господи! — испуганно сказала Ползункова, даже ее Принцесса мяукнула от неожиданности.

Но тут настоящим мастером слова проявила себя и поэтесса княжеского рода:

— Да пошла ты сама... — И выдала целую тираду отборного портового мата.

Признаться, подобного я не слышал. Левонидзе толкнул меня в бок локтем.

— Не пора ли вмешаться? — шепотом сквозь смех спросил он.

Я приложил палец к губам. Еще не время.

— Дамы, дамы! Успокойтесь! — начала урезонивать скандалистку актриса. — Прежде всего надо решить, что делать? Уезжать или оставаться? Мне лично здесь по душе. Я будто

вновь попала в свою любимую театральную среду. Только играю теперь саму себя, не для зрителей. А кто в этой пьесе злодей — даже и не важно. Узнаем в конце представления.

— Надеетесь доиграть до конца? — сумрачно спросила путана. — Может и не получится. Если режиссер надумает убрать вас в середине спектакля.

— О господи! Зачем вы меня пугаете? — жалобно пискнула вдова-миллионерша. — Но я отсюда никуда не уеду, так и знайте. Мне здесь хорошо.

— Мне, в общем-то, тоже, — согласилась путана. — Кроме того, у меня есть свои, особые интересы. Но я о них вам не скажу. А людоед Олжас или нет — плевать. Нужно просто держаться от него подальше, не садиться за один стол. Чтобы не угодить в тарелку.

Какие же у нее «особые интересы»? — подумалось мне.

— Тогда и я останусь, — вздохнула поэтесса. — В конце концов, я действительно могу и ошибаться. Все казахи для меня на одно лицо, особенно людоеды. Вот послушайте лучше, что я сочинила намеренно...

Левонидзе снова толкнул меня в бок

— Нашего вмешательства не потребовалось, пошли отсюда, — сказал он. — Я физически не могу переносить ее стихоплетство.

— А как же быть с Олжасом? — спросил я, терзаемый разного рода сомнениями.

— Ну, мы-то с тобой знаем, что он не людоед, — подмигнул мне Левонидзе. И добавил: — По крайней мере, не в данное время и не в данном месте.

Это было верно, пришлось согласиться.

Водки они, братья Топорковы, вкусили изрядно, поскольку сидели, осоловев. Но, кажется, вновь примирились. Вот ведь до чего странен и необъясним русский человек! Его родной брат предаст, а он все простит, даже найдет объяснение своему прощению.

Левонидзе приготовил для Топорковых последнего козырного туза. Я почти и не вмешивался в последующий пасьянс. Лишь фиксировал психомоторные реакции. Для своих аналитических выкладок о природе человеческого рода.

— Вернемся опять в прошлое, — произнес Левонидзе, расхаживая по комнате со своей папкой. — На сей раз речь пойдет о... вашем старшем брате, Николае, генерал-майоре бронетанковых войск.

— А он-то тут при чем? — насторожился Владимир. Алексей молча плеснул водку в рюмку, но пить не стал.

— Александр Анатольевич, пересядьте, пожалуйста, в это кресло, спиной к камину, — предложил мне Левонидзе. — Вы будете изображать у нас генерала.

— Извольте, — согласно кивнул я и выполнил его просьбу.

— Что еще за новые фокусы? — недовольно пробурчал Владимир.

— Сейчас узнаете. А вы, господин полковник, садитесь сюда, к окну.

Алексей с рюмкой переместился на указанную позицию.

— И что дальше? — спросил он.

— Восстановим ситуацию августовского вечера 1991 года, — продолжил Левонидзе. Он заглянул в папку и полистал какие-то бумаги. — В тот день ваш старший брат находился в квартире один. Он был действительно очень подавлен после неудавшегося путча. Следствием установлено, что Николай Топорков был связан с маршалом Ахромеевым. То есть был непосредственно причастен к заговору военных. Впереди неминуемая отставка, возможно, арест. Тюрьма, позор и все такое прочее. Но главное, конечно, крушение всех идеалов.

— Да-да, — подтвердил Владимир, — мы об этом уже говорили.

— Но вы не сказали о том, что никакой предсмертной записки найдено не было. — Левонидзе снова заглянул в папку. — Кроме листка бумаги с непонятной фразой: «Эники-беники ели вареники, все слопали, мне ничего не оставили, а энику я шею-то сверну!» Согласитесь, что для человека, готовящегося совершить самоубийство, звучит сие довольно странно и глупо, если только это не клиент Александра Анатольевича?

— Николай не был сумасшедшим, — произнес Алексей и залпом выпил.

— Нет, нисколько, он был необычайно трезвым и волевым человеком, — сказал и Владимир. — А то, что написал, к делу не относится. Просто любил черкать по бумаге, когда пребывал в задумчивости.

— Хорошо. Сочтем это неосознанным движением пера. Вопрос о другом. Застрелился он или нет?

— Застрелился — следствие пришло именно к этому ВЫВОДУ, — напомнил Владимир.

— Следствие приходит туда, куда его приводят, поверьте мне как профессионалу, — возразил Левонидзе. — Ответьте мне тогда на следующий вопрос: кто первым обнаружил труп?

— Да вы же наверняка знаете, — сказал Владимир, — я.

— А где был в это время Алексей?

— Тоже в Москве, — отозвался полковник. — Мы все собрались здесь по приглашению Николая. Но в путче я участия не принимал.

— Знаю, — произнес Левонидзе. — Николай почему-то оберегал вас от втягивания в политику. Очевидно, как младшего брата, считая вас таким до самого последнего момента. Это свойственно старшим, для них младшие до седых волос — дети. Наверное, он и любил вас больше среднего.

— Чепуха! — фыркнул Владимир. — Кто может определить степень любви? Вы, что ли?

— Я всего лишь следователь на пенсии, — скромно уточнил Левонидзе. — Я не претендую на роль ловца душ, как наш Александр Анатольевич. Мне привычнее оперировать голыми фактами. Итак, вы вошли в квартиру и обнаружили мертвое тело с огнестрельной раной в голове?

— Ну да, — кивнул подполковник. — И сразу вызвал милицию. Врач уже не требовался.

— Откуда вы возвращались?

— От Белого дома. Там уже все закончилось. Я шел к Николаю, чтобы сообщить об этом. Да он и сам знал, насколько я сейчас понимаю.

— Но он не знал о том, что вы были... на стороне Руцкого. Вернее, узнал об этом лишь утром.

— Чушь! — выкрикнул Владимир. — С чего вы взяли?

— Пришлось поговорить кое с кем из защитников Белого Дома. Там было много и моих знакомых из военной среды. Да что вы так побледнели? Ничего плохого в том нет. Каждый имеет право на свою позицию. Дело в другом. Августовский путч разделил двух братьев, как во время Гражданской войны. Но еще хуже то, что вы скрыли это от Николая. А он, очевидно, рассчитывал на вас, хотя бы на вашу моральную поддержку.

Владимир молчал, ему нечего было ответить.

— Вон оно что!.. — промолвил Алексей. — Но не может же быть, что Коля застрелился

именно из-за этого?

— Нет, конечно, — кивнул мой помощник. — Он не застрелился, его убили. — И без всякого логического перехода добавил: — А как он вас называл в детстве, какими прозвищами?

Оба брата непонимающе уставились на Левонидзе.

— Вспоминайте, — сказал тот. — А то я могу подсказать.

— Эники-беники, — произнес Алексей. — Была у него такая присказка, когда он над нами подшучивал.

— Именно, — усмехнулся Левонидзе. — «Эники» — средний брат, «беники» — младший. И вот приходит этот «эники», которому, судя по записке, Николай Топорков обещал свернуть шею — наверное, за предательство, к нему в квартиру. Между ними происходит серьезный разговор. Ссора. Возможно, в это время Николай действительно чистил свое табельное оружие. Владимир сидел у окна, поскольку есть свидетельница, видевшая его голову. Но на ее показания во время следствия почему-то не обратили внимания. Вернее, сочли несущественными. А это важно. Во время ссоры Владимир встал, подошел к брату.

Левонидзе направился ко мне, продолжая свою речь:

— Он взял со стола пистолет, зашел сбоку от Николая и выстрелил ему в висок. Потому что всегда завидовал не только вам, Алексей, но и старшему брату-генералу. Затем стер с пистолета свои отпечатки и хладнокровно вложил оружие в руку Николая. Только совершил одну существенную ошибку. Вложил пистолет в левую руку, потому что сам левша. И каким же идиотом был следователь, который вел это дело, ответьте мне теперь?

В наступившей тишине слышалось лишь жужжание залетевшей в комнату осенней мухи. И тут раздался нечеловеческий крик:

— Не-е-е-т!!!

Этот жуткий вопль исторгся из горла Владимира Топоркова. Он встал на подгибающихся ногах, сделал шаг в мою сторону, а затем рухнул на пол. Алексей продолжал сидеть на стуле у окна, буквально оцепенев. Левонидзе бросил папку на стол, словно ставя последнюю точку в «игре».

— Нужно позвать Жана, чтобы прибрать тут, — произнес я, глядя на бесчувственное тело.

Я медленно шел по аллее парка, обдумывая случившееся. За мной плелись Бижущкий (Б.Б.Б.) и прихрамывающий физик-ядерщик, опирающийся на тяжелую трость из сандалового дерева. Тарасевич расчесывал пышную бороду и ухмылялся, а Бижущкий продолжал вещать:

— ...так какого же хряка они хотели зарезать? И кто были эти двое — мужчина и женщина? Один из них, несомненно, мой сосед Гуревич. Но то, что вместе с ним находится моя жена, в этом я уверен не был. И сколько бы ни заглядывал украдкой в окно, определить не мог, поскольку женщина сидела за китайской ширмой. Высовывались лишь ее ноги в белых шелковых чулках. Дама не то смеялась, не то тихо рыдала. А взъерошенный Гуревич в нижнем белье, расхаживая по комнате с бутылкой портвейна, походил на пузатого сатира, соблазняющего (или уже соблаздившего?) нимфу. Да еще эта чертова луна над моей головой буквально давила на меня своим тяжелым свинцовым диском. И тут я вдруг почувствовал, что за моей спиной кто-то стоит, едва ли не дышит в затылок Я похолодел от накатившего на меня ужаса...

— Это был сам хряк на задних лапах, — сказал Тарасевич и заржал, как мерин, да еще замахал на Бижуцкого тростью.

— Ну вас! — обиделся Борис Брунович. — Несерьезный вы человек, как вам только водородную бомбу доверили...

— Водородные бомбы — позавчерашний день, — усмехнулся физик-ядерщик. — Сейчас в моей лаборатории разработали оружие нового поколения. Маленькая коробочка в термостате, а внутри — атомарный йод с некоторым реагентом. Химические составы входят в соединение, когда коробочку вынимаешь из термостата. Оставляешь эту штуковину в супермаркете какой-нибудь европейской столицы и уезжаешь. Через два часа четырех кварталов нет. Ой, чего это я вам говорю? Я же подписку о неразглашении давал. Впрочем, не важно, плевать. Все равно весь мир катится к черту.

— Пожалуй, — согласился Бижуцкий.

Чтобы не встретиться с ними, я свернул на боковую тропинку. «Итак, с Топорковыми все выяснилось. Или еще не все? Сейчас Владимира перенесли в одну из жилых комнат на втором этаже. Его сердечный приступ оказался не так опасен. Я сделал укол и велел Параджиевой никого не пускать к больному. Ему требовался полный покой. Но и Алексей Топорков решил не покидать клинику, по крайней мере, в течение ближайших суток. Я позволил ему остаться. Может быть, зря, как мне вдруг подумалось теперь, когда я вспомнил его леденящий взгляд, словно он смотрел на меня из глубины бездонного черного колодца.

Странно, но точно такой же взгляд был и у идущего мне навстречу человека с рыжими усами, рядом с которым вышагивал Левонидзе.

— Знакомьтесь — Волков-Сухоруков, Федеральная служба безопасности, следователь по особо важным делам, — представил мне своего спутника Георгий.

Я пожал протянутую руку. Волков-Сухоруков чуть улыбнулся уголками губ. Глаза у него были желтоватого цвета.

— Боже мой! Сам господин Тропенин, легендарный кудесник по выпрямлению мозговых извилин! — с наигранным восторгом сказал он. — Неужели это не сон, а явь? О вас в столице ходят такие слухи... что страшно делается. Но я представлял вас гораздо старше. Как Фауста.

— Полегче, Вася, не гони пургу, — грубовато оборвал его Левонидзе. — Александра Анатольевича в смущение все равно не введешь. Давайте лучше перейдем сразу к делу.

Мы выбрали одну из укромных беседок и уселись. Волков-Сухоруков тотчас же начал раскуривать трубку. Попыхтев минуты три, он снова с любопытством уставился на меня, словно это не он, а я должен был что-то поведать ему. Но я и сам большой любитель длинных театральных пауз. Первым не выдержал Левонидзе, начав ерзать по скамье.

— Говори уже, не тяни резину, — сказал он.

— Ах да! — будто очнулся Волков-Сухоруков. — И впрямь, чего мы просто так сидим и молчим? Дело есть дело. Это прежде всего. Вся штука в том, что в вашей клинике, Александр Анатольевич, скрывается опасный преступник

Он почему-то подмигнул мне своим желтым глазом, словно я-то и был этим опасным преступником, наконец-то пойманным Волковым-Сухоруковым.

— Ш-м... — неопределенно произнес я.

— Так в чем вопрос? — спросил Левонидзе. — Ты уже знаешь, кто это? Пойди и арестуй.

— В том-то и дело, что личность этого человека нам неизвестна, — отозвался

следователь. — Мы даже не имеем представления — мужчина это или женщина. Сколько ему лет и как он выглядит.

— Забавно! — усмехнулся Георгий, — В мои времена в работе следователей было больше здравого смысла. А ты не ошибаешься, Вася?

— Нет, — вздохнул рыжеусый. — Рад бы ошибиться, но все следы ведут сюда, в клинику.

— Я лично изучал биографии каждого из наших пациентов, — сказал мой помощник. — Посторонний, случайный человек попасть в клинику просто не может. Тем более преступник

— Это преступник особый, который способен обмануть даже дьявола, — возразил Волков-Сухоруков, поглядев на меня.

Я продолжал молчать, поскольку сказать было пока что нечего. Зато Георгий разволновался не на шутку.

— Что за чертовщину ты несешь? — возмутился он. — Факты давай, факты! Какие преступления совершил этот человек, каким образом вы вышли на его след, при чем здесь клиника?

— Хорошо. Отвечу на все твои вопросы.

Волков-Сухоруков вновь начал раскуривать свою трубку.

И еще несколько минут молча пыхтел.

— Во-первых, он практически никогда не оставляет улики, — сказал наконец рыжеусыйследователь. — Во-вторых, биография у него наверняка в полном порядке. Он может быть представителем любой профессии — писателем, ученым, артистом, военным. Но его вторая тайная жизнь — зеркальное отражение первой, только в негативе. Находка для психиатров, если можно так выразиться. Как раз по части Александра Анатольевича. Оборотень, словом.

— Самый натуральный? — насмешливо спросил Левонидзе.

— В переносном смысле, — поправился Волков-Сухоруков. Но тут же задумчиво добавил: — Хотя, впрочем... Чем черт не шутит в наше апокалипсическое время! Ну а в-третьих... В-третьих, он намеренно стремится попасть в клинику господина Тропенина.

— Вот с этого момента, пожалуйста, поподробнее, — произнес я.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, вращающаяся вокруг Бафомета

Беседа с господином Волковым-Сухоруковым заняла около часа. Он рассказал, что примерно полгода назад в ФСБ поступила странная аудиокассета. Содержание ее напоминало бред сумасшедшего. Неизвестный сообщал о пришествии сатаны и что весь мир сейчас стоит у врат ада. Разумеется, аудиокассету зарегистрировали и сдали в архив. В ФСБ хватает и своих сумасшедших, чтобы с чужими цацкаться. Но через месяц пришло второе послание, более вразумительное. Тот же голос говорил о том, что некий человек (он называл его «Существом» и «Бафометом») готовит в Москве серию преступлений.

— Бафомет — это, кажется, одно из имен дьявола? — спросил Левонидзе.

— Да, — коротко кивнул Волков-Сухоруков.

Мы теперь сидели в моем кабинете и пили кофе. Разговор становился все более интересным.

— Этой кассете также не придали особого значения, — продолжил следователь. — Сочли автора помешавшимся религиозным сектантом. Даже искать не стали, чтобы не шутил больше так с серьезными органами. Но спустя месяц пришла новая аудиозапись. Вот, сами послушайте.

Следователь передал Левонидзе кассету, тот вставил ее в магнитофон, щелкнул кнопкой. Вначале полилась какая-то восточная музыка, затем раздался глуховатый голос с некоторым акцентом:

«— Это Существо, Бафомет, — гений, гений безумства. Вскоре он меня умертвит, я знаю. Но речь не о моей жизни, мне не страшно. Я должен быть принесен в жертву, пусть так и случится. Но мне известны дальнейшие планы Существа. Оно готово нарушить все Божьи заповеди, чтобы пройти врата ада. Будет разрушен храм, мечеть и синагога. Отравлены воды и сожжены дома. Много, что заставит содрогнуться Россию. И он будет играть с вами, как кошка с мышкой. Особое внимание обратите на 15 августа. Ищите Существо в его привычной среде обитания. Помните, он — безумен и среди безумных будет скрываться. Это я знаю совершенно точно. В Загородном Доме. Вот я слышу его легкие шаги по лестнице. Прощайте».

Вновь полилась восточная музыка, потом наступила тишина. Левонидзе выключил магнитофон. Волков-Сухоруков начал раскуривать трубку.

— Что произошло 15 августа? — спросил я.

— Взорвана церковь на юго-востоке Москвы. Взрыв был малой мощности, в ночное время. Разрушен левый придел храма, никто не пострадал. Но тут-то мы и вспомнили об этой кассете, вновь выудив ее из архива. Конечно, все это могло быть простым совпадением. Но через пять дней пострадала синагога в Марьиной Роще. И на сей раз обошлось без жертв. А взрывное устройство определить не удалось, нечто новенькое. Ну а потом...

— Потом пришла очередь мечети на Поклонной горе, — догадался Левонидзе.

— Абсолютно верно, — кивнул Волков-Сухоруков, пыхнув трубкой. — Тут мы занялись поисками автора кассет всерьез. Проанализировали тексты, посторонние шумы, накладки, пальчики и все такое. Короче, вышли на него. Поздновато только. Оказался неким Лазарчуком, затворником без особого рода деятельности. Жил в собственном доме в Заветах Ильича. Вернее, висел на стенке, распятый. Уже месяца полтора, не меньше. Естественно,

никаких следов никакого Бафомета в доме обнаружено не было. Но теперь-то можно было не сомневаться, что лицо это вполне реальное, а не мифическое. Кто-то ведь Лазарчука распял? И взрывы, о которых он предупреждал, подтвердились.

— А что там дальше напророчено? — спросил Левонидзе. — Отравленные воды, горящие дома?

— Предательство Господа, — сказал я. — Аз есмь Господь Бог твой: да не будут тебе бози иные, разве Мене. Первая заповедь.

Не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах под землею: да не поклонится им, не послужити им. Вторая. Это — главное. Вызов небесам.

— Однако! — крикнул Левонидзе. — Крутой парень Этот Бафомет.

— Или женщина, — поправил Волков-Сухоруков. — У нас нет никаких доказательств обратного. Но, в любом случае, Это опасный и дьявольски хитрый тип.

— А почему вы уверены, что он находится именно здесь? — спросил я.

— Но ведь ваша клиника называется Загородный Дом. А об этом в последней аудиокассете говорится прямо. Кроме того, в доме Лазарчука мы обнаружили рекламные проспекты некоторых частных клиник, в том числе и вашей. Есть предположение, что их оставил Бафомет. Это его единственная оплошность. Помните: «ищите его в привычной среде обитания». Среди безумных.

— У нас безумцев нет, — сказал я. — Наши пациенты — люди с легкими психоневрологическими расстройствами.

— Не важно! — махнул рукой следователь. — В любом случае, если это вас немного утешит, в другие клиники мы тоже направили наших агентов. А к вам до выяснения всех обстоятельств дела прикреплен я. Так что придется вам меня потерпеть.

— Что ж, койку в чулане выделю, — произнес я.

— И на том спасибо. Мне бы хотелось как можно подробнее ознакомиться с данными пациентов.

— Только в общих чертах. Истории болезни вы не получите. Врачебная тайна.

— Бросьте строить из себя Пшпократа!

— Давайте-ка прослушаем кассету еще раз, — прервал наш спор Левонидзе. — Мне кажется, что-то мы упустили...

Я остался в кабинете один. Левонидзе повел Волкова-Сухорукова осматривать территорию клиники. Никакой ясности после нашего разговора и вторичного прослушивания кассеты не наступило. Все слишком туманно, зыбко. Отодвинув шторку с третьего фальшивого окна, я поглядел на Анастасию, сидящую за столом и старательно выводящую на бумаге какие-то узоры. Она тотчас же вскинула голову, словно ждала этого момента. Ее зеленые глаза мерцали от ненависти (или любви?), рыжая грива на сей раз была аккуратно расчесана. Наверное, постаралась Параджиева. Анастасия стала кривляться, как капризная обезьянка, и манить меня пальцем. В это время раздался телефонный звонок. Это была Нина, я узнал ее голос.

— Александр Анатольевич, вы по-прежнему хотите узнать, кто отец моего ребенка? — спросила любительница рыбной ловли в Суоми.

— Нет, — ответил я. — Мне это не очень интересно. Но я слышал, что он вновь куда-то запропастился? Как и отцы. Не волнуйтесь, сыщутся. Впрочем, если уж доводить дело до конца, то кто же его папаша?

— Вы, — рассмеялась Нина.

— Очень остроумно.

— Я имею в виду, что вы вполне могли бы им быть. Уж с таким строгим и умным наставником Макс никогда бы не увлекся наркотиками. Не то что эти самолюбивые сибариты. Вы преподали нам всем хороший урок. По крайней мере, мне. Я не спала всю ночь. Даже жалею, что мы не встретились раньше. Лет этак семнадцать назад.

Анастасия перестала кривляться, будто прислушиваясь к нашему разговору. Потом показала мне рисунок, над которым только что старательно трудилась. На листе бумаги были изображены крылатая женщина, двое мужчин с оленьими рогами и ребенок со старческим личиком. Как раз по теме. Просто поразительно, насколько Анастасия незримо проникала во все клинические аспекты моей работы, во все, что творилось здесь, в Загородном Доме! Как будто ходила за мной тенью.

— Приезжайте, — предложил я Нине, чувствуя легкое покалывание в сердце. — Поговорим, обсудим.

— Приеду! — ответили аристократка. — Ждите.

Я положил трубку, машинально сунул руку в карман пиджака и вытащил... золотой дамский «ролекс». Часики мадам Ползунковой.

А вслед за ними, в другом кармане, обнаружил серебряную зажигалку с монограммой «БББ».

— О... дьявол! — только и оставалось сказать мне, глядя на беззвучно смеющуюся Анастасию. Чтобы больше не видеть ее издевающегося лица, я задвинул шторку.

— И что же это должно означать? — спросил я сам себя, прежде чем налил в рюмку согревающего коньяка. Но ответа не знал.

Обед прошел без каких-либо происшествий. Лишь Олжас разлил тарелку супа. Видимо как обычно, дрожали руки. Или нервничал?

Мне показалось, что он как-то странно смотрит на Волкова-Сухорукова. Даже вроде бы испугался, увидев его в столовой. Впрочем, следователю ФСБ я распорядился накрыть отдельно, на кухне, чтобы не вызывать у моих «гостей» лишних пересудов. Пусть думают, что он из обслуживающего персонала. Поэтому на тихий вопрос Сатоси: «Кто таков этот господин с рыжими усами?» — я равнодушно ответил:

— Электрик.

Спустя час этот же вопрос задал мне и Бижущкий, когда я проводил сеанс психотерапии в одной из беседок. Ему я ответил, что Волков-Сухоруков — наш новый повар, который вскоре удивит всех необычным кушаньем.

На таких сеансах приходится использовать метод профессора Морено, заключающийся в психоигре. Каждый из участников примерял на себя ту или иную роль, следуя заданной теме. Любой мог войти в игру и выйти из нее, когда пожелает. Как правило, «гости» охотно сбрасывали с себя свои маски, надевая чужие. Сейчас я намеренно определил тему в двух словах: вера и религия.

В беседке, кроме Бижущкого, находились еще Леонид Маркович (гениальный пианист), Антон Андронович Стоячий (представитель секты истинных грибоедов) и околотовзальный бомж с профессорским званием, называющий себя Каллистратом (паспорта у него не было). Он-то и вел речь, обращая преимущественно к Стоячему:

— ..Я преподавал в Университете марксизма-ленинизма, а с наступлением эпохи гласности стал записным демократом, создал первые платные туалеты на Курском вокзале.

Много лет позже, когда уже вчистую разорился, стал в них же и ночевать, если пу-скали. Но перед этим несколько лет вел двойную ЖИЗНЬ: утром я был нищим на паперти, а ночью отправлялся в ночные клубы. Это особый период моей жизни — веселый и трогательный. Я играл, если угодно. Надевал рваную одежду, дырявые башмаки, очки с треснутыми стеклами, мычал. Меня знали на паперти как Мишутку. В неделю мог заработать до ста долларов и больше. В то время у меня еще были квартира, машина и дача. Вечером я отправлялся в ночные клубы, за развлечениями, утром — на паперть.

— Двойная жизнь, — фыркнул пианист. — Как это пошло.

— Ничуть, — усмехнулся рассказчик. — Блаженны нищие духом, говорите вы?

— Нет, я этого не говорил, — отозвался Стоячий.

— Ну, кто-то до вас. Нищим духом по-настоящему, то есть истинно блаженным, я стал потом. Когда лишился и квартиры, и дачи, и машины, и всего-всего; когда увлекся игрой в казино. Оно находилось как раз напротив церкви. Я даже свое законное место на паперти потерял, продав его другому «нищему». Тогда вздохнул наконец-то свободно, став подлинным бомжом и философом. Самое главное, именно с тех пор я, кажется, поверил в Бога. Занятная метаморфоза, не так ли?

— Верить «кажется» — это не верить вовсе, — заметил пианист.

— Вот-вот, — согласно кивнул Стоячий. — Шли бы вы лучше к нам, в братство истинных грибоедов.

— А что это за штукавина? — полюбопытствовал Бижущий. — Франкмасоны, что ли? Ни разу не слышал.

Я незаметно достал серебряную зажигалку с монограммой и положил ее на скамью, рядом с Б.Б.Б.

— Все люди, как известно, произошли от грибов, — пояснил Стоячий. — Вот почему их такое разнообразие. Даже ядовитый гриб ценен, как уникальный источник психоэнергии, и относиться к нему надо с уважением...

Я слушал его бред и думал, что он не производит впечатления одержимого. Некоторые люди склонны скрывать за своими бредовыми фантазиями трезвый расчет. Не он ли тот самый Бафомет, которого разыскивает Волков-Сухоруков?

— О! — воскликнул Бижущий. — Моя зажигалка! Нашлась, родимая. Видимо, вчера здесь забыл. Совсем рассеянным стал.

— Однако мы несколько отклонились от темы, — вмешался я, наблюдая, как к нашей беседке направляется физик-ядерщик. — Вот идет человек, который готов исполнить роль Понтия Пилата.

— А кто же будет... распятым? — быстро спросил Бижущий.

— Никто.

— Я, — сказал Леонид Маркович. — Я буду.

— Что ж Господь среди нас и в каждом, так что вполне возможно, — согласно кивнул Каллистрат.

Тарасевичу не надо было долго объяснять, он быстро включился в «игру», держа свою сандаловую трость, как жезл.

— Последний Прокуратор Иудей? Хорошо, — сказал он. — Меня всегда привлекала эта личность, которая стояла над Истиной.

— Вернее, вне ее, — заметил Каллистрат. — Чистюля он, ваш Прокуратор...

Далее я, занятый своими мыслями, не очень вслушивался в разговор.

— ...Называйте их как угодно, — сказал Каллистрат. — Хоть пасынками Бафомета.

При этом имени я вздрогнул. Вот уже второй раз за сегодняшний день называют его. Случайно ли? Куда клонит Каллистрат? Психоигра все более размывалась, теряла свои очертания, словно ею руководил кто-то невидимый, стоящий на нами. Но внутреннее беспокойство ощутил не только я. Я заметил, что при последней фразе Каллистрата изменился в лице и пианист. Леонид Маркович побледнел еще больше, будто проглотил ложку уксуса. Он поспешно поднялся со скамейки и проговорил:

— Мне надо... извините... я сейчас... — И торопливо зашагал по тропинке.

Судя по всему, он был чем-то очень сильно напуган. Тарасевич махнул в его сторону сандаловой тростью.

— Се — человек! — громко произнес он. — И ноша его тяжела.

— Ушел от распятия, — добавил Стоячий. — Вот так всегда. Только мы гвозди приготовили.

— Так что же это за иные существа? — спросил Бижущий, не отрывая глаз от Каллистрата, словно выедавая его лицо.

— Полярные зеленые, — коротко ответил тот и умолк, плотно сжав губы. Всем своим видом он давал понять, что теперь из него и слова не вытянешь. Даже под самой страшной пыткой. «Надо поговорить с ним на эту тему отдельно, наедине», — подумал я.

— Александр Анатольевич! Александр Анатольевич! — услышали мы громкие крики. Меня разыскивали.

— Прошу прощения, — произнес я и вышел из беседки, навстречу спешащим ко мне Жану и Жанне.

Пока ассистенты вели меня к гроту, я сделал им строгое внушение, что кричать в клинике нельзя, особенно обслуживающему персоналу. Потом я почему-то вдруг подумал, что они нашли в гроте труп мадам Ползунковой: та сама нынче утром говорила мне, что ее обнаружат там зарезанной... Странно, но я воспринял эту мысль абсолютно спокойно. Больше всего меня взволновал неожиданный уход из беседки Леонида Марковича и слова Каллистрата о Полярных зеленых. Кое-что об этом я уже слышал, знал. И вообще, ход событий со вчерашнего вечера в Загородном Доме начал развиваться стремительно, будто река времени вышла из берегов.

Слава богу, до трупа вдовы-миллионерши дело не дошло. Хотя то, что обнаружили мои ассистенты, имело к мадам Ползунковой непосредственное отношение. На подходе к гроту, там, где росли мексиканские кактусы, на одну их острую иглу, словно на шампур, была насажена ее персидская кошечка — Принцесса. Конечно, она уже была мертва. И непохоже, чтобы наткнулась на кактус сама, гоняясь за мышкой. Впрочем...

— Это я ее нашел, — сказал Жан.

— Господи, что же теперь будет с Аллой Борисовной! — добавила Жанна.

— Ничего ей не говорите, — произнес я, снимая несчастное существо с кактуса. С иглы упала на землю капля крови. — Она не должна знать о смерти Принцессы. Это может свергнуть ее в непроходящий шок.

— А как же объяснить исчезновение кошки? — спросит Жан.

— Это я беру на себя. Прежде всего нужно избавиться от трупа.

— Нет тела — нет дела, — согласилась Жанна. Очевидно, она уже сталкивалась с судебной-процессуальной системой. — Где будем хоронить?

— В гроте, — сказал я. — Там есть узкий лаз, ведущий в катакомбы. Никто не найдет.

Я вытащил из кармана шелковый платок и завернул в него кошечку. Затем мы направились к пещере. Не доходя до грота, мы услышали какие-то странные звуки.

— Это еще что такое? — испуганно спросил Жан, прячась за мою спину.

— Похоже, кому-то отвинчивают ржавый протез с ноги, — лязгнула зубами и Жанночка.

— Сейчас поглядим, — сказал я, подходя к гроту.

Внутри, в полумраке, я увидел сгорбленную фигуру на скамеечке. Вначале я принял ее за мадам Ползункову. Но это оказался... Леонид Маркович. Он сидел, обхватив голову руками и, судя по всему, рыдал, как-то скрипуче. «Однако грот становится популярным местом обитания», — подумал я. И тихо кашлянул. Пианист тотчас же умолк, посмотрев в мою сторону.

— Нервы, нервы, — произнес он виновато. — Не стоило мне есть за обедом жареные баклажаны. Всегда после них какая-то какофония в ушах. Будто дикий марш пред вратами ада.

— А мне показалось, что вас озадачило слово «Бафомет», — жестко сказал я. Хотелось испытать его реакцию. Но на сей раз он оказался внешне совершенно спокойным.

— Да-да, Бафомет, — повторил Леонид Маркович. — Так звали моего друга. Бафометов. Фамилия такая. Мы с ним вместе учились в консерватории. Ближе его у меня никого не было. Гениальный виолончелист.

— Он умер?

— Нет. Он... исчез. При очень загадочных обстоятельствах.

В грот осторожно заглянули Жан и Жанна.

— Труп уже спрятали? — шепотом спросил мой ассистент.

Пианиста в полумраке он не увидел.

— Вон отсюда, — коротко сказал я. — А ты, Жанна, задержись.

Я сунул ей в руку платок с тельцем кошки и шепнул на ушко:

— Выбрось куда-нибудь на помойку. — Затем вернулся к Леониду Марковичу. Слов Жана он, кажется, не расслышал. Или не придавал им значения, поглощенный всецело своими мыслями.

— Странная фамилия у вашего друга, — произнес я.

— Восточная. Он говорил, что является потомком древних езидов, — пояснил Леонид Маркович. — Это какая-то то ли среднеазиатская народность, то ли религиозная община, исчезнувшая с лица земли, как ассирийцы. Мы с ним на пару снимали комнату на окраине Москвы. Однажды я вернулся домой и...

Пианист замолчал, напряженно вглядываясь в темную щель лаза, откуда несло сыростью. Чихнул пару раз и продолжил:

— Все в комнате было перевернуто вверх дном. Похоже, что тут отчаянно боролись или что-то искали. Но у нас не было ничего ценного, кроме его старенькой виолончели. Она была на месте, лишь струны порваны. На полу и стене — следы крови. Не так уж и много, капли. Впрочем, эти капли складывались в какую-то непонятную фразу. Язык неизвестный, близкий к древнеарамейскому. Но милиция — а после исчезновения Бафометова проводилось расследование — не придавала этому должного значения. И, разумеется, не нашла его.

— Вы полагаете, что вашего друга убили?

— Не знаю... Кому был нужен студент консерватории, хоть и подающий большие

надежды? Мне кажется, что он жив. И вот что особенно странно. Порой я ощущаю его присутствие где-то рядом. Иногда, во время моих концертов мне кажется, что он сидит в зале, рукоплещет или идет по улице вслед за мной. Лицо — другое, измененное. Будто ему сделана пластическая операция. Но я уверен, что это он. Я смогу узнать его даже в облике женщины или... зверя. И еще я знаю то, что Бафометов предназначен для какой-то высшей миссии. Он не мог исчезнуть бесследно. Он проявит себя. Он появится.

От его последних слов и от той убежденности, с которой они были произнесены, у меня пробежал по спине холодок. А тут еще из темного лаза стали доноситься какие-то шорохи.

Будто сейчас этот Бафометов должен был выползти из щели и предстать пред наши очи. Пианист вцепился в мою руку.

— Вы... слышите? — прошептал он.

— Крысы, — сказал я. — Или летучие мыши.

Шорохи нарастали. Теперь доносилось даже какое-то посапывание и кряхтение. Вне всякого сомнения, неизвестное существо (или существа?) двигалось сюда, в грот, из подземного лаза. Мелькнули два огонька, напоминающие горящие желтым светом глаза. Не только пианисту, но и мне стало довольно неуютно. Но не в моих правилах отступать перед неизведанным. Тем более перед какими-то паршивыми крысами, даже если они мутанты. Или перед этим загадочным Бафометом, о котором сегодня уже столько говорили. Пианист также держался весьма стойко, лишь не отпускал мою руку.

— Он идет к нам! — торжественно произнес Леонид Маркович.

Из лаза действительно появился человек, в земле и известковой пыли. В руке он держал электрический фонарик.

— Хороша крыса, — сказал я, узнав Левонидзе.

Вслед за ним вылез и Волков-Сухоруков, тоже заляпанный грязью.

— А чего это вы тут делаете? — спросил следователь ФСБ.

— А вы? — задал я встречный вопрос.

— Мы... осматриваемся, — ответил Левонидзе. — Вася изучает территорию клиники. Я ему катакомбы показывал.

— Они тянутся на несколько километров, заблудиться можно, — добавил Волков-Сухоруков. — Я советую забетонировать этот чертов лаз, от греха подальше.

— Бетонной стеной не оградишься, грех — он всегда рядом, — многозначительно промолвил Леонид Маркович, — как собственная тень.

Мадам Ползункова, призывно голося и стеная, безуспешно искала свою Принцессу по всему Загородному Дому. Ей в этих поисках старательно помогали Жан и Жанна. Вскоре к ним присоединились и некоторые другие сердобольные «гости», и теперь из разных углов и закоулков доносилось: «Кис-кис! Кис-кис-кис!..» А Волков-Сухоруков и Левонидзе продолжали исследовать территорию клиники, пытаясь обнаружить следы Бафомета. Следователь ФСБ всюду совал свой нос, даже помял мне куст чайной розы в оранжерее. Но к компьютерной базе данных и картотеке на своих клиентов я его не допустил, лишь дал ознакомиться в общих чертах. Как не пустил его и в комнату к Анастасии, сославшись на тяжесть заболевания пациентки.

Состояние здоровья Владимира Топоркова не вызывало у меня беспокойства: он понемногу приходил в себя. Его брат, полковник, молча лежал на своей кушетке, вперив глаза в потолок. Их комнаты находились рядом. Я лишь пару раз заглянул к ним, но говорить ни о чем не стал. Сказано было и так достаточно. Зато Бижуцкий трещал без умолку, выбрав

себе в качестве объекта глухонемую Параджиеву с непроницаемым лицом; вряд ли она что-либо понимала из его рассказов. Порой он был подвержен логорее — длительному словоизвержению. Проходя мимо них, я подумал: «Люди не понимают себе подобных не потому, что не слышат, а потому, что не видят друг друга. Не замечают явного».

Молодой плейбой Гамаюнов, по прозвищу «Парис», содержант депутатши Госдумы, качал в спортзале мышцы и потел. Актриса Лариса Сергеевна смотрела в кинозальчике старый фильм с собственным участием и, кажется, не могла скрыть слез. Физик Тарасевич сидел в библиотеке, листая книги по квантовой механике, заразительно смеясь и повторяя: «Вот дураки-то!» Бомж Каллистрат с упоением гонял шары в бильярдной. Японец Сатоси и Олжас прогуливались по берегу пруда; за ними на некотором расстоянии двигалась стиходельница Ахмеджакова. Ради конспирации она изредка говорила: «Кис-кис!..» — но явно следила за казахом, пытаясь обнаружить в нем признаки каннибализма. Тот же частенько приглядывался к рисовой водке в металлической фляжке, лунолико улыбаясь.

Звал пропавшую Принцессу и Антон Андронович Стоячий, блуждая по парку, но, судя по всему, он попросту искал поздние грибы, вороша возле деревьев и кустов опавшую листву. Из открытого окна доносились чарующие звуки — это играл Леонид Маркович. Ему задумчиво внимала мраморная путана, Елена Глебовна, просветлев лицом, будто богиня любви. Идиллия...

Иного слова не подберешь. «Гармония всех и каждого, но она обманчива», — подумалось мне, главному Привратнику Загородного Дома.

— Кис-кис, Принцесса! — позвала за моей спиной мадам Ползункова.

В 16.30 мне позвонил отец Анастасии. Я сидел в кабинете-лаборатории и просматривал видеозапись за сегодняшний день. Попутно через фальшивые зеркала-окна следил за тем, что происходит в соседних комнатах. Там собрались некоторые из моих «гостей».

— Я сейчас в Лондоне, — сообщил мне господин Шиманский. — Как только улажу свои дела, прилечу в Москву и хочу навестить дочь.

— Не рекомендую. Она еще не в той форме, чтобы вас видеть.

— Ерунда! Все это детские капризы и выдумки.

— Анастасия — давно не ребенок, а взрослая женщина. Вы как-то постоянно забываете об этом, Владислав Игоревич.

— А может быть, ее перевести в какую-нибудь клинику в Швейцарии? Не доверяю я нашим отечественным психиатрам. Все-то они лгуны и пройдохи, еще с советских времен.

— Нечего было на ее глазах убивать собаку клюшкой от гольфа, — сердито ответил я. — Не было бы и дальнейших срывов в психике.

— Ну ладно, ладно, — сказал он более миролюбиво. — То — дело прошлое. А вот кто подбросил ей голову пса накануне выставки? Надеюсь, в этом-то вы меня не обвиняете, дорогой зятек?

Да, в этом я его не обвинял. Его в те дни в Москве не было, проворачивал свои дела в Штатах. И не мог он так поступить просто по определению, потому что любил дочь. Анастасия в те дни не покидала галерею, готовясь к открытию выставки. Я ей, как мог, помогал. В основном пытался снять нервное напряжение. От препаратов она отказывалась. Приходилось добавлять успокаивающие лекарства в чай. Все должно было пройти успешно. Но вот что случилось.

В галерее находилась комната отдыха, в служебных помещениях. Анастасия в тот день прилегла отдохнуть в удобное кресло. Я сам «погрузил» ее в сон. И ушел пить кофе. Когда

Анастасия проснулась, она обнаружила у себя в ногах отрезанную голову спаниеля, а ее руки и платье были измазаны в крови. Дальнейшее — понятно.

— ...Так что ждите меня в гости, — продолжил господин Шиманский.

Я представил себе этого самоуверенного, властного типа, который сидит сейчас в своем лондонском офисе, задрав ноги на стол, покуривая дорогую сигару и глядя на Биг-Бен, и понял, что его не остановить.

— Только не берите с собой слишком много народа, — сказал я. — Вы со своей военизированной свитой всех больных распугаете.

— Не волнуйтесь, — засмеялся он. — Будем только я и мой пилот. У вас есть вертолетная площадка?

— Ну, если у вас не «Черная акула», то сядете на теннисный корт.

— Хорошо. Мой летательный аппарат маленький, спортивный. До встречи.

Я повесил трубку и посмотрел через фальшивое оконзеркало на Анастасию. Она была прекрасна. Если бы только не показывала мне язык.

В соседней комнате — слева От меня — возле пузатого самовара чаевничали Олжас, Сатоси, Бижущкий, Парис, Ахмеджакова и Тарасевич. Справа пили кофе шестеро других «гостей-апостолов». (Даже мадам Ползункова, прервав на время поиски Принцессы.) Обслуживали их Жан и Жанна. Я сосредоточил внимание на левой комнате, усилив звук. Здесь происходил интересный разговор. Очень агрессивно вела себя поэтесса Ахмеджакова, нападая на всех подряд. Пока что словесно. Но я знал, что одного из своих мужей она залила с ног до головы густо разведенными белилами с синькой, другому едва не откусила кончик носа, а на вручении ей престижной премии «Золотой Пегас» тюкнула этой статуэткой председателя жюри по лбу (поскольку это был °Ще один из ее супругов — что-то не поделили, вынеся «сор из избы»). Порой ее одолевало демоническое раздражение вследствие психической неустойчивости, которой подвержены практически все творческие натуры. Но я чувствовал, что мое вмешательство сейчас было бы преждевременным. Рецидив еще не наступил.

—...Л вы вообще помолчали бы! Почему вы всюду разгуливаете в мерзопакостной пижаме? — выговаривала поэтесса Бижущкому; тот действительно щеголял в ней с утра до ночи (вернее, менял по несколько раз в сутки, пользуясь особым расположением Параджиевой, поэтому двубортная пижама всегда была свежа и элегантна, как модный костюм от Кардена). Сейчас Б.Б.Б. сидел с виноватым видом, потупившись.

— Я просто хотел дорассказать ту таинственную историю с моим соседом Гуревичем, когда я в полночь и полнолуние заглянул к нему в окно, — смущенно пробормотал он. — Видите ли, дорогая, ведь и за мной в это время подглядывал Некто. А в комнате, за китайской ширмой, сидела явно моя жена. Но... это была не она! Двойник-с, инкуб, суккуб, что хотите, хоть чудовище Франкенштейна! Да-с. В этом мне пришлось убедиться много позже. И тут не обошлось без оккультных сил, как мне кажется. А самое интересное-то — впереди.

— Ах, да замолчите же вы! — заорала ему в лицо Ахмеджакова, сотрясаясь от злости. — Сами вы порождение оккультных сил! Не хочу ничего слушать. Скажите, — обратилась она к Тарасевичу, — вы хромы от рождения, или вам коллеги-физики ногу переломили в борьбе за Нобелевскую премию? — Ученого-ядерщика задеть чем-либо было трудно. Он благодушно усмехнулся:

— Я ведь притворяюсь. Трость ношу', чтобы только от собак и дамочек отбиваться, а

бегаю не хуже таракана. А почему вы спрашиваете?

— Хромых да косых дьявол метит, — отозвалась поэтесса, взглянув на Сатоси. Намек был более чем прозрачен. Косоглазие у японца было врожденным. Однако и он лишь вежливо улыбнулся, выставив жемчужные лошадиные зубы. Его давний сокурсник Олжас, с лицом круглым, как блин, невозмутимо пил чай, не забывая прикладываться и к заветной фляжке. Опасливо посмотрев на него, поэтесса накинулась на молодого плейбоя Гамаюнова.

— Ну! — сказала она. — И не надоело вам быть содержантом у этой, как ее... Мадахари? Вся Москва талдычит.

— Харимади, — поправил Парис. — А вот, кстати, о метках. Родимые пятна на морде — они ведь тоже не от Бога.

Поэтесса непроизвольно коснулась родинки на щеке, вспыхнула. Мне показалось, что она сейчас опрокинет на плейбоя кипящий самовар. Сдержалась. Да и Жан стоял рядышком, готовый перехватить ее руки. Он у меня в этом отношении достаточно вышколен. Чует опасность, как бультерьер.

— Господин Сатоси, а правда, что вы прибыли в Москву с конфиденциальной миссией вести переговоры с этой Харимадой о передаче Японии Курильской гряды и острова Сахалин? — язвительно спросила Ахмеджакова, решив, видно, не обращать на такую мелюзгу, как Гамаюнов, никакого внимания.

— Правда-правда, — закивал головой Сатоси. — А также мне поручено прозондировать почву о сдаче Кольского полуострова Норвегии, Тульской области — Швейцарии и Северного полюса — Молуккскому архипелагу. Трудная работа, госпожа, почти как у Рихарда Зорге.

— Ид-диот... — процедила сквозь зубы поэтесса.

Она повертела головой, не зная, в кого бы еще бросить камень.

— Один из моих мужей был неплохим драматургом, но большой дрянью, — гневно произнесла Ахмеджакова, обращаясь теперь не конкретно к кому-либо, а говоря просто вслух, не спуская при этом глаз с пузатого самовара. Тот в ответ что-то булькнул. — Однажды я решила ему насолить, позвонила главному редактору одной литературной газеты и сказала, что мой благоверный намерен испустить дух в результате запора каловых масс. Редактор, дурак, поверил и на следующий день выдал в газете некролог. Муж, еще больший дурак, помчался выяснять отношения, устроил скандал, требуя опровержения. Через пару дней это опровержение появилось на последней странице, мелким шрифтом. Мужа это не устроило. Он настаивал на первой странице и на более крупном шрифте. Но спустя еще пару дней от всех этих треволнений угодил в больницу и действительно окочился.

— Забавно! — пустил из трубки колечки дыма Тарасевич.

— Это не все. — Поэтесса продолжала обращаться исключительно к самовару. — Я приехала в больницу вместе с главным редактором. Нам сказали: да, такой-то лежит в морге, когда будете забирать труп? «Погодите вы с трупом! — отмахнулась я. — Нам надо решить вопрос с некрологом». — «Надеюсь, больше-то опровержений не будет?» — спросил редактор. «Нет», — заверила я. На следующее утро появился замечательный некролог. Но!

Поэтесса подняла вверх указательный палец. Все присутствующие уставились на ее отточенный наманикюренный коготок.

— Выяснилось, что в этой больнице лежал еще один человек с фамилией Гельманд, он-то и дал дубака, вполне официально. А мой Гельманд продолжал лежать под капельницей в отдельной палате. Едва ему доставили свежую газету, как он вырвал из своего тела все

трубки и прямо в шлепанцах и пижаме помчался в редакцию, сшибая пешеходов и легковушки.

— Не хило! — пустил еще одно кольцо дыма Тарасевич.

— От такой новости заколбасит почище, чем от самой дурной кислоты, — согласился Гамаюнов.

— Просто сплющит, — добавил Бижущий.

— Что же было потом? — спросил Сатоси.

— А вы угадайте, — усмехнулась поэтесса, не спуская глаз с самовара.

— Я думаю, что редактор его просто убил, — высказался Олжас, глотнув рисовой водки. — Чтобы больше не писать никаких опровержений.

— Нет, не так. Опровержение появилось вновь, на сей раз крупными буквами, в редакторской колонке. А вечером у меня раздался звонок, и несчастный редактор огорченно спросил: «Слушай, Зара, чего же твоего козла Харон туда-сюда возит, никак ни к какому берегу не пристанет? Кончится это когда-нибудь или нет?» Редактор находился на грани нервного срыва. Я, чтобы хоть как-то скрасить его мучения, пригласила редактора к себе. Но мой муженек тоже находился на этой грани. Утром он вновь сбежал из больницы и примчался домой, радостно потрясая газетой с опровержением. Увидев меня с редактором в одной постели, упал на пол и больше не поднимался.

— Третий некролог выдался лучше предыдущих? — полюбопытствовал Тарасевич.

— Третьего не было. Редактор решил больше не рисковать. Он просто написал в газете, что всем сообщениям о смерти господина Гельманда, а равно и опровержениям об оных, верить исключительно со слов покойника, и умыл руки. Позже он стал моим мужем.

— А Гельманд? Так и умер без некролога? — спросил Бижущий.

— Почему умер? — пожалала плечиками поэтесса. — Живет в Штатах, ездит на инвалидной коляске. Думаю даже, что после всего этого он стал вечен и уже никогда не умрет. Как Агасфер.

— Теперь я узнал вас, — произнес вдруг Олжас, вперив черные глазки-пуговицы в Ахмеджакову. Она вздрогнула, оторвавшись наконец от самовара. Потрогала родинку с торчавшим из нее волоском. По-видимому, она всегда так поступала, когда нервничала. Вся ее агрессивность стремительно пошла на убыль. Под взглядом Олжаса поэтесса стала напоминать обезьянку перед удавом.

— Да-да, узнал, — повторил казах, хлебнув рисовой водки. Иfte он только пополнял запасы? — Я ведь был по дипломатическим каналам в Техасе, познакомился там с Агасфером-Гельмандом. У него на стенке висит ваша фотография, он метает в нее дротики. Когда одна фотография измочаливается, ему вешают на стенку другую. У него много снимков, хватит до скончания времен. Я и сам из вежливости метнул пару-тройку дротиков, попал в глаз.

— Мерси, — вяло пробормотала Ахмеджакова. И, набравшись храбрости, добавила: — Но ведь и я видела ваше фото в одной из давних газет. У меня хорошая зрительная память. «Людоед из Чимкента».

В наступившей тишине раздался смех Сатоси.

— Это недоразумение, — сказал он. — Еще по учебе в МГИМО я хорошо знаю, что Олжас — в отличие от своих соплеменников — с трудом переносит вид крови.

— Выпейте с мое! — мрачновато согласился Олжас. И было непонятно: что он имеет в виду «выпить» — рисовой водки или действительно крови?

— А все же очень похож! — не унималась поэтесса.

— Да, — признался наконец Олжас даже с некоторой гордостью и победно поглядел вокруг. — Похож. Потому что «людоед из Чимкента» — мой брат-близнец.

И вновь было неясно: говорит он правду или придуривается. Впрочем, он был уже изрядно пьян. Поди разберись в этих азиатах!.. Я развернулся в сторону правого фальшивого окна-зеркала, «включив» звук

Здесь пили кофе со сливками и тоже шли любопытные беседы, достойные если не Платона, то хотя бы Ферекида Сиросского. На запястье мадам Ползунковой вновь красовались утерянные часики. Час назад я передал их ей, сказав, что они закатились под батарею отопления. Алла Борисовна была столь поглощена поисками своей Принцессы, что, кажется, даже не придала никакого значения моим словам. Мне же оставалось ломать голову над тем, кто их все-таки украл (а также и зажигалку Бижучкого) и кто насадил любимую кошечку мадам Ползунковой на кактус, и как украденные вещи оказались у меня? А также связаны ли между собой эти преступления? Да еще Волков-Сухоруков со своим Бафометом...

Жанна аккуратно подливала «гостям» кофе и угощала их фруктовым мороженым. Леонид Маркович вновь хандрил, глядя в потолок. Путана пудрила мраморное личико. Актриса задумчиво смотрела на искусственные дрова в камине. Мадам Ползункова застыла с фарфоровой чашечкой в руке. Каллистрат расхаживал по комнате. Антон Андронович Стоячий стоял, как Геркулесов столп на берегу Шбралтарского пролива. Он-то в данный момент и вещал:

— В прошлый раз вы, месье Каллистрат, упоминали о тайнах египетских жрецов и прочих шумеров, чьи сакральные знания вроде бы исчезли. Или, по крайней мере, недоступны простым людям. Могу добавить к этому кое-что еще. Поскольку не такой уж профан, как может показаться на первый взгляд. Вы меня раззадорили.

— Рад, — коротко ответил умный бомж

— Начнем с того, что в мире существуют две скрытые силы, стремящиеся к тотальному господству. Сражение между ними длится много веков. Внешне, для обывательского глаза, — это всевозможные войны, революции, экономические кризисы, политические убийства и так далее. Все это как бы факты истории. Но сам исторический процесс не подвластен разуму, он не зависит от фактов, напротив, те вытекают из него. Настоящая борьба идет на невидимом фронте. И даже тайные общества — лишь часть айсберга. Я говорю понятно? — Стоячий посмотрел на дам.

— Лучше бы рассуждали о грибах, — вздохнув, ответил за всех женщин Леонид Маркович.

— Дойдем и до грибного соуса, — ласково ответил оратор. — Мы могли бы признать наличие на Земле два мощных течения: плохое и хорошее, злое и доброе, сатанинское и божественное. Но и это не совсем верно. Поскольку сами мы, не обладая теми сакральными знаниями, не имеем права судить, что есть «хорошо» для всего человечества, а что «плохо»? Оценки наши субъективны. Смерть монарха одними будет восприниматься как благо, другими — как страшная трагедия. А где сокрыт корень? Поясню на примере. Николай Второй. В конце XIX века ему довелось прочесть запечатанное еще при императоре Павле Первом послание некоего таинственного монаха Авеля. В нем провидец предсказывал все, что произойдет и с последним русским монархом, и со всей Россией в XX веке. Николай понял, что роковой судьбы не избегнет, поскольку нельзя остановить ход времени...

— Нельзя ли поближе к грибам? — вновь вздохнул Леонид Маркович. — О груздях там, что ли...

— Нет-нет, очень интересно, — возразил Каллистрат, остановив хождение по комнате и плюхнувшись в кресло. Елена Глебовна перестала пудрить носик, Лариса Сергеевна оторвала взгляд от камина, а Алла Борисовна допила, наконец, свою чашечку кофе, которую приняла из ее рук Жанна.

— Ну-ну, продолжайте, — сказал Каллистрат, видя, что Антон Андронович как-то колеблется.

— Есть версия — и она вполне убедительная, что земной женой Иисуса Христа была Мария Магдалина... После Его Распятия тайная секта христиан, все его последователи и Ученики переправились на юг Франции. Туда же был доставлен сосуд со священной кровью Спасителя — Чаша Грааля, сохраненная Иосифом Аримафейским. Шли годы... Реальные потомки Христа продолжали жить, их берегли и даже само их существование держали в строжайшей тайне. Слишком сильны были те организации и силы, стремившиеся их уничтожить. Со временем один из потомков Спасителя занял французский престол. Это Мервей. По преданию, он вышел из моря. Собственно, так оно и есть, ведь Чаша Грааля прибыла морем из Иерусалима. Но в Средние века последний из Мервингов — Дагоберт — был убит в результате католического заговора. То есть сама христианская папская церковь воспротивилась продолжению рода Спасителя. Сначала Его распяли римские legionеры по навету иудейских первосвященников, затем — в виде последнего потомка — убили сами католики. Вот тут-то начинается самое главное, касающееся нашей истории. Начинается решающий этап борьбы за мировой престол, длящийся по сей день.

— Полярные зеленые, — отчетливо прошептал Каллистрат.

Антон Андронович вздрогнул, развернувшись к нему всем туловищем. Он словно ждал этих двух слов.

— Именно, — произнес он. — Я еще тогда понял, что вы в курсе. Откуда вы вообще-то взяли?

— Оттуда, откуда же и вы, — отозвался бомж.

— Все мы — оттуда, — зевнула путана, придавая своим словам какой-то иной смысл.

— А грибы скоро будут? — не сдавался Леонид Маркович, все еще желавший обратить происходящее в шутку.

— К ужину, — серьезно ответила Жанна. — Я могу пойти справиться у повара.

— Сходите, милочка, сходите, — сказала мадам Ползункова. — А заодно приготовьте мисочку сметаны для Принцессы. Я знаю, что она где-то здесь.

Длинноногая ассистентка, захватив поднос с чашками, выскользнула из комнаты.

— Идем дальше, — произнес Антон Андронович, но сам тем не менее остановился, вновь превратившись в Геркулесов столп. — «Орден Зеленого Дракона», или просто «Полярные зеленые», или «Орден 72-х», — названий много. Это одна из сил, стремящихся положить конец Истории и создать на Земле царство Антихриста. Сюда можно отнести иезуитов, тамплиеров, исмаилитов и исламских шиитов, нацистов всех национальностей, часть католической церкви. Другая таинственная организация, противодействующая ей, призвана продлить существование мира любым способом — «Орден Приората Сиона», еще дохристианский. Методы борьбы те же: революции, войны, убийства, экономические и политические кризисы. Да и внешние символы, атрибутика, идеи почти такие же — коммунизм, либерализм, демократия, а порой и тот же нацизм навыворот. Все дело в том,

что обе эти силы часто камуфлируются друг под друга и разобраться, где истина, где ложь, кто есть кто, очень сложно, почти невозможно.

— На то нам и Александр Анатольевич, — заметила мадам Ползункова. — А вы бы отдохнули, голубчик, что-то бледны очень.

— Да-да-да, — кивнул Антон Андронович, потирая лоб. — Голова разболелась. Сил нет. Душно. Тяжело стало.

Он пошел к креслу. Каллистрат даже помог ему усесться.

— Продолжим нашу беседу в другой раз, — сказал бомж.

— Если она состоится, — как-то зловеще промолвила старая актриса. — Вы тут такого наговорили... Скоро за всеми нами придут зеленые человечки.

— Уж это точно, — согласилась путана, вновь достав свое зеркальце.

— С полным блюдом отравленных мухоморов, — добавил Леонид Маркович.

«Вот такие у меня нынче гости», — подумал я, вглядываясь через фальшивые окна в их лица. Каждый из них хранил в себе какую-то тайну. Я уже давно ничему не удивляюсь, понимая, что даже самые бредовые и фантазмагорические идеи могут оказаться правдой. Тому в истории есть немало свидетельств. Ведь она действительно загадочна и непонятна для человека.

ГЛАВА ПЯТАЯ, с грозovým оформлением

К вечеру несколько раз сверкали молнии, за которыми следовали оглушительные удары грома, но гроза так и не Разразилась. С почерневшего неба не упало ни капли воды, но атмосфера вокруг Загородного Дома сгущалась. Воздух был буквально пропитан электрическими разрядами. Что-то должно было произойти. Так, по крайней мере, выразился Левонидзе, с которым мы прогуливались по аллее парка.

— Сегодня я, пожалуй, останусь ночевать здесь, — мрачно сказал он. — На всякий случай.

— А где этот сухорукий Волков? — спросил я. — Что-то его давненько не видно.

— Лазит где-то по чердакам и подвалам.

В ту же секунду из кустов жимолости выбралась знакомая фигура с трубкой в зубах.

— Тут я, тут, — проговорил следователь ФСБ. — Воздухом дышу, а заодно наблюдаю за окнами.

— И что же вы там увидели? — поинтересовался я.

— Ничего особенного. Но поскольку я уже кое-что знаю об обитателях клиники, то могу сделать некоторые выводы. Разумеется, предварительные.

— Интересно послушать, — сказал Левонидзе. — Давай, Вася, не стесняйся. Здесь все свои.

— «Свои» у меня дома сидят, телевизор смотрят. А тут любая душа — потемки, — отозвался Волков-Сухоруков, пыхнув трубкой. И продолжил: — Итак, начнем с Бижущкого Бориса Бруновича. Сорок семь лет. Очень подозрительная личность. Всюду бродит, сует свой нос, явно что-то вынюхивает. Несомненно, притворяется. Я бы с него глаз не спускал. Возможно, это именно он взорвал церковь, мечеть и синагогу, а также подвесил Лазарчука вверх ногами и распял.

— Бижущкий находится у меня в клинике уже полгода, а все ваши события, насколько мне известно, произошли после пятнадцатого августа, то есть два месяца назад, — сказал я.

— Вот как? — нимало не смутился следователь. — Ну это еще ничего не доказывает. Несчастный Лазарчук предупреждал в кассете, что это существо — Бафомет — чрезвычайно хитрое и изворотливое. Мог что-то придумать, чтобы раздвоиться, создать себе алиби. Ладно, оставим любителя домашних пижам в покое. Перейдем к следующему фигуранту. Тарасевич Евгений Львович, физик-ядерщик, доктор наук, пятьдесят восемь лет. До последнего времени возглавлял одну из секретных лабораторий. Занимались там, между прочим, созданием взрывчатых веществ и оружия нового поколения, я наводил справки. Дьявольски умен. Первый кандидат на роль Бафомета

— Только что у вас эту роль исполнял Бижущкий, — съязвил я.

Но Волков-Сухоруков пропустил мою шпильку мимо ушей.

— Следующий по списку — Антон Андронович Стоячий, сорок четыре года, бывший диакон, поп-расстрига, теперь не поймешь что, темная личность. Этот явно с мухоморами в голове. Я бы его на всякий случай облачил в смирительную рубашку. Как и первых двух.

— Надо будет выписать целый комплект, — усмехнулся Левонидзе.

— Леонид Маркович Гох, пианист, тридцать девять лет, мировая слава, — продолжил следователь. — А точно ли мировая? Не преувеличивают ли его мастерство? В этом надо разобраться. Ежели он гений, то, несомненно, в башке водятся тараканы, для таких типов

совершить преступление — что морковку съесть. Следовало бы держать в изоляции от публики.

— Говорю же, нужен комплект рубашек, — сказал мой помощник.

— У этого тараканы, у того — мухоморы, а что у Гамаюнова? — спросил я.

— Парис-то? Мальчик Юра, двадцати лет от роду. Из бедной семьи, но выбился благодаря своей смазливой морде и фигуре. Сами знаете, кто у него покровитель в Думе. Но пользуется его наверняка не только одна Харимади. Один из лидеров ЛДПР тоже. Поскольку наш Парис — бисексуал. От подобной мрази все беды, уверяю вас. Скажу больше, если вы хотите знать мое личное мнение. Я бы всех извращенцев, дегенератов, преступников, а также коммунистов, либералов и подлых интеллектуалов просто собрал бы в одном большом концентрационном лагере, где-нибудь за Полярным кругом. Кайло в руки и руби вечную мерзлоту, ищи кости мамонтов.

— Бомжей тоже? — полюбопытствовал Георгий.

— На одном из первых товарных составах. Ваш Каллистрат — смесь гигиены с гремучей змеей. У него даже возраста нет. И прошлого. Все он выдумал. Не подлежит проверке. Чтобы с ним не мучиться, лучше всего было бы отвести его по-тихому в лес, подальше, пристрелить и прикопать землей.

— Так и сделаем, — сказал Левонидзе. Его разбирал смех.

— Олжас и Сатоси, сладкая парочка из МГИМО. По полтиннику на рыло, — продолжил Василий. — Поскольку они подданные других государств, к тому же сопредельных, тут надо быть очень осторожным, чтобы не вызвать международный скандал.

— Давайте перейдем к дамам, — произнес я, предполагая, что в самом скором времени и сам Волков-Сухоруков окажется среди клиентов моей клиники.

— Погодите с дамами. Тут, насколько я знаю, еще есть двое мужчин. Военные.

— Это Топорковы, они временно, — ответил Левонидзе. — Завтра уедут. Если не убьют друг друга.

— Да? Хорошо, — сказал Волков-Сухоруков. «Хорошо», очевидно, относилось к тому, что Топорковы друг друга «убьют». — Дамы у вас тоже все какие-то странные.

— У нас других-то попросту не бывает, — усмехнулся Георгий. — Не держим. Другие в других клиниках.

— Ползункова Алла Борисовна, пятьдесят пять, миллионерша, вдова, одно время подозревалась в заказном убийстве своего мужа...

Словно в ответ на слова следователя, откуда-то из дальних кустов донеслось:

— Кис-кис! Кис-кис!

Мадам продолжала искать свою Принцессу, блуждая по парку, как привидение. Да еще и облаченное в белый плащ с капюшоном.

— Существо просто с картин Босха, — понизил голос Волков-Сухоруков. — Вроде бы божий одуванчик, а во рту — клыки. Васса Железнова прямо-таки. Я бы с ней в разведку не пошел.

— Она бы и не предложила, потому что сама тебя боится, — сказал Левонидзе. — Ну а что думаешь про актрису?

— Старая гримза, хоть и народная. Шестьдесят семь лет, а все молодится. Ну не дура ли? Двенадцать пластических операций, это, знаете ли, чересчур. Лариса Сергеевна Харченко, к вашему сведению, еще сорок лет назад проходила по делу о валютных операциях. Заступился один высокий чин из МВД, ее любовник. Так что кое-какой

криминальный опыт у нее есть. У нее отец был знаменитым карманником, только она это тщательно скрывает. Дочка в молодости пошла было по стопам папочки, но потом, резко вильнув хвостом, сделала знаменательную карьеру в кино. Конечно, с ее-то внешними данными! Однако навыки, думаю, остались. Гены, так сказать.

— Ахмеджакова, — коротко бросил Левонидзе.

— Затяжной климакс, — так же кратко, по-военному, отозвался Волков-Сухоруков. — Этим все сказано. Дамочки в таком состоянии готовы броситься во все самое тяжелое, особенно поэтессы. Зара Магометовна — известная всей Москве истеричка, чего говорить. Стерва. Топить надо.

— А Елена Глебовна Стахова?

— Ну, шлюха она и есть шлюха. Правда, с высшим образованием. Плавает в верхах. Царская стерлядь. Носитель такой же секретной информации, как и Тарасевич, только добытой в постельном режиме. По слухам, она имеет тайное досье на многих членов правительства. Дневник с фотками и пленками. Думаю, многим бы хотелось на него взглянуть.

Мы подошли к водоему, в котором отражалась выглянувшая из-за туч луна. Вновь ослепительно сверкнула молния, а через пару секунд, как удар кувалдой по железу, прогремел гром.

— Да, выразительная картинная галерея с портретами, — произнес Левонидзе. — Надо прямо билеты продавать за вход.

— Зоопарк, — поправил его следователь.

Я ждал, когда же наконец-то разразится гроза и на землю из небесных врат обрушатся очистительные потоки воды.

Конечно же, Волков-Сухоруков чересчур сгустил краски в своей «портретной галерее». Ему бы не картины, а фильмы ужасов снимать, наряду с Хичкоком. У каждого из клиентов были, естественно, свои проблемы, но вполне купируемые и разрешимые в рамках психотерапевтических сеансов. Доказательством чему и послужил мой ежевечерний прием, который я проводил, как правило, в библиотеке. Являться на него мог любой, изъявивший желание, а если никто так и не приходил, то все равно мне было чем заняться в обществе Монтеня, Спинозы или Анаксагора. Комната, где находилась библиотека, имела вытянутую прямоугольную форму, одна дверь вела в коридор первого этажа, другая — большая и стеклянная — в парк. Обычно пациенты сюда заглядывали просто поболтать, снять напряжение. Но видекамера фиксировала все, давая мне материал для последующего психоанализа.

Первым в этот поздний вечер меня посетил Тарасевич. Был он на удивление серьезен. Я отложил книгу, заложив страницу календариком.

— Что читаем? — спросил физик, бросив взгляд на название. — А, Шамфор... Уважаю. Кажется, это он сказал, что сочетать снисходительное презрение с сарказмом веселья — лучшая философия для этого мира?

— Вы совершенно верно цитируете, Евгений Львович, — согласился я. — Да и сами всецело следуете этому правилу. Или я ошибаюсь?

— Нет, именно таю я смеюсь, потому что презираю, и презираю, потому что смеюсь. Но люди большего и не заслуживают. Знаете, у меня ведь было трудное детство. Поневоле станешь и смешливым, и жестоким.

— Вы никогда об этом не рассказывали.

— Да. А теперь хочу. У вас есть время?

— Конечно. На то я и ваш доктор.

Физик уселся поудобнее и начал:

— Я детдомовец, родителей своих не знаю. Они сдали меня в приют совсем маленьким, а сами... растворились. Ну и черт с ними, не жалко. Еще неизвестно, каким бы я вырос, окруженный родительской заботой и лаской. По крайней мере, ученым бы не стал. Брошенный в воду посредине реки быстрее научится плавать. Или утонет. Я, как видите, выплыл. Но мне не дает покоя одна история из моего детства. Тянется за мной как шлейф. Иногда надолго забываю, а потом она вновь восстанавливается во всех подробностях.

— Я внимательно слушаю.

Тарасевич не спеша набил трубку и закурил. Стеклопанная дверь в парк была открыта, там колыхалась занавеска.

— Было нам лет по тринадцать, — посопев, продолжил Евгений Львович. — Я уже тогда всю экспериментировал со всякими взрывчатыми веществами. Селитра, сухой порох, прочая дрянь. Мальчишки знают, на какой свалке все это можно достать. Сейчас уж и не помню, что именно я заложил в ту сигарету. Так, смеха ради. И дал покурить своему лучшему другу. Он сделал пару затяжек, ничего не подозревая. А я шутил, смеялся, но сам с напряженным вниманием ждал — что произойдет дальше? Как изменится его лицо, глаза? Словно наблюдал за лабораторной крысой. Ну и... дождался. Нет, ничего серьезного не произошло. Заряд был слишком маленьким, не дурак же я вообще? Взрыв был, но огонь лишь опалил ему губы и брови. Через пару дней все зажило. Главное было в другом. Он испугался. Причем так, что едва не потерял сознание. Наверное, никак не ожидал такой подлянки от своего першого друга, с которым делился последней булкой. С тех пор стал заикаться. Каково, а?

— Скверно, — сказал я. — Но ведь это еще не все, не так ли?

— По идее, достаточно было бы и этого, чтобы поставить на мне клеймо, — ответил физик, взглянув на колышущуюся занавеску. — Я пытался всячески загладить свою вину перед другом. Мальчишки устроили мне обструкцию, даже побили. Но больше всего мне было от того презрения... нет, от той жалости, с которой смотрел на меня теперь этот заика, мой бывший друг. Чтобы наказать себя, я взял и сиганул с крыши сарая на угольную кучу. Сломал ногу, шейку бедра. — Тарасевич постучал по полу сандаловой тростью. — Хожу вот теперь с палкой. А он... По-моему, он на всю жизнь остался «испуганным человеком». Из него ничего путного не вышло, я узнавал. Он так и не примирился со мной. Не я ли определил его жребий в этом мире? Доктор, почему я до сих пор помню об этом?

— Потому что он в какой-то мере определил и ваш жребий, — отозвался я. — Вы сполна расплатились друг с другом. Но не будем об этом слишком долго рассуждать. Жестокость, милосердие, страх, дружба, предательство — все это с нами всю жизнь, тянется именно из детства. Послушайте, что я недавно прочел в одной умной книге. Это легенда. Во втором, примерно веке жил раннехристианский врачеватель. Звали его Павлин. Павлин Милосердный, поскольку отдавал ближним и нищим все, что имел, лечил бескорыстно, но власть его не любила. А в особенности завистливый сосед. Павлин содержал в своем доме приют для убогих детей. Однажды встретил он на дороге слепого мальчугана. Естественно, привел его с собой — места всем хватит. Мальчик оказался прорицателем, умел внутренним взором видеть то, что недоступно зрячим. Может быть, именно поэтому его стали обижать в приюте другие дети. Вы сами знаете, как они бывают жестоки.

— О да, — кивнул Тарасевич. — На себе испытал.

— Сосед хотел взять жилище Павлина за долги. И в конце концов своего добился. А надо заметить, что слепой мальчик предрек этому городу многие беды. Вскоре действительно случились и мор, и голод, и большие пожары. Ослепленные гневом жители схватили Павлина, который сделал для них так много добра, и мальчика. Подстрекаемые соседом, они сначала хотели их растерзать, но потом все же одумались и продали обоих в рабство, в соседнюю страну. Сосед вселился в жилище Павлина и выбросил убогих детей вон.

За окнами библиотеки ярко сверкнула молния, яростно прогрехотал гром. Занавеска на открытой двери взметнулась вверх, и мне почудилась в глубине парка фигура. Будто бы неподвижная, но преломившаяся в ослепительном свете.

— Беды, обрушившиеся на город, были еще ужаснее, — продолжил я, оторвав взгляд от темного проема двери. — Прошло несколько лет. Жители решили выкупить Павлина Милосердного обратно. Он явился в рублище, ему вернули жилье, вещи. Наказали завистливого соседа. Павлин продолжал врачевать, собирать возле себя нищих детей. Между тем в соседнем государстве подрастал мальчик. Он уже не был слепым, неожиданно прозрел. Но вместе с вернувшимся к нему зрением — потерял дар пророчества. Увидев мир таким, каков он есть, он добился власти, стал правителем этого государства. И двинул войска на город Павлина Милосердного. На дороге, пытаясь остановить войну, встал врачеватель. Юноша-правитель не узнал его. Или не захотел признать. Но и убивать его не стал. Он просто ослепил Павлина.

— Странная притча, — произнес Тарасевич, видя, что я умолк. — И это все?

— Чего же более? Может, я что-то и упустил, но, думаю, достаточно. Тут вам и милосердие, и жестокость, и предательство. Прозрение истины и духовная слепота. Война, деньги, зависть. Как в жизни. Как в нашей с вами, Евгений Львович, жизни, другой нет.

— А счастье? — спросил он. — С ним-то как? Ни у кого в вашей истории его не было. Ведь жертвенность — самообман, та же гордыня. Павлину Милосердному надо было бы держать слепого мальчугана на цепи в подвале, чтобы тот не злил жителей города своими высказываниями. А соседа ночью подкараулить и ухайдокать лопатой, чтобы не мешал больше медицинским работникам.

Я раскрыл томик Шамфора на заложенной странице, прочитал:

— Счастье — вещь нелегкая, его очень трудно найти внутри себя и невозможно обнаружить где-либо в ином месте.

— Это правда. Что ж, пожалуй, пойду.

Тарасевич встал, окинул взглядом библиотеку, стеллажи с книгами, колышущуюся занавеску на двери в парк и добавил:

— Лучшего места для убийства подыскать трудно.

Потом ушел, постукивая сандаловой тростью по полу.

Продолжить чтение мне не удалось. Через несколько минут явился новый гость.

Вернее, это была гостья. В библиотеку осторожно заглянула голова, крашенная басмой, пудрой, белилами и румянами, со вставной челюстью и пластическим носом.

— Можно? — спросила Лариса Сергеевна Харченко, подслеповато щурясь. Очков она не носила, хотя постоянно на что-либо натыкалась. Вот и теперь, услышав мой голос, она направилась не ко мне, а к соседнему столу, на котором стоял гипсовый бюст Марка Аврелия. К слову сказать, очень на меня похожий. Так, по крайней мере, утверждала моя

жена Анастасия: его лицо всегда спокойно и в горе, и в радости.

— Голубчик, вы сегодня что-то очень бледны, видно, совсем заработались, — обратилась она к римскому императору. — Отдыхать надо, делать по утрам пробежку.

Поскольку ответить тому было нечего, я деликатно пересел за соседний стол, сдвинув истукана в сторону. Но актриса не обратила на эти манипуляции внимания, пребывая в своих мыслях.

— Итак, — произнес я. — Что вас беспокоит?

— Гроза, — ответила Лариса Сергеевна. — Вы знаете, когда-то я играла в «Грозе» Катерину. Кажется, то было вчера. Бурный успех, оvationи, море цветов, поклонников... А сейчас лишь сверкают молнии, гремит гром, но сама гроза никак не разразится. Такое ощущение, что я возвратилась в самые прекрасные дни моей юности. Когда меня... похищали, увозили, безумно любили и даже стрелялись из пистолетов.

— «Это же хорошо, — ответил за меня Марк Аврелий. — Непрестанное течение времени постоянно сообщает юность беспредельной вечности», — а Александр Анатольевич Тропенин подумал: «Юность-то ваша прошла в воровском притоне, там-то наверняка постреливали».

— Милый мой доктор, — продолжила Лариса Сергеевна. — Я нынче очень счастлива.

— Чудесно. Пребывайте в этом состоянии всегда.

— Хочу поделиться с вами. Я... летаю. Я летаю от любви. Я влюбилась.

У меня чрезвычайно стойкая нервная система, поэтому я лишь посмотрел в пустые глазницы императора и украдкой вздохнул.

— Замечательно, — сказал я.

— Но это вас не шокирует?

— Нисколько.

— Но я ведь, как бы это сказать, не так уж и молода.

— Это не имеет значения.

— Мой избранник находится здесь, в вашей клинике, — торжественно произнесла актриса и поглядела в ту сторону, где от порыва ветра вновь стала колыхаться занавеска. Мне почему-то показалось, что нас подслушивают. «Любовные романы в Загородном Доме среди моих «гостей»? — подумал я. — Такое случалось и прежде и ни к чему хорошему не приводило. Лишние эмоции, стрессы». Как правило, я всегда старался поскорее избавиться от таких беспокойных пациентов. А ведь актрисе под семьдесят, не нимфа, может и сердце не выдержать от бурной страсти.

— Кто же он? — мягко спросил я.

— Пока это секрет. Мы решили не афишировать наши встречи. Но он отвечает мне взаимностью. Тоже любит меня. И он... хочет скрепить наши отношения узами брака.

— Разумно, — кисло улыбнулся я. Может быть, это Тарасевич? Он тоже одинок. Ну не Каллистрат же? Хотя чем только этот поганец Купидон не шутит! Крылья ему оборву, если поймаю.

— Что вы на это скажете, дорогой Александр Анатольевич?

— Слов нет, — искренне отозвался я.

— Они и не нужны, — засмеялась актриса. — Тогда я... полетела!

Лариса Сергеевна погладила почему-то Марка Аврелия по гипсовой голове, почти вспорхнула со стула и двинулась к стеклянной двери.

— Не туда, в другую сторону, — сказал я, провожая ее в нужном направлении.

После актрисы в библиотеку ненадолго заглянул Бижуцкий, порылся на полках с книгами, выбрал себе одну ' «на сон» — басни Крылова.

— Люблю, знаете ли, про всяких зверушек, — смущенно доложил он. — А сегодня ночью никто больше в клинику не залезет? Как в прошлый раз?

— Да и вчера никого не было, — ответил я.

— Ну-ну, — пробормотал он, опасливо покосился на открытую стеклянную дверь и ушел.

На всякий случай я позвонил по сотовому телефону охраннику. Дежурил по-прежнему Сергей, смениться он должен был только утром.

— Будьте сегодня ночью особенно бдительны, — сказал я. — Доберманов с цепи не спускайте, гости еще не спят.

Собаки были хорошо дрессированы, на посетителей клиники никогда не бросались — я специально «знакомил» их с моими пациентами. Но мало ли что. По крайней мере, старался держать собак от них подальше, давая вволю побегать лишь ночью.

Вскоре ко мне пришли Олжас и Сатоси, вернее, завалились, поскольку маленький японец подпирал толстого казаха. Настроение у них, судя по всему, было веселое.

— Я спросил сегодня таксу, у такси какая такса? — проговорил Олжас, плюхнувшись в кресло. Сатоси примостился рядышком на стуле, сложив на коленях ладошки.

— Европейцы слишком много внимания уделяют вопросам смерти, — произнес он многозначительно. — А это, неверно, путь заблуждений, тупик. Да и другие излюбленные вами «ценности» ложны.

— Угу, — кивнул Олжас. И икнул.

— Что более всего трогает человеческую душу? — продолжал японец. Я пожал плечами, давая ему высказаться. — Мы только что спорили на эту тему с Олжасом. Ваш великий поэт Пушкин утверждал, что есть три струны, на которых можно играть. Это — ужас, сострадание и смех. А вот Хемингуэй называл другие три громких аккорда — смерть, любовь и деньги. Вся западная цивилизация замешана на этом. Литература, искусство... Нет только созерцательности и отрешенности.

— Ага, — подтвердил Олжас. — Я хочу вам по этому поводу рассказать одну скверную историю. Потому что она случилась в сквере.

Сегодня его что-то тянуло на каламбуры. На своей родине, в Астане, он занимал какой-то высокий пост, а здесь пребывал инкогнито.

— Мы вспомнили времена нашей молодости, — добавил Сатоси. — Мы ведь вместе учились, мама у меня русская, я долгое время жил в Москве. А история действительно произошла, в сквере возле «Бауманской». Олжас вынудил меня... похоронить его заживо.

— Да, — подтвердил казах. — Вот вам, пожалуйста, и смерть, и ужас, и любовь, и деньги, и смех.

— Пока что один туман, — сказал я. — Поподробнее, если можно.

— Конечно, — кивнул японец. — Слушайте. Олжаса настойчиво преследовала одна девица, вольных, так сказать, нравов.

— Была влюблена в меня как кошка, — самодовольно добавил казах, глотнув из заветной фляжки.

— Он подцепил ее на какой-то вечеринке в общежитии. Девица, если не ошибаюсь, была студенткой пединститута.

— Физкульттехникума, — поправил Олжас. — Рапиристка. Льяные волосы, голубые

глаза... А фигурка!

— Эта фехтовальщица быстро смекнула, что Олжас, принадлежавший к старшему, правящему в Казахстане жузу, весьма состоятельный и перспективный молодой человек. И задалась целью женить его на себе. Забеременела. Дело дошло до прямого шантажа и угроз. Она обещала покончить с собой, если Олжас не выполнит данное ей слово.

— Никаких «слов» я не давал, — вставил казах. — Всего лишь намекал, да и то спьяну.

— Так или иначе, но ситуация начинала выходить из-под контроля, — невозмутимо продолжил Сатоси. — Мне было больно следить за его мучениями.

— Моя родня никогда бы не дала согласия на этот брак. К тому же в Алма-Ате меня ждала намеченная еще с детства невеста, — сказал Олжас. — Я был готов бросить учебу и бежать хоть на край света. Скверная история, чего уж говорить!..

— Потом она стала требовать откупных. Денег.

С этими словами Сатоси прогремел гром, где-то в отдалении. Видимо, грозовые тучи стали перемещаться к северу.

— Денег у меня не было, — сказал Олжас, почему-то понизив голос, словно нас могли подслушивать. — И я задумал ее убить. Помните, как у Драйзера? Пошли бы на пляж, взяли бы напрокат лодку, а там она бы и перевернулась. Девушка хорошо фехтовала, но плавать совершенно не умела. Впрочем, я тоже. Но у меня был припасен спасательный круг.

— Я не знал о его намерении утопить рапиристку, иначе, разумеется, постарался бы отговорить его от этой глупой затеи. Зачем все непременно нужно доводить до смерти? Есть тысячи других способов решать проблемы. Но для этого надо посетить наш «Сад камней» в храме Рёандзи, чтобы постичь молчаливое созерцание, в котором пребывает истина. Увидеть внутренним взором все пятнадцать камней и достичь просветления. Интуитивного осознания своей органической связи с окружающим миром.

— «Сад камней»? — переспросил Олжас.

— Это великая тайна, сотворенная буддийским монахом Соами, — кивнул японец. — Кажущаяся простота сада обманчива, она покоится на фундаменте иного видения мира. Пятнадцатого камня перед глазами никогда нет, его загораживают соседние. С какой бы точки ты ни смотрел — видишь всегда четырнадцать. Пятнадцатый постоянно прячется. Гениально спланированный хаос, тонкий расчет и глубочайший смысл. Асимметричная гармония, бесконечная изменчивость мира. Но ты, мой друг, в те годы ослепленный прелестью суеты, не смог бы разглядеть даже и одного камня.

Я был с Анастасией в Киото, посещал монастырь Рёандзи, мы тоже не смогли обнаружить пятнадцатый камень, сколько ни блуждали по этому саду; Сатоси был прав. Это поистине еще одно чудо света, мировая загадка. Как мелки и иллюзорны перед ней любовные потуги Олжаса и рапиристки! Людские страсти подобны кругам на воде от брошенного в пруд камня. Однако мне было интересно дослушать «скверную историю» до конца.

— Итак, я уже договорился с лодочником и назначил день «Икс», — промолвил Олжас, вновь припав к фляжке.

Японец вдруг приложил палец к губам. Одними глазами он указал на стеклянную дверь в парк, скрытую занавеской. Она колыхалась.

— Там кто-то есть, — прошептал Сатоси.

В глазах Олжаса стал скапливаться страх. В ту же секунду японец резко вскочил со стула, метнулся к двери и отдернул проклятую занавеску. Никого. Лишь неожиданно и ярко

сверкнула молния, будто брошенная гневной рукой с небес.

— Померещилось, — глухо проговорил Сатоси, возвращаясь на место. И не совсем внятно добавил: — Или этот «кто-то» быстрее, чем я.

Олжас торопливо плотнул рисовой водки, не спуская глаз с черного дверного проема. Теперь он говорил как замороженный, то ли вконец опьянев, то ли поддавшись какому-то гипнотическому влиянию, будто бы «дувшему» из парка.

— За день до нашей лодочной прогулки я пришел в сквер возле метро «Бауманская». Здесь было наше излюбленное место встречи с моей рапиристкой. Но я не ждал ее, просто хотел побыть один, собраться с мыслями, укрепиться в своей решимости. Я еще не знал, что придумал Сатоси, чтобы избавить меня от этой девицы. А он...

— Он, — подхватил маленький японец, начав говорить о себе в третьем лице, — он сделал следующее. Встретился накануне с фехтовальщицей в спортивном зале, провел поединок (я владею всеми видами холодного оружия), а после, когда мы скинули маски, со скорбным видом сообщил, что Олжаса среди нас больше нет: мужайтесь! «Олжас Алимов скоропостижно скончался, приняв большую дозу просроченного зубного порошка». Девица, как ни странно, поверила, хотя я всего лишь пошутил, испытывая ее реакцию. Видимо, мозгов у нее все же было маловато.

— Да, поверила, — продолжил казах, хлопнув себя по толстой ляжке. — Теперь я думаю, что она действительно искренно любила меня. Она помчалась в наш сквер, не переставая рыдать. Я, сидя на скамейке, видел, как она бежит через улицу сквозь потоки машин. В конце концов одна из легковушек ее сбила.

— Я ведь бежал следом за ней, но не успел ее остановить, — произнес Сатоси. — Шутка закончилась весьма скверно.

— Она не погибла, — в наступившей тишине промолвил Олжас. — Но изрядно покалечилась. С черепно-мозговой травмой и множественными переломами попала в больницу. Да еще выкидыш... Самое любопытное, что она действительно оказалась беременной.

— Это «самое любопытное»? — повторил я.

— Ну, я не так выразился. Мне, конечно, было ее безмерно жаль. Но вопрос решился сам собой. Без лодки Драйзера.

— Вы навещали ее в больнице?

— Нет. Разумеется, нет. Ведь я для нее умер. Наглотавшись испорченного зубного порошка. — И Олжас вдруг захохотал, словно увидел в дверном проеме клоуна.

Подождав, пока он успокоится, Сатоси произнес:

— Она вышла из больницы инвалидом. Все эти годы я не упускал ее из виду, посылал деньги. Поскольку не слагаю с себя ответственности за происшедшее. Это как пятнадцатый камень в моей душе из сада в Рёандзи.

Олжас грузно поднялся, покачиваясь.

— Пойду спать, — провозгласил он. — Тут все время какие-то привидения мерещатся...

— Спокойной ночи, Тропени-сан, — сказал Сатоси, отправляясь следом за ним. —

Приятных сновидений!

Если бы он только знал, как мне это необходимо!..

Но до сновидений мне было так же далеко, как и до Луны, спрятавшейся где-то в черном грозовом небе. Я подумал, что сейчас самое время совершить ночной обход клиники. И начать с парка. Не став гасить в библиотеке свет, я двинулся к стеклянной двери, отдернул

занавеску и... отшатнулся. Сперва я решил, что передо мной, как мраморное изваяние, стоит Анастасия, каким-то чудом выбравшаяся из своей «клетки». Но зрение обмануло меня. Это была Нина, вчерашняя аристократка, «жена двух мужей», любительница рыбной ловли. Она лукаво смотрела на меня и улыбалась.

— Каким образом вы...

— Тут оказалась? На проходной никого не было, вот и прошла спокойненько. Потом заблудилась в вашем парке, едва не напоролась на какие-то чудовищные кактусы и выбралась по аллее сюда. Нет, вру. Прилетела прямо на помеле.

— Линию электропередач на задели?

Я стал набирать по сотовому номер охранника.

— Не трудитесь, — насмешливо сказала Нина. — Он действительно спит. Я, знаете ли, немного владею суггестией. Брала уроки у Кашпиоровского.

Глаза у нее и в самом деле были волшебные, магнетические, с вишневым отливом. Однако Сергей откликнулся на звонок.

— Кто-нибудь проходил через ворота? — спросил я.

— Никого не было, — четко отрапортовал он. Но как-то слишком уж четко, словно был оловянным солдатиком.

— Тогда спите дальше, — с некоторой долей раздражения отозвался я, отключая мобильник.

— Ну не выкинете же вы меня сейчас на шоссе? — спросила Нина, вытянув вверх ладонь. На нее упали первые капли. Еще мгновение — и небо наконец разверзлось: сверкнула молния, пророкотал гром, потоки воды обрушились на землю. Долгожданная гроза яростно набросилась на Загородный Дом.

— Нет, я вам рад, — произнес я, втягивая Нину через порог в библиотеку. Она неожиданно прильнула ко мне и обвила руками. Ее губы буквально впились в мои. «Духи, кажется, «Пуазон», — хладнокровно отметил я про себя. Но на поцелуй ответил.

— Алекса-андр... — тихо простонала она, пытаясь торопливо освободиться и от своей, и от моей верхней одежды. Страсть охватила и меня, но всего лишь на какие-то коварные секунды. Я стараюсь не терять головы наедине с летающими на помеле женщинами. К тому же жене своей не изменяю. Пусть даже она сейчас и больна. Так я и заявил, признаться, довольно тупо:

— Я не изменяю своей жене, дорогая.

— Я тоже. Не изменяю своему мужу, — отозвалась Нина, продолжая расстегивать мою рубашку.

— Которому из двоих?

— Обоим. Значит, не изменяю вдвойне.

Мы как-то странно и глупо боролись друг с другом. Опрокинули стул на бюст Марка Аврелия. Череп римского императора расколосся. Больше всего я боялся, что сейчас кто-нибудь войдет. Нина сунула руки в карманы моих брюк. И вытащила на свет божий... Нет, я не мог в это поверить: в ее руках оказались проклятые часики мадам Ползунковой и зажигалка Бижущкого с монограммой! Опять у меня! Каким же образом они вновь вернулись ко мне? Но думать об этом было некогда. Нина бросила часики и зажигалку на стол, словно это были вынутые у меня из желудка потроха.

— Вы долго стояли за дверью и наблюдали за нами? — пробормотал я, будто это было сейчас самым важным.

— Около получаса, — ответила Нина, расстегивая мой брючный ремень. — Александр...

— О нет, — сказал я, пытаясь снять с нее юбку.

А гроза все ярилась и швыряла в Загородный Дом молнии. Черт-те что творилось вокруг! Будто тысячи барабанов били на крыше клиники. Занавеску на стеклянной двери сорвало сильным порывом ветра. И из-за спины Нины я вдруг увидел, как по аллее в глубине парка под проливным дождем движется белая фигура с распущенными мокрыми волосами. Сомнений быть не могло: это, несомненно, она — Анастасия... А тут еще позади меня раздался грубовато-ехидный голос Левонидзе:

— Гроза-то, какая, а? Я вам не помешаю? Здравствуйте, Нина Павловна. Эх вы с Марком Аврелием-то разобрались!..

Рядом с ним стоял Волков-Сухоруков, выпучив глаза и дымя трубкой.

— Добрый вечер! — бросила им Нина, невозмутимо-изящно подтягивая колготки и возвращая юбку на место. Я же, отвернувшись, застегнул брюки и рубашку.

— Мы тут решили почитать кое-что о Бафомете, — сказал Волков-Сухоруков, словно все происходящее его не касалось. Да оно его и действительно не касалось, черт подери! Меня сейчас больше всего заботила скрывшаяся за деревьями белая фигура. Не померещилось ли? Неужели это в самом деле Анастасия? Я был готов ринуться в парк, и грозу, на ее поиски.

— Гляди-ка! Зажигалка Бижуцкого, — произнес Левонидзе, подходя к столу. — И часики вдовушки, если не ошибаюсь. Нашлись пропажи-то?

— Нашлись, нашлись, — ответил я. — Тут вот весь день и лежали. Если тебе не трудно, отдай их утром владельцам.

Мне уже не хотелось даже прикасаться к ним. Словно они были заколдованы.

— Хорошо, — пообещал мой помощник, сгребая зажигалку и часики со стола.

— И... проводи Нину Павловну в гостевую комнату. Она останется здесь по крайней мере на ночь. Если не ошибаюсь.

— Может, и на сутки, — сказала Нина. — Или на неделю. Мне тут нравится. Но я думала, вы сами меня и проводите, Александр Анатольевич? Мы еще не закончили.

— Я... навещу вас... позже. У меня дела.

— Ночной дозор?

— Ночной обход.

Волков-Сухоруков уже начал рыться на книжных полках, не выпуская изо рта трубку.

Меня интересует все, что касается сатанинских сект и прочей чертовщины, — пробормотал он.

— Тогда смотрите на втором стеллаже, — бросил я, подталкивая Левонидзе и Нину к двери.

— Уже уходим, — сказал мой помощник, по-военному щелкнув каблуками. Нина послала мне выразительный взгляд. Едва они ушли, я, выждав еще минуту, бросился в другую дверь, в парк, под проливной дождь.

Искать Анастасию в крошечной мгле, когда кругом завывает ветер и гремит гром, было бессмысленно. Но может быть, ее и нет в парке? Может, она спит в постели? Я торопливо обогнул Дом, зашел с парадного входа и подошел к двери, ведущей в ее апартаменты. Она оказалась не заперта, как я и думал, предполагая самое худшее. В комнате на пушистом ковре лежала Параджиева, раскинув руки. Рядом валялся шприц. Судя по всему, Анастасия

умудрилась приготовить для нее успокоительное лекарство вколоть самой медсестре. А предварительно, возможно, и оглушила ее чем-то. Хотя бы пяткой. Она ведь в молодые годы занималась кун-фу. Предупреждал же Параджиеву, что надо быть всегда начеку. Вот, лежи теперь на полу и отдыхай!..

Сходив в лабораторию за транквилизаторами, я привел глухонемую медсестру в чувства.

— Все знаю, — сказал я, останавливая ее поток жестов. — Берите зонтик, фонарики, и пошли искать нашу беглянку.

Экипировавшись как положено, мы направились в парк. Природа шла нам навстречу — гроза к этому времени угомонила, на небосклоне появилась луна. Очень скоро навстречу нам попался охранник с двумя доберманами. Собаки ринулись ко мне, как две черные торпеды, стали ласкаться.

— Сережа, вы не видели тут женщину в белом? — спросил я.

— Нет. Кто такая?

— Не важно. Ищите. Если найдете — сразу зовите меня. Мы пойдем к пруду, а вы прочешите весь парк. И вот еще что... держите собак на поводке.

Я боялся, что встреча с доберманами вызовет у Анастасии еще больший психический криз. Мы разошлись в разные стороны. На пруду у берега покачивались две лодки, привязанные к деревянному пирсу. Параджиева нагнулась, посветила фонариком и показала мне следы босых ног на песке. Явно моей женушки. Наверное, она хотела отвязать лодку. Но куда двинулась потом? Следы заканчивались у тропинки, ведущей к гроту. Словно с этого места Анастасия перестала ходить по земле, а решила немного полетать. Что ж, разумно, поскольку с обеих сторон дорожки росли могучие и коварные кактусы.

— Пошли к гроту, — сказал я своей глухонемой спутнице. — Мне сдается, что она там.

Параджиева закивала, как китайский болванчик. Или — болванка. Стараясь не поскользнуться на тропинке и не напороться на страшные иглы, мы приблизились ко входу в грот. Оттуда доносились какие-то неясные звуки. Ожидая увидеть Анастасию, я посветил фонариком.

— Кис-кис! — сказала в ответ женщина, сидящая на лавочке, мадам Ползункова. И тоже в белом.

— Алла Борисовна! — произнес я, взяв ее за руку. — Пойдемте, уже слишком поздно. Завтра будем искать вашу Принцессу.

— Да-да, завтра, — покорно согласилась она. — Ведь мы найдем ее, Александр Анатольевич?

— Обязательно. Идите, Параджиева вас проводит и уложит в постель.

Глухонемая поняла меня, слегка приобняла Ползункову и повела ее вниз по тропинке, подсвечивая дорогу фонариком. Я остался в гроте один, теряясь в догадках: куда могла запропасться Анастасия? На ум пришли строчки Абу-ль-Аля аль Маари:

*Годам к сорока мы глупеть начинаем,
Наш разум, слабея, отходит ко сну.
А жен отнимает то смерть, то измена —
Как речку, жену не удержишь в плену.*

Но я ведь не пытался держать Анастасию в «золотой клетке». Я просто хочу ей помочь

как доктор, зная, что она больна. Или я действительно «поглупел» к своим сорока девяти годам, а Настя здоровее всех обитателей клиники, и меня в том числе? Сидя на лавочке, опустив руки, я стал впервые сомневаться в самом себе.

Еще около часа я ходил по парку (вместе с Сергеем и доберманами), заглядывая в беседки, но все было тщетно. Потом возвратился в свой кабинет-лабораторию. Машинально сдвинул шторку с третьего фальшивого окна-зеркала, подспудно надеясь увидеть в помещении Анастасию, но... На диване сидела другая женщина — глухонемая Параджиева с уродливо выпяченной нижней губой; она разглядывала рисунки моей жены. Наверное, уложив мадам Ползункову спать, решила ожидать беглянку здесь, авось сама возвратится. Я тоже втайне надеялся, что Анастасия погуляет-погуляет и вернется в свою «золотую клетку».

У Параджиевой был странный «слепой» взгляд, будто она была лишена и зрения, а глаза приобрела всего лишь для камуфляжа, чтобы не отличаться от других людей. Она была отличным медицинским работником, исполнительным, внешне уравновешенным, но я-то прекрасно знал об одной скрытой черте ее характера — мстительности. Нас ведь связывали долгие годы работы еще в государственном психоневрологическом диспансере. И некий секрет позволял мне держать ее на крючке за выпяченную нижнюю губу. Дело в том, что Параджиева двенадцать лет назад, вот такой же осенней ночью, положила одному изводившему ее больному подушку на лицо, пока он спал, и уселась сверху. Я в это время как раз дежурил в отделении. Подобные вещи — что ж скрывать? — порой практикуются в домах для умалишенных: санитары и санитарки народ грубый, нервный, за всеми не уследишь. Я не стал докладывать главному врачу, проводить разборы. Замял дело. Но с тех пор получил в лице мужеподобной Параджиевой верного сторожевого пса, к тому же не лающего попусту.

Сейчас ее злобный взгляд мне совершенно не нравился. Если она затаила злобу на Анастасию... Что таится в ее глухонемой башке? Медсестра швырнула рассматриваемые рисунки на столик. Один из них мягко спланировал на пол. На нем была изображена целая поляна удивительно красивых, фантастических цветов. «Цветы! — осенила меня мысль. — Оранжерея. Она там». Я, покинув кабинет, поспешил к лестнице, ведущей на крышу клиники.

Три этажа преодолел легко, одним махом. Ажурная алюминиевая дверь в стеклянную оранжерею была открыта, там горело несколько стеклянных фонариков. И слышался голос Бижущкого. «О нет! — подумал я. — Только не это». Луна как раз начинала входить в полную фазу, и мне было хорошо известно, чем это чревато для Б.Б.Б. Я осторожно, почти крадучись, переступил порог оранжереи и пошел «на голос», доносившийся из-за кустов чайных роз.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— ...Это ночное окно стало для меня как врата ада, — говорил Бижущкий; к кому он обращался, я пока не видел. — Тем более после слов моего соседа Гуревича, что он хочет зарезать «хряка». Женщина, сидящая за ширмой, продолжала всхлипывать и смеяться. Всего на секунды она высунула оттуда свое лицо — и я ужаснулся! Это было не человеческое лицо, а маска. Карнавальная маска салеумской ведьмы со спутанными рыжими волосами. Тут и Гуревич натянул на свою рожу какое-то свиное рыло — я даже не успел заметить, так быстро он это сделал, — и захрюкал, размахивая бутылкой портвейна. «Шабаш начинается», — подумалось мне тогда. В это время кто-то позади тронул меня ледяной рукой за плечо. И прошептал в самое ухо: «Вы тоже приглашены? Так чего же медлите?»

Лезьте в окно, живо!» Я обмер, не в силах пошевелить ни единым членом своего тела...

— Ой! — сказала женщина. Но не испуганно, а даже как-то радостно.

Выглянув из-за декоративной пальмы, я увидел Анастасию. Она сидела на низенькой скамеечке, вся усыпанная только что сорванными цветами: гвоздиками, гладиолусами, розами, тюльпанами. В руках держала фиалку, редкий памирский экземпляр, который я выращивал полтора года. Она тоже заметила меня и улыбнулась, чарующе и просто.

— А вот и Александр! — сказала она приветливо. — Мы с Борисом Бруновичем уж заждались. Как кстати.

— Поздравляю с наступающим днем рождения, дорогая! — произнес я, приближаясь и целуя ее в губы. Они были горячи и прохладны одновременно. Как внезапно выпавший снег на солнечном пляже. — Эту фиалку я приготовил специально для тебя.

— Я знаю, — ответила Анастасия. — Я ведь всегда знаю все, что ты задумываешь. И ты знаешь, что я знаю. Потому нам и хорошо вместе. Как кошке с собакой.

Лицо ее оставалось спокойным, хотя я испугался, когда она произнесла последнюю фразу. Но может быть, здесь, на воле, среди цветов, ее психическое состояние пришло в какое-то равновесие, гармонию, а давние душевные тревоги и воспоминания отодвинулись на второй план, спрятались в глубинах подсознания? Бижущий деликатно кашлянул. А потом и высморкался, вытянув из кармана пиджака белоснежный платок.

— Я, пожалуй, пойду, — произнес он, нагнувшись и подхватив один из черных тюльпанов, лежащих у ног Анастасии.

Мы даже не обратили внимания, как он ушел, продолжая смотреть друг на друга. Чего было больше в этих взглядах: любви, сострадания, печали, тайной ненависти, страсти?

— Мне надо возвращаться в клетку? — спросила Анастасия.

— Как хочешь. Мы можем еще побыть здесь, — ответил я.

— Я люблю тебя, — сказал она. — Видеть тебя не могу.

— Не исчезай больше в свой пленительный мир, — произнес я. — Мне ведь туда нет пути, а я не хочу с тобой расставаться.

Смех ее походил на звучание серебряного колокольчика в тишине полей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, где ловят и ошибаются

В эту безумную ночь, насыщенную грозowymi разрядами, кажется, никто не спал. По крайней мере, чудачества и всякие странные происшествия продолжались... Едва я отвел Анастасию в ее апартаменты и запер за ней дверь, как мне позвонил охранник.

— Господин Тропенин, — радостно-деловито сообщил он, — я поймал «женщину в белом». Верткая оказалась, кусалась и лягалась, пришлось оглушить и надеть наручники.

— Что-что? — не сразу сообразил я, все еще пребывая в некоторой эйфории от общения со своей любимой. Потом подумал, что речь идет о мадам Ползунковой. Или... Нине?

— «Женщина в белом», — повторил Сергей. — Как у Коллинза. Только эта — очень больших размеров. И щетина на морде.

— Еще она сейчас? — озадаченно спросил я.

— У меня в будке. Пыталась перелезть через забор.

— Ждите. Скоро приду.

Мне надо было срочно выпить фирменный коктейль, чтобы взбодриться. Но сделать этого не удалось. В коридоре мне попался Левонидзе в халате с японскими дракончиками, обнажавшим волосатую грудь. Следом за ним шел наш фээсбэшный Шерлок Холмс с трубкой, жмурясь, как кот, полакомившийся сливками.

— Александр, мы за тобой, — сказал Георгий. — Вася нашел Бафомета.

— В библиотеке? — почему-то решил я.

— Нет, я загнал его в рентгеновский кабинет, — довольно ответил сыщик. — Вот так, друзья мои. Надо быть профессионалом, а не... мозги пудрить. Этак-то каждый умеет. А я устроил засаду.

— Где? — одновременно спросили мы.

— В укромном уголке, между первым и вторым этажом. Там есть ниша с цветочной вазой, где я и спрятался. Я ведь предполагал, что Бафомет — один из ваших клиентов, и если он начнет действовать, то непременно в ночные часы, а мимо меня не пройдет.

— Ну и? — задал вопрос Левонидзе.

— Ну и появился, — расплылся в торжестве Волков-Сухоруков.

— Как он выглядит? — спросил я.

— Как сущий дьявол. Весь черный, голый, разит потом. И глаза бешеные.

— Что же ты сделал? Кинулся на него? — усмехнулся Левонидзе.

— Нет, я же не совсем дурак, правда? Помню, что он сотворил с несчастным Лазарчуком. Но по порядку. Сначала на лестнице возникла женщина в белом.

«Еще одна? — подумал я. — Сколько же их тут развелось?»

А вслух сказал:

— Сначала по лестнице должны были спуститься я и Анастасия. Это моя супруга.

— Ну да, вас я пропустил. А потом появилась эта: белый плащ, на голове то ли платок, то ли капюшон, длинная юбка. Кобылистая дама.

По описанию походило на мадам Ползункову.

— Ее я тоже не стал задерживать, — продолжил следователь. — Спустя минут пять вновь услышал шаги. Вот это уж точно был Бафомет! Существо то еще, одним словом. Я уже говорил, что он был голым и черным?

— Говорил, Вася, — кивнул Левонидзе. — А может, тебе померещилось? В темноте-то?

— У меня с собой труба ночного видения, — огрызнулся тот. — С риском для жизни я пошел за ним следом. Вы хоть представляете, какой смертельной опасности я подвергался?

— Еще бы! Ты, бяша, герой! — Эти ехидные слова Левонидзе почти совпали с другими, раздавшимися позади нас:

— Тут не пробегала моя Принцесса?

Мадам Ползункова, в белом ночном пеньюаре, будто парусник, плыла на нас и повторяла: «Кис-кис-кис!»

Бесцеремонно отодвинув Волкова-Сухорукова, стоявшего у нее на пути, она проследовала дальше и скрылась в столовой.

«Кого же тогда захватил в плен охранник?» — подумал я.

Сыщик нервозно чиркнул спичками, раскурил трубку и продолжил:

— Я крался следом, за этим Бафометом, разящим потом и кровью, пока не увидел открытую дверь в рентгеновский кабинет. Я тотчас понял, что судьба посылает мне шанс. Вот оно — лучшее место, где капкан должен захлопнуться. Я изловчился...

— Александр Анатольевич! — перебил его другой голос.

На верхней ступени лестницы стояла Нина. В бежевом свитере и светлой юбке. Она досадливо постукивала ладонью по перилам.

— Александр Анатольевич, я жду. Вы обещали почитать мне что-то из Шопенгауэра.

— Да-да, конечно, — только и оставалось сказать мне. — Позже. Сейчас я страшно занят. Еще немного терпения.

Нина недовольно, даже капризно фыркнула, повернулась и скрылась на втором этаже.

— Шопенгауэр с Кантом отдыхают, — точно так же фыркнул и Левонидзе.

А Волков-Сухоруков невозмутимо продолжил:

— Итак, я изловчился, рванул вперед и втолкнул скользкого Бафомета в этот рентгеновский кабинет. В дверь был вставлен ключ, мне оставалось лишь повернуть его — и замок защелкнулся. Преступник оказался в ловушке. Теперь нам надо только пойти и всем вместе надеть на него наручники. Основную работу за вас я уже сделал.

Сыщик самодовольно похлопал Георгия по плечу. Тот еще раз насмешливо фыркнул:

— Рентгеновский кабинет, Вася, соединяется проходной дверью с амбулаторной комнатой, — сказал он. — А оттуда выход свободный. Об этом ты не подумал?

— Да? Я и не знал... — кисло ответил Волков-Сухоруков.

— В любом случае, надо сходить и посмотреть, — предложил я.

Как мы и предполагали, ни в рентгеновском кабинете, ни в амбулаторной (дверь в которую была отворена) никого не было. Зато в коридоре нам встретился Бижущий в пижаме, лунатически проследовавший мимо. На нас он не обратил никакого внимания, занятый своими мыслями.

— Это не он, — тихо произнес сыщик. — Тот был выше ростом и голый.

— Если Бижущего раздеть, он тоже станет голым, — отозвался Георгий. — А пойдет на цыпочках — так и выше ростом.

— Нет, тот был черный и скользкий, — уперто заявил Волков-Сухоруков, а потом вцепился в мое плечо и прошипел: — Тихо! Замрите! Вот он.

С нижней лестницы, где находились спортзал, бильярдная и бассейн, поднималась, шлепая купальными тапочками, действительно голая (правда, в плавках) и дочерна загорелая фигура с махровым полотенцем на шее.

— Стоять! — заорал истошным голосом сыщик, выхватив из наплечной кобуры

пистолет: — Лежать! Молчать! Не двигаться!

— Ба! Да ведь это же наш полковник, — спокойно произнес Левонидзе. — Не стреляй.

Алексей Топорков продолжал стоять с поднятыми руками.

— Какой еще полковник? — чуть ли не обиженно спросил следователь, явно горя желанием продырявить «дичь».

— Мы тебе говорили о них — два брата, наши пациенты. — Левонидзе пришлось силой затолкать пистолет обратно в кобуру.

На лестницу выскочили некоторые из моих «гостей» со второго этажа: Стоячий, Каллистрат, Гамаюнов.

— Кто кричал? Пожар? Наводнение? — посыпались вопросы.

Алексей Топорков опустил руки, озадаченно глядя на всех нас

— Все в порядке, — сказал я. — Расходитесь по своим комнатам. Спите.

— Ну-ну! — откликнулся сверху Антон Андронович. — Уснешь тут. То гроза с молниями, то... Каллистрат, пойдем сыграем на бильярде?

— Легко, — ответил бож.

— И я с вами, — сказал Гамаюнов. — Впервые у меня бессонница.

Спустя пару минут после того как они ушли вниз, я промолвил:

— Попрошу вас больше не орать в моей клинике. А тем более не размахивать пистолетом.

— Да он не заряжен, патроны еще летом кончились, — ответил Волков-Сухоруков. — А вот что ваш полковник делает тут в таком виде?

— Объясняю, — четко, по-военному произнес Топорков. — В самые тяжелые минуты моей жизни, когда в голову лезут всякие сумбурные мысли, меня спасает только спорт, активные физические упражнения до полного изнеможения. Вот и сегодня, после того как я узнал, благодаря вам, всю правду про брата, мне захотелось покончить с ним раз и навсегда. Но потом я взял себя в руки. Это что же получится? Еще одно братоубийство? Достаточно того, что случилось. И я начал отжиматься до седьмого пота. Затем решил искупаться в бассейне. Но по дороге какой-то болван втолкнул меня в темную комнату и запер дверь. Хорошо, что я нашел выход через соседний кабинет. Вы не знаете, кто бы это мог быть?

— Тут по ночам разные идиоты бродят, — безразличным тоном сообщил Левонидзе, а Волков-Сухоруков стал усиленно пыхтеть трубкой.

— Это хорошо, что вы встали на мирный путь развития ваших взаимоотношений с братом, — сказал я. — Идите теперь, отдыхайте. Прошлого не воротишь. Утром поговорим.

В это время у меня зазвонил сотовый.

— Она очухалась, — сообщил охранник. — Ругается матом, как ломовой извозчик. Что делать? Еще раз оглушить?

— Ни в коем случае. Уже иду.

Я кивнул Левонидзе и Волкову-Сухорукову:

— За мной. Кажется, нам в сети попался еще один Бафомет. На сей раз в обличье женщины.

Сергей встретил нас у ворот, возле будки.

— Это не «она», а «оно» какое-то, — произнес охранник.

— Разберемся! — хмыкнул Левонидзе, толкнув дверь в сторожку.

На полулежало связанное существо в надвинутом на лицо женском платке. Юбка задралась, обнажив армейские брюки. Бафомет поприветствовал нас отборным матом.

Волков-Сухоруков вновь вытащил свой дурацкий пистолет и стал им размахивать, едва не угодив мне в глаз.

— Все ясно, — сказал я, склоняясь над пленником и поправляя платок на его голове. —

Где вы взяли женское платье?

— Как Керенский, ей-богу! — усмехнулся Левонидзе.

— В какой-то комнате. Там никого не было, — глухо отозвался Владимир Топорков.

— А зачем?

— Я боялся, что он убьет меня. Что караулит где-нибудь под окнами. Что мне оставалось делать? — подполковник тяжело вздохнул. — Алексей ведь бешеный. Пришлось переодеться, сменить облик. Ничего лучшего я просто не мог придумать.

— Теперь уже не убьет, — сказал я. — Ваш брат, кажется, простил вас.

— Я бы этого делать не стал! — хмуро промолвил Левонидзе.

— Значит, опять мимо? — произнес Волков-Сухоруков, пряча пистолет в кобуру. — А где же Бафомет?

Было уже три часа ночи. Владимир Топорков наотрез отказался покидать сторожевую будку, вцепившись в походную койку. Как мы ни уговаривали его вернуться в свой номер, он не соглашался, мотая головой и твердя, что Алексей «размажет его за брата и за все прошлые грехи». Судил о нем по себе. Даже не захотел переодеться в мужскую одежду.

— Ладно, — сказал я. — Утро вечера мудренее, пока же пришлю вам сюда добрую бутылку водки, чтобы успокоились. Но плащ и юбку надо вернуть Ползунковой. У нее и так постоянно крадут эти проклятые часики.

— В клинике орудует очень опытный вор-фокусник, — согласился со мной Левонидзе. — Мастер высочайшего класса.

— Неладно что-то в вашем «Датском королевстве», — заметил Волков-Сухоруков, когда мы уже шли через парк к клинике. — Россия, конечно же, страна воров, дураков и предателей, но ваша милая обитель — как наглядный слепок со всего нашего многострадального государства. Будь моя воля, навел бы тут порядок. Вмиг бы все поздоровели и выбросили из головы всякую дурь! Одних тихо расстрелять, других заставить танцевать железное болеро с рельсами на плечах. Только так, жестко и твердо. А то мы скоро окончательно превратимся в каких-то «эрефиан» из Эрефии.

— Завел свою любимую песню! — усмехнулся Георгий.

— Да, завел, потому что душа болит! — с надрывом ответил сыщик — Я же вижу, кто мешает нам жить по-человечески.

— Кто же? — спросил я.

— А то не знаете! Хорошо, перечислю: чиновники-бюрократы, недобитые и переукрашенные коммунаки, подлые либералы-демократы, религиозные фанатики, международные террористы, тайные масоны, олигархи-инородцы, дегенераты и извращенцы всех мастей и уровней.

— И Бафомет, — добавил мой помощник

Мы подошли к Загородному Дому, где, несмотря на столь поздний час, светились многие окна. Так и хотелось заглянуть в них и посмотреть: кто чем занимается? Горел свет и в окне у Анастасии — я увидел там мелькнувший силуэт Параджиевой. Нехорошее предчувствие охватило меня. Расставшись в холле со своими спутниками, которые продолжали спорить о судьбе России, я поспешил по коридору к апартаментам жены. Дверь открылась сама, на пороге стояла глухонемая медсестра... с подушкой в руках. Ее

уродливые губы, кажется, язвительно улыбаются. Она явно загораживала мне проход, не желая пускать в комнату. Оттолкнув ее, вероятно, довольно резко, я прошел внутрь.

Анастасия умиротворенно лежала на кровати, вытянув по бокам руки. Лицо ее было бледно. Она напоминала Офелию в гробу. Сперва мне показалось, что дыхания у нее нет. Опустившись рядом с ней на колени, я прикоснулся пальцем к шейной артерии. Пульс прощупывался, был спокойным, ровным. Она просто спала... Параджиева что-то промычала позади меня. Я повернулся и по ее жестам понял, что медсестра занималась сменой постельного белья и наволочек на подушках. По заведенному мною же самим порядку, поскольку Анастасия всегда любила все свежее и накрахмаленное.

— Извини, — произнес я и вышел из комнаты. Пора было самому подлечить нервы.

Зайдя в кабинет, я выпил фирменного коктейля, а потом решил продолжить ночной обход. Сон бежал от меня, как заяц от черепахи в теореме Зенона. Но рано или поздно я должен был его нагнать.

До меня доносились смех и стук шаров в бильярдной. Спустившись вниз, я немного пообщался с ночными игроками, которых веселил примкнувший к ним Тарасевич. Хотя ничего особенно смешного в том, что он говорил, на мой взгляд, не было. Он излагал свою теорию, которую окрестил «Занимательной хронофутурологией».

— ...Это почти наука, — говорил он, — основанная на аналитических прогнозах, физических величинах, кабалистике и метеосводках. Я лично ее изобрел, но пока что не успел запатентовать. Не требуйте от меня доказательств того или иного грядущего факта в истории, все равно не поймете, просто примите как непреложную истину. Например, могу вам сообщить, что лет через десять в Москве произойдет сильное землетрясение, которое разрушит треть города. Накануне грузинские войска займут Новороссийск. Турки оккупируют Крым и половину Украины. Через год после этого Россия окончательно развалится на пятьдесят два независимых государства, а президент сложит с себя полномочия. Власть перейдет к коллегиальному органу управления во главе с опытным менеджером-управленцем из Канады. Но не заладятся дела и у Соединенных Штатов. Гигантский метеорит врежется в Калифорнию. Одновременно над Флоридой террористы взорвут ядерную бомбу. Президентом в Америке будет избран мусульманин. Начнется война против «неверных». Европа быстро «отвалится» как союзник: все там друг с другом передерутся, а албанцы завоюют Германию и Францию. Великобритания опустится на дно, уцелеет лишь часть Шотландии. У нас в это время белорусские партизаны войдут в Москву и остановят продвижение китайцев на запад. Будет объявлено о создании Евразийского союза с центром в Кремле. А вскоре после этих катаклизмов на Земле произойдет небывалое чудо — впервые за всю историю...

Но я уже не слышал, что случится в этот день, поскольку тихонько покинул бильярдную, плотно затворив за собой дверь. Я вспомнил, что меня ждет Нина. Белорусские партизаны и китайцы войдут в Москву еще не скоро, можно заняться более насущными вопросами. Прихватив из кабинета бутылку Киндзмараули и кое-какой порошок, я решительно двинулся на второй этаж — в объятия аристократки.

Нина возлежала на удобном диване, листая гламурный журнал. Она была в атласной голубой пижаме, но с драгоценным ожерельем на шее. В синих глазах — волшебная поволока и манящий призыв.

— Наконец-то, — произнесла роковая женщина. — Не прошло и двадцати пяти часов.

Я достал из серванта хрустальные рюмки, штопор и шоколадные конфеты. Открывая

бутылку, сел рядышком.

— Знаете, что самое трудное в моей работе? — сказал я. — Угодить всем. Порой мне кажется, что я просто служу официантом, поскольку ко мне обращаются жаждущие испить и наесться. В духовном смысле, разумеется.

— А чаевые берете? — спросила Нина.

— Натурой? — включился я в игру. — Это очень рискованно. Можно потерять голову. Особенно с такой женщиной, как вы.

— Вот как? А мне кажется, что у нас бешеный интерес друг к другу? Или я ошибаюсь?

— Нет, вы правы. В вас заключен некий магический кристалл, такой же, как и во мне. Вот поэтому мы вдвойне опасны друг для друга. Мы с вами одного поля ягоды. Может, останемся просто друзьями?

— Скажите еще, братом и сестрой. Нет уж! — засмеялась она и положила свои стройные ноги на мои колени.

Я вздохнул, протягивая ей рюмку с вином. Порошок я насыпал раньше, когда доставал хрусталь из серванта.

— Только что я прослушал лекцию одного занимательного хронофутуролога, — сказал я. — Он по величайшему секрету сообщил мне, что 17 мая 2009 года мы с вами соединим наши сердца и души.

— Тела тоже? Не будем ждать так долго. Это, в конце концов, попросту глупо.

Нина выпила вино, улыбнулась мне и добавила лукаво:

— Ох, Александр, какой же ты...

Но закончить фразу не сумела. Глаза ее стали закрываться, она склонила голову мне на плечо и — уснула. Мое снотворное действует очень быстро. Я бережно перенес Нину на кровать, укрыв одеялом, погасил свет и вышел из комнаты.

Между первым и вторым этажами находится ниша с той самой полутораметровой цветочной вазой, за которой прятался Волков-Сухоруков. Проходя мимо, я замер, поскольку услышал громкий чих. По-видимому, и сейчас там кто-то сидел в засаде. Не клиника, а аттракцион с прятками!

— Выходите, — потребовал я, постучав костяшками пальцев по вазе.

Из-за нее высунулась пышная шевелюра пианиста.

— Тс-с!.. — прошептал Леонид Маркович Гох.

— Господи, что вы тут делаете? — спросил я, уж никак не ожидая увидеть здесь международного лауреата.

— Как вам объяснить... Жду. Думаю, она непременно появится.

— Да кто же?

— Одна девушка. Женщина. Богиня. Моя тайная Муза, которую я потерял почти год назад.

Беда с этими людьми искусства. Волковых-Сухоруковых на них не хватает! Но я лишь мягко улыбнулся и ласково произнес:

— Пойдемте в каминный зал, расскажите мне о вашей Музе.

Тогда я еще не предполагал, что история его любви превратится... в кошмар. Никогда не знаешь, какие призраки бродят возле нас и возникают из прошлого, прячась в нишах за цветочными вазами и «вонзая нож в сердце».

— ...Я познакомился с ней на одном вернисаже, — начал рассказ Леонид Маркович, пока я разжигал камин: — Не стану описывать ее внешность, скажу лишь, что она

удивительно красива, воздушна и как-то трогательно незащищена. И несчастна в браке. Муж у нее, насколько я мог судить по отдельным фразам, намекам и недомолвкам, какой-то хитрый тиран, негодяй, самовлюбленный тип, скотина, одним словом.

Я его ни разу не видел и рад этому. Если бы увидел, то дело бы не ограничилось пощечиной, я бы его, возможно, убил. Жаль, что сейчас не практикуются дуэли.

— Да, пожалуй, — согласился я. — Это гораздо цивилизованнее заказных убийств.

— Вот именно, — кивнул он. — Хотя, признаться, у меня мелькала мысль «заказать» его. Я с вами откровенен. Я хотел освободить ее от тирана, чтобы для нашей любви не было никаких препятствий. Я в то время был холост, как и сейчас. И сразу, с первой же встречи, понял, что она именно та женщина, которая может стать моей женой. Музой, верным спутником в жизни. Поскольку она представлялась мне самим совершенством, ангелом, посланным Богом. Я говорю несколько возвышенно и пафосно, потому что не могу сдержать слез...

Господин Гох действительно заплакал, а я принялся его утешать, используя обычный в таких случаях набор фраз. Подобных исповедей я выслушал за свою практику немало, все они в общем-то были похожи друг на друга. Высморкавшись в мой носовой платок, Леонид Маркович продолжил:

— Нас тянуло друг к другу, потому что мы были с ней людьми одного круга, одних взглядов. Одинокие, непонятые души, если хотите.

«Нет, не хочу», — вертелось у меня в голове, готовое сорваться с языка.

— После вернисажа мы стали встречаться довольно часто. И все время на людях — то в концертном зале, то в парке, то в укромном кафе. Мы много разговаривали, обменивались впечатлениями, смеялись, даже строили какие-то иллюзорные планы на будущее. Плотская близость была как-то далека от нас, не представлялась главным. Родство душ — вот что возвышало наши отношения, окрашивало их в самый яркий, небесной голубизны цвет. Вы скажете, что это половая холодность с нашей стороны?

— Нет, не скажу, — ответил я. Мне становилось все скучнее, и я едва не зевнул, поэтому быстро добавил: — Есть же любовь земная и небесная. И многие могли бы вам позавидовать, потому что все, что вы рассказываете, достойно пера Шиллера.

— По крайней мере, все было так романтично и сказочно, как во сне, — кивнул Он. — Я был как Ланселот, а она — как леди Гвенивера при стареющем короле Артуре. Рано или поздно она должна была ему изменить, соединиться со мной, ее верным рыцарем.

— Так оно и случилось? — предположил я.

— Погодите, — ответил он, устремив взор на пылающие в камине поленья. Прошло несколько минут, прежде чем он вышел из транса.

Я терпеливо ждал, стараясь вновь подавить зевету.

— Я предложил ей бежать в Америку, — сказал наконец этот Ланселот. — У меня есть там небольшая вилла в Санта-Барбаре. Но она отказалась.

— Напрасно, — вставил я, чтобы хоть что-то сказать: скулы сводило невыносимо. — Чем жить с нелюбимым мужем, лучше отдаться своим чувствам, плыть по воле волн.

— Да-да. То же самое сказал ей и я. Тогда она пригласила меня к себе домой. Думаю, это было сделано специально: пришел час, когда мы должны были испытать телесную близость. Стать наконец-то настоящими любовниками.

— Разумно, — вновь сказал я, прикрывая ладонью рот.

— Ее мужа в тот день дома не было. Он уехал на какой-то конгресс медиков. Я

примчался с букетом роз — она очень любила цветы, — и мы упали друг другу в объятия...

— Поздравляю.

— Не спешите. Мы остались одни, страстно целовались, но когда я начал ее раздевать — раздался звонок в дверь. Как в плохом романе (тут уже не Шиллер, а «Скверный анекдот» Достоевского), вернулся ее супруг. Что мне оставалось делать? Прыгать с двенадцатого этажа? Я еле успел спрятаться в стенной шкаф.

— Дали бы ему пощечину и объяснились, — сказал я.

— Нет уж, дудки! — ответил «рыцарь Круглого стола». — Физически я весьма слаб, как вы знаете. А у него в коридоре лежали пудовые гири. Поэтому я предпочел некоторое время побыть наедине с его костюмами и галстуками. Слава богу, муж ни о чем не догадался. Короче, он заехал за женой, и они уехали на какую-то встречу. Я же, пропитавшись нафталином, выбрался из шкафа и тоже покинул эту квартиру на проспекте Мира.

С этого момента я стал слушать господина Гоха более внимательно. Кое-что заинтересовало меня.

— Я все же сумел уговорить ее бежать в Штаты, — продолжил пианист. — Не знаю, почему она изменила свое решение. Наверное, поняла, что с этим мерзавцем, ее мужем, счастья не будет никогда. Но поставила одно условие: бежать после ее персональной выставки в одной очень модной галерее.

— Она что же — художница? — спросил я.

— Да, и очень талантливая. Человек искусства. Я же говорил, что мы родственные души?

— Говорили. А как ее зовут?

— Анастасия, — коротко ответил Леонид Маркович.

Если бы сейчас здесь взорвалась граната, я бы, наверное, меньше удивился. Но выдержка у меня отменная. Я лишь отвел взгляд в сторону.

— На выставке в галерее произошел какой-то конфуз, — проговорил господин Гох медленно. — Меня там не было, я не в курсе, поскольку в это время гастролировал в Италии. Но билеты в Америку у меня уже были куплены. Анастасию, как мне позже рассказывали, увезли в больницу. А потом она и вовсе... исчезла. Я человек далеко не практичный, совершенно не предполагал — как и где ее искать? Не расспрашивать же об этом ее жирного мужа-подонка?

— Почему же он «жирный»? — не утерпел я. — И такой ли уж «подонок» и «негодяй»?

— Ну... мне так кажется. Словом, я потерял всякую надежду ее разыскать и встретить. У меня наступила депрессия, кризис в творчестве. Появились всякие суицидные мысли. Я страшно переживал.

— Еще бы! — пробормотал я.

— Я начал путешествовать по Европе, Японии. Потом мои добрые знакомые посоветовали обратиться к вам. И вот представьте себе, дорогой Александр Анатольевич! — сегодня ночью, во время грозы, я выглянул в окно и в свете блеснувшей молнии вдруг увидел на аллее парка ее! Она шла с распущенными волосами, словно плыла по воздуху! И я едва не умер от разрыва сердца.

— Вам померещилось, — произнес я скупно.

— Нет, ошибиться я не мог! Не верю.

— Во время грозы бывают всякие оптические обманы. Эффект преломления зрительных образов, возникших в мозгу.

— Разве? А я ведь бросился ее искать. Сам промок до нитки.

— Ну и напрасно. И за цветочной вазой зря прятались, — жестко сказал я. — Здесь вашей «Анастасии» нет. Ложитесь-ка лучше спать.

Сэр Гох уныло поглядел. Мне его даже стало немного жаль. Но внутри, как это ни странно для психиатра, все клокотало.

— Я еще побуду здесь, возле камина, — печально промолвил Леонид Маркович, устремив взгляд на языки пламени.

Неужели Анастасия действительно намеревалась сбежать от меня в Штаты с этим человеком? Я не мог поверить, меряя широкими саженками в бассейне одну дюжину метров за другой. Физические упражнения возвращают душевное спокойствие. Топорков-младший тут абсолютно прав. Мне припомнилось, как странно и рассеянно вела себя Настя накануне выставки. Тогда я приписал это естественному волнению перед первым показом на публике ее картин. Но, видимо, ошибался... Психолог-фигур, дурья башка! Сапожник без сапог. Вот уж поистине — имеющий глаза, но не видит! Человек в шортах, утонувший в трудах Фрейда, Юма, Морено и прочих балбесов. Я и сейчас чуть не утонул, наглотавшись воды с хлоркой, потому что у меня вдруг свело судорогой икры ног и защемило сердце. Но все же доплыл до бортика и вылез на кафельный пол. Перед глазами стояла та сцена, когда я вернулся с конгресса психиатров в нашу квартиру, а Анастасия как-то нервно курила, отвечала на вопросы невпопад и постаралась поскорее увести меня на какую-то концертную площадку. Если бы я только знал, что в стенном шкафу между моих пиджаков сидит эта клавиша от фортепьяно, то... То что бы я сделал? Король Артур из меня тоже никакой. Скорее всего, я просто ушел бы сам. Навсегда.

— Вот вы где! — раздался надо мной чей-то голос.

Я все еще лежал на кафельном полу бассейна, восстанавливая сердечный ритм. Открыв глаза, увидел в пяти шагах от меня человека в каком-то зеленом просторном балахоне. На ногах у него были бахилы, на лицо натянута гуттаперчевая маска свиньи. Этакая милая хрюшка с розовым пятчком. Но голос звучал глухо, серьезно, даже сурово:

— Поплавали? Молодца. Ловите последний миг удовольствия. Скоро ваша жизнь превратится в сплошной кошмар. Узнаете, что такое настоящий страх и безумие на собственной шкуре.

Что еще за шутки? — проговорил я. — Кто вы? А ну-ка, скиньте эту дурацкую маску!

Человек засмеялся, почти захохотал и побежал к двери. Я не смог бы его догнать, потому что икроножные мышцы все еще сводила судорога. А странный ночной гость повернулся и прокричал:

— Помните — кошмар! Я всегда буду у вас за спиной.

Он скрылся за дверью. Я даже не смог понять — кто э го был: мужчина или женщина. Кто-то из обитателей Загородного Дома решил надо мной поиздеваться. Розыгрыш? Или все гораздо серьезнее? Угроза? Предупреждение? Вызов?

Я поднялся, сделал несколько наклонов и приседаний, потом вытерся насухо махровым полотенцем и не спеша оделся. В коридоре за дверью обнаружил зеленый балахон, бахилы и маску. Этот человек, убегая, сбросил свой маскарадный камуфляж. Что ж, разумно и предусмотрительно. Если это была акция устрашения, то «хряк» подготовился к ней основательно. Уж не тот ли самый это Бафомет, о котором твердит Волков-Сухоруков? Или... ко мне явился представитель ордена Зеленого Дракона? «Полярные зеленые», как называли их Каллистрат со Стоячим?.. Мистика! История Загородного Дома превращается в

голливудский триллер.

Не понимаю из-за какого мальчишеского озорства, но я вдруг натянул на себя этот балахон, бахилы и маску. Стал подниматься по лестнице, насвистывая арию тореадора. Детство всегда с нами, оно лишь ждет удобного случая, чтобы оседлать повзрослевшие шею и плечи и погонять разум вскачь. Признаюсь откровенно: я мечтаю вновь стать младенцем. По крайней мере, вернуться в ту страну, в которой был счастлив.

В холле на первом этаже от меня с визгом бросились врассыпную три женщины: путана, актриса и вдовушка. Ну, мадам Ползункова — понятно, она продолжала искать Принцессу, а вот что тут делали Леночка Стахова и Лариса Сергеевна Харченко? Или повальная бессонница охватила всю клинику, как эпидемия? Я быстро прошел в кабинет и скинул балахон с маской. Хватит главному психиатру пугать народ. Глотнув холодного кофе, вышел в коридор. Навстречу мне бежал Волков-Сухоруков, размахивая пистолетом.

— Где он, вы не видели? — прокричал сыщик.

— Кто? — невинно отозвался я.

— Да этот... зеленый, в маске? Бафомет чертов!

— Никого тут не было.

— А мне женщины сообщили. Они все по углам попрятались. И Левонидзе его ищет. Побежал вниз, в спортзал.

— Ну-ну, — произнес я спокойно. — Только не создавайте панику. И засуньте свой пистолет в... кобуру. Я вас уже предупреждал об этом.

В коридоре появился Сатоси, спустившийся по лестнице со второго этажа. Он был в привычном черном костюме, белоснежной рубашке и галстукке, будто и не ложился.

— Нужна помощь? — деловито осведомился маленький японец.

— Ноу проблем, — ответил я. — Учебная тревога. А где Олжас?

Это был, пожалуй, единственный человек, которого я не видел в нынешнюю тревожно-комическую ночь: все остальные «прошли» перед моими глазами. Правда, поэтесса еще не показывалась.

— Я заходил к нему, он спит, — сказал Сатоси. Их номера находились рядом. — Накрывшись с головой одеялом.

Мне это показалось подозрительным. Казах, по моим наблюдениям, всегда спал на спине, сцепив на груди руки и приоткрыв рот. Это свойственно всем среднеазиатским народам. Не знаю почему, но я решил проверить. Ко мне присоединились и Сатоси с Волковым-Сухоруковым. Сыщик так и не спрятал свой пистолет.

— Я же сказал, засуньте его себе в зад, — уже более грубо произнес я. Это не мой пациент, можно было не церемониться.

Мы поднялись на третий этаж и остановились перед номером Олжаса. В конце коридора находились апартаменты поэтессы. Ее дверь вдруг отворилась, и, пятясь, вышел полуобнаженный плейбой Гамаюнов. Послав мелькнувшей Заре Магометовне Ахмеджаковой воздушный поцелуй, он повернулся к нам. Ничуть не смутившись, Парис пожал плечами, бугрившимися от мышц.

— Работа такая, — скромно сказал он и быстро прошел мимо нас к лестнице.

— Однако! — крикнул Волков-Сухоруков. — У вас не клиника, а бордель какой-то.

— Оставьте свои глупые замечания при себе, — заметил я и постучал в дверь.

Поскольку никто не отвечал, мы вошли в номер. Комнаты в моей клинике редко кто запирает. Я включил свет. На кровати под одеялом угадывалась фигура человека. Даже

слышался храп с посвистом. Но какой-то очень уж вычурный и однообразный.

— Это магнитофон, — сразу определил Волков-Сухоруков.

Он подошел к кровати и сдернул одеяло. Там оказались диванные подушки и маленький японский плеер. И никакого Олжаса.

— Так-так-так... — пробормотал сыщик, глядя на нас.

В последний раз за сегодняшнюю ночь, уже далеко-далеко, прогремел гром. Я машинально взглянул на циферблат: стрелки приближались к шести часам утра. За окном было по-прежнему темно.

— Так-так-так... — повторил Волков-Сухоруков. — Вот теперь мне все совершенно ясно. Нормальный человек не станет притворяться спящим, оставляя вместо своей головы плеер.

— Где вы здесь ищите нормальных? — спросил Сатоси. — Каждый из нас отягощен грузом неразрешимых проблем. Верно, Александр Анатольевич?

Я молча кивнул, раздумывая несколько о другом. У меня не выходили из головы Гох и Анастасия, человек в зеленом балахоне и маске, неожиданная любовная связь между Парисом и поэтессой, загадочный вор-фокусник, странное, почти ритуальное убийство Принцессы и вся прочая полумистическая чертовщина, происходящая в клинике за последние два дня.

Ну и Олжас, разумеется... Мне показалось, что я начинаю терять контроль над своим Загородным Домом. Как президент в охваченной волнениями и беспорядками стране.

— У меня есть ориентировка на Олжаса Сулеймановича и его брата, — сказал Волков-Сухоруков. — Коллеги из Казахстана обратились. Они — близнецы.

— Что же ты молчал? — спросил возникший в дверях Левонидзе.

— Не в моих правилах чесать языком попусту, — ответил сыщик, выключая плеер. — Один из них действительно дипломат, второй — преступник, душевнобольной. Маньяк-людоед. Недавно бежал из Чимкента. По нашим предположениям, может скрываться в России. Дьявольски хитер и изворотлив. Зовут Нурсултан.

— Да, дело нешуточное, — почесал затылок Левонидзе. — Скажите, вы смогли бы отличить двух казахов друг от друга, если они к тому же и братья-близнецы? Я — нет. Может быть, наш Олжас вовсе не Олжас, а Нурсултан? Это вам не приходило в голову? Сатоси-сан, вы его больше других знаете?

— Вообще-то он мне показался несколько странным, — признался японец. — Но ведь прошло столько лет, как мы не виделись!

— А история с рапиристкой? Откуда он мог ее знать, если это не Олжас? — спросил я.

— Но он мог рассказать о ней своему брату, Нурсултану, — ответил Сатоси. — И потом...

— Что — потом? — спросил сыщик. — Говорите.

— Олжас никогда столько не пил. Вот что меня поразило с самого начала.

— Ну, пить можно научиться, это дело наживное, — сказал Левонидзе. — А вот где он достает вонючую рисовую водку джамбульского розлива? Я глотнул как-то из его фляжки. Врата ада раскрылись, едва не околочился.

— Понятно, — подвел итог Волков-Сухоруков. — Олжас — это Нурсултан, а Нурсултан — это Бафомет. Но боюсь, нам его уже не поймать. Он сбежал из клиники. Видимо, почувствовал, что за ним следят.

— Конечно. У тебя на роже написано, что ты — сыщик, — усмехнулся Левонидзе. — И

глаза кагэбэшные, с прищуром.

— У самого такие же, глянь в зеркало! — огрызнулся Волков-Сухоруков.

Они затеяли перебранку, во время которой Сатоси деликатно отвернулся, но я заметил, что он беззвучно смеется. «Еще одна темная лошадка, — подумал я. — Какого беса он вообще напросился в мою клинику? С нервами у него, кажется, все в порядке».

В кармане у меня запиликал мобильный. Звонил охранник.

— Еще одна попытка проникновения на территорию через забор, — сообщил Сергей. — Я делал обход, видел за ограждением человека в плаще, он удалялся в сторону леса. С нашей стороны на земле остались следы. Кроме того, на шоссе стоял джип с потушенными фарами. Сейчас он уже уехал. Что мне предпринять?

— Ничего, оставайтесь на своем посту, — ответил я. — Как ведет себя «Керенский»?

— Спит. Насосался водки.

— Это хорошо. А человек казахской внешности вам не попадался?

— Пока нет. Надеть наручники, если встречу?

— Ни в коем случае.

Я решил, что и охранник тоже основательно приложился к бутылке, поскольку голос у него был какой-то заплетающийся. Сомневаюсь, чтобы он делал обход. Скорее всего, трескал водку на пару с Топорковым. А человека в лесу и джип выдумал в качестве своего «служебного рвения». Но, как показали дальнейшие события, я был не совсем прав...

Дверь вдруг отворилась, и в комнату вошел сам Олжас, с перекинутым через плечо бурдюком. Он уставился на нас и громко икнул.

— Стоять! — дурным голосом заорал Волков-Сухоруков, вновь пытаюсь выхватить застрявший в кобуре пистолет.

Олжас, надо отдать ему должное, не обратил на сыщика никакого внимания.

— Что здесь происходит? — спросил он у меня, ставя бурдюк на пол.

— Вот вам и разгадка! — произнес Левонидзе. Он нагнулся к этому верблюжьему бурдюку, вытащил деревянную затычку и понюхал. Потом сказал: — Несет ослиной мочой с керосином. Рисовая джамбульская водка. Беременные женщины и дети умирают от одного запаха.

— Но-но! — обиделся Олжас. — Такую целебную жидкость вы во всей Москве не сыщете. Только в нашем, казахском представительстве. У моего друга, военного атташе.

— Ясно, — сказал я. — Он ездит на джипе и курит «Честерфилд»?

— Ну да. А откуда вы это знаете?

— Не важно. Вчера тоже он приезжал?

— Было дело. — Олжас несколько смутился. — Но вчерашняя водка мне не понравилась, другого качества. Я попросил заменить.

— Что же вы мне об этом прямо не сказали? — спросил я. — Зачем устраивать такие сложности, лазить через забор? Мы же не в пионерском лагере. Я никого и ни в чем не ограничиваю.

— Не хотелось афишировать, — пробормотал Олжас. — Стыдно. А кроме того... Понимаете, то, что разрешено, это неинтересно, невкусно. А то, что поставляется тайно, через запрет — совсем другое дело. Есть в этом какая-то особая прелесть, кайф.

— Я тебя понимаю, — вмешался Сатоси. — Дерево познания Добра и Зла с запретными яблочками. Это ведь философский вопрос: что лучше для человека? Не ведать ни добра, ни зла и пребывать в раю, или спуститься в ад, на землю, вкусив истины?

— Вкусив ослиной мочи с водкой, — уперто возразил Левонидзе. — Если после этого вас не вывернет наизнанку, то что же такое ад? Тут уже перестанешь отличать, где добро, а где зло.

— А может быть, мне именно это-то и нужно? — туманно отозвался Олжас.

— А зачем вы оставили вместо себя этот камуфляж с плеером? — поинтересовался Волков-Сухоруков.

— Это один из элементов игры, — пояснил я, попав в цель.

Казах согласно кивнул. Одного я только не мог понять: кто же этот человек на самом деле — Олжас или Нурсултан?

Когда мы вышли из комнаты (Сатоси остался со своим однокурсником), неугомонный Волков-Сухоруков мрачно изрек:

— Не доверяю я им обоим. Восток никогда не сойдется с Западом, как говорил Киплинг. Хитрые азиаты. Я бы им прописал длительную изоляцию в одиночной камере. А еще лучше — пристрелить в лесном массиве, подальше от населенных пунктов, чтобы не сразу нашли.

— У тебя другие рецепты имеются? — усмехнулся Левонидзе.

— Есть и другие. Но ты не понимаешь, мы никогда не одолеем преступность и терроризм, если будем постоянно с ними цацкаться и оглядываться на Совет Европы! А когда суды дают высокопоставленным ворюгам чиновникам по двенадцать лет условно? Это же курам на смех! Тогда можно и пожизненное условно, и смертную казнь с немедленной амнистией! Нет, это полный идиотизм. А против России и внутри нее уже давно идет необъявленная война, вкупе с геноцидом. Я знаю, что говорю. У меня дочь убили.

Это было неожиданно услышать. До сих пор Волков-Сухоруков представлялся мне какой-то абстрактной схемой, заигравшимся в сыщика службистом с пистолетом без патронов, почти фикцией, но теперь я увидел в нем нечто человеческое. А лицо его как-то передернулось, и он сжал губы.

— Извини, — промолвил Левонидзе. — Я и не знал. Давно это случилось?

— Почти год назад. Ей было всего семнадцать лет. Только школу окончила. Хотела поступать на юридический.

— Кто же это сделал? Нашли убийцу?

— Нет, — неохотно отозвался Волков-Сухоруков. — Она переходила улицу. Пьяный водитель. На иномарке. Из «новых русских». С-сволочь!.. даже не остановился.

— Что же следствие?

— Знаешь, Георгий, что я тебе скажу? Следствие закончено — забудьте. Вот точно также мне и сказали. Высшее руководство. Чтобы я особенно не рыпался. Думаю, они его нашли... Но... Этот подонок либо занимал слишком высокий пост, либо откупился. И дело закрыли. Сбросили в архив. Но ничего. Я сам до него доберусь. У меня уже есть кое-какие наводки. Он от меня не скроется. Даже в сумасшедшем доме. — При этих словах Волков-Сухоруков как-то странно поглядел на меня. Словно знал гораздо больше, чем хотел сказать.

— Однако надо немного и вздремнуть, — предложил Левонидзе.

— Пожалуй, — согласился сыщик. — Впереди — трудный день. В этом я абсолютно уверен. Все только начинается.

Они разошлись по своим комнатам, а я отправился на второй этаж, чтобы завершить обход. Просто для проформы, поскольку и мне пора было отдохнуть. Мне тоже почему-то казалось, что главные события впереди. Что это будет — я не знал, лишь интуитивно

чувствовал. Ощущал кожей.

Я шел по коридору, который как бы опоясывал все здание, мимо жилых комнат, надеясь, что наконец-то наступили мир и покой. И никто больше, по крайней мере, в ближайшие час-полтора, не станет орать, бегать, прятаться и гоняться за призраками. Но тут, прямо перед моим носом, отворилась дверь из номера, в котором проживала актриса. Она высунула голову и подслеповато прищурилась, глядя на меня. За ее спиной маячил полуголый плейбой.

— Вы? — испуганно выдохнула Лариса Сергеевна, едва не выронив при этом вставную челюсть. Она была в ночной сорочке, на плечах цветастая шаль.

— Как это неприятно. Надеюсь, моя репутация не пострадает? Иди, Юрочка, отдыхай, — сказала актриса своему юному любовнику. — Александр Анатольевич обещает сохранить нашу тайну. Он человек благородный, к тому же врач. Ничего не бойся.

— Угу-гу, — произнес Парис, и Лариса Сергеевна поцеловала его в лоб. Затем он прошмыгнул в дверь.

— Работа такая? — шепотом спросил я у него.

— Угу, — вновь изрек плейбой, пожал плечами и зашлепал к лестнице. Я проводил его взглядом и повернулся к Харченко. Она куталась в шаль и явно хотела мне что-то сообщить.

— Я все понимаю, — сказал я мягко. — Не волнуйтесь.

— Правда? — обрадовалась актриса. — Это хорошо. А то, знаете ли, журналисты, светская хроника, сплетни... Но мы действительно любим друг друга. Это о нем я вам говорила там, в библиотеке. Теперь наш секрет открыт, а я бы все равно вам сказала, рано или поздно. Не могу сдержать слез от счастья. О! — Она в самом деле пустила скупую слезу по напудренной щеке: надо отдать должное ее актерскому дарованию (все-таки народная!). Я мысленно аплодировал. Слово было единственным зрителем перед великой Сарой Бернар.

— Да-да-да! — трагическим тоном продолжила Лариса Сергеевна. — И не убеждайте меня, что это невозможно — чистая и светлая любовь между двадцатилетним мальчиком и женщиной, приближающейся к седьмому десятку. Мир прекрасен, и красота его именно в том, что есть искренние чувства, есть шекспировские страсти и любовь, которая способна преодолеть возраст и свершать чудеса. Несмотря на всю мещанскую зависть и обывательские пересуды. Вы верите мне?

— Конечно, — сказал я. — Как же иначе?

— Мой Ромео явился ко мне на склоне лет, но он дарован судьбой, — вознесла руки к небу актриса. Шаль при этом соскользнула с плеч и опустилась у ног. Как ласковый домашний зверек

— Парис, — поправил я, отметив, что «Джульетта» весьма костлява и пигментированна.

— Юрочка, — в свою очередь поправила меня Лариса Сергеевна. — Не считайте меня совсем уж сумасшедшей. Просто я сейчас пребываю на седьмом небе. Когда я играла в театре «Позднюю любовь» Островского, я жила внутренним ощущением того, что эта пьеса написана именно про меня и для меня.

— Там, кажется, не так уж все хорошо и закончилось, — напомнил я.

— Не важно. Понимаете, Александр Анатольевич, дорогой, все мы в жизни играем какие-то роли, копируем чьи-то судьбы, в основном литературных героев. Не замечаем уходящего времени, а ведь это текут наши песочные часы, мои, невозвратно, жестоко

исчезающие. Да, я — актриса! Но я — женщина. И сейчас, именно теперь, у меня главная роль. Я знаю это, знаю, знаю.

Что мне было на это ответить? Пожалуй, ничего. В некоторых ситуациях пустота слов особенно очевидна. Тем более когда речь идет о любви. А впрочем, если уж говорить честно, то пустота слов, как болезнь всех времен от сотворения мира, очевидна всегда. Мало кому удается наполнить ее смыслом. Вот и сейчас, вместо того чтобы произнести нечто умное, я зачем-то сказал:

— Завтрак, как обычно, в девять утра. — И откланялся.

Я был уверен, что где-то внизу, в холле, меня поджидает Гамаюнов. И не ошибся. Проказник плейбой нахально развалился в кресле и считал на потолке мух. Мускулатуре его мог бы позавидовать Шварценеггер.

— Итак, — произнес я, усаживаясь в кресло напротив, — это называется — геронтофилия, если вам интересно.

— Не понимаю, о чем вы, — усмехнулся Парис.

— О вашей тяге к пожилым женщинам. Которые вам годятся в мамы и бабушки.

— Ах, вот оно что! Ладно. Только не говорите о том, что видели, моей Харимаде. Маришка очень ревнива. Иначе я вас убью. Шутка.

Однако сказано это было вполне серьезно. Но я пропустил его слова мимо ушей. Мне достаточно часто угрожают, а некоторые особо нервные пациенты порой и кидаются на меня. Не привыкать.

— Ей, насколько мне известно, тоже хорошо за пятьдесят? — спросил я.

— Так точно, гражданин доктор, — отозвался он. — Может быть, вы и правы. Меня действительно привлекают дамы в возрасте. Сам не пойму — почему так? Молоденькие девицы никогда не нравились. У меня и первой-то женщиной, когда мне исполнилось двенадцать, была старуха-соседка. Я подглядывал за ней в замочную скважину, когда она принимала ванну, и вовсю онанировал. Она услышала, открыла дверь и пригласила искупаться вместе. Долго я не раздумывал. Потом пошла черед других бабушек. Иных-то я и не знал.

— У вас есть мать? — поинтересовался я.

— Умерла при родах, — сказал он. — Воспитывала меня старшая сестра. Я младше ее на пятнадцать лет.

— Вы испытывали к ней сексуальное влечение?

— Как сказать... Возможно. В детстве она часто ласкала меня. Ну, вы понимаете? Повсюду. Я возбуждался. А она смеялась. Но до инцеста даю не доходило. Хотя ей нравилось смотреть, как я кончаю. И позволяла трогать себя.

— Сейчас вы видите?

— Нет, она тоже умерла. К сожалению. Погибла.

— Как это случилось?

Гамаюнов помолчал, потом коротко произнес:

— Трагическая нелепость.

— А конкретнее? Это произошло на ваших глазах?

— Да. У нас было охотничье ружье. Отцовское. Я играл с ним. Мне было уже тринадцать лет. Сестра вошла в комнату. Ружье выстрелило. Я даже не знал, что оно заряжено. Я не хотел, поверьте.

— Верю, — сказал я, видя, как у него дрожат губы, а лицо пошло пятнами. —

Успокойтесь.

Гамаюнов, несмотря на свои внушительные бицепсы, все еще напоминал неоформившегося подростка. Он поднялся с кресла, возвышаясь надо мной, как гора.

— Не говорите ничего Харимаде, — повторил он. — Не надо. Она сегодня обещала приехать, навестить.

— Не скажу, — пообещал я, думая, что он действительно способен меня убить.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, с цыганами и Фицджеральдом

Система слежения через видеокамеры за помещениями и постояльцами клиники вышла из строя. Я обнаружил это ранним утром, когда наконец-то вернулся в кабинет и включил мониторы. Хотел просмотреть и проанализировать ночную запись, но экраны лишь рябили и мерцали. «Что это? — задал я себе первый вопрос. — Сбой аппаратуры, техническая поломка или намеренное вредительство? Возможно ли, что кто-то специально лишил меня «видеоглаз», не желая предоставлять мне дополнительную информацию о пациентах и их так называемых «тайнах»?» Пока я не мог ответить на этот вопрос утвердительно. Сам я в электронике разбираюсь плохо, Левонидзе — также; необходимо было вызывать профессионалов из Москвы. Но сегодня была суббота, фирма, с которой у меня заключен контракт на обслуживание, не работала. Пришлось отложить решение этой проблемы до понедельника.

Прилечь на кушетку, хотя бы на полчаса, мне так и не удалось. Тишину нарушил телефонный звонок, в трубке раздался резкий голос Николая Яковлевича (позавчера он был более вежлив):

— Где Нина? У вас? А ну-ка, позовите ее, быстро!

— Здравствуйте, — отозвался я. — С чего вы решили, что она здесь?

— С того! Я ее слишком хорошо знаю. Не дурите мне голову!

К разговору неожиданно присоединился «второй муж», очевидно, с параллельного аппарата.

— Не дурите нам голову! — поправил он своего «коллегу» и заверещал дальше: — Где же ей еще быть, как не у вас, в вашей гребаной клинике?

Вот так. Вновь сошлись и помирились, а ведь накануне Николай Яковлевич едва не удавил Александра Сергеевича за их общего сына, Макса. Поистине русские люди — всечеловеки, была бы на столе водка... В том, что они оба пьяны, я не сомневался.

— В таком тоне нам говорить не о чем, — сказал я. — Вы сами виноваты, если она ушла.

— Я вот сейчас приеду и сверну вам шею, — пообещал Николай Яковлевич. Еще один кандидат в мои душегубы.

— Мы, мы оба приедем! — почти провизжал Маркушкин.

Полку убивцев прибыло. Если так пойдет и дальше, придется одолжить у Волкова-Сухорукова пистолет. Далее они заговорили хором:

— Нину, Нину давай! Нину хочу, ясно? Живо, живо! Не то худо будет! Ifte Нина? Зови!..

Разговор становился все более бессмысленным. Я повесил трубку и перестал обращать внимание на повторные звонки. Сама Нина, по моим прогнозам, должна была проспать как минимум до вечера. Раскалившийся телефон наконец-то умолк Мужья, должно быть, переключились на горячительные напитки. Но через пятнадцать минут телефон затрещал снова. Я, вдохнув, снял трубку.

На сей раз со мной решил пообщаться Сергей Владимирович Нехорошев. Был ли он пьян — не знаю, но речь его не отличалась особой вразумительностью.

— Я нашел архигениальный выход, — «ленинским» голосом сообщил он. — Совещались всю ночь, бурно заседали, меня поддержала Ротова, тезисы ее были аргументированны, мы склонили на свою сторону Лизочку, а потом и Иринку, включайте

телевизор, сексуальная революция в отдельно взятой семье свершилась, у вас есть на примете четвертая женщина?

— Погодите, не частите, — сказал я. — Я ничего не понял.

— Все очень просто. Скоро о нас будут передавать все ведущие информагентства мира. Вчера мы съездили к одному приятелю профессорши на кабельное ТВ. Он ей многим обязан. Ведет утреннюю развлекательную программу «Семейные дразги». По 46-му каналу. Тотчас же нас и записал. Включайте телевизор и пощелкайте кнопкой. Не пожалее. Передача вот-вот начнется.

— Хорошо, — пообещал я, взглянув на часы. Без трех минут восемь. — А зачем вам «четвертая женщина»?

— Узнаете, — загадочно ответил Нехорошев и повесил трубку.

Делать нечего — я включил телевизор и настроил его на 46-й канал. На экране возникла бородатая и довольно гнусная рожа ведущего с серьгой в ухе.

— В эфире ваша любимая телепрограмма «Семейные дразги»! — истошным голосом прокричал он, словно боялся, что некоторые из зрителей еще спят. — Напоминаю, что мы как бы подглядываем в чужие окна и вытягиваем на свет семейные истории, которые могли бы произойти и с вами!

Камера отодвинулась и зафиксировала большой розовый диван, на котором сидели четверо: Ротова, Лиза, Ирина и Нехорошев.

— У нас в гостях необычная семья, — продолжил ведущий, зачем-то поковыряв в ухе. — Это — профессор Московского университета, доктор наук Капитолина Игнатьевна Ротова, ее дочь Елизавета, внучка Ирина и зять, Сергей Владимирович Нехорошев. Сразу замечу, Ира — дочь Лизы от предыдущего брака, к Сергею Владимировичу она не имеет никакого отношения.

— Имеет, — возразил Нехорошев.

— Ну, тогда рассказывайте все сами! — И телеразбойник развалился в кресле перед диваном.

— Дело в том, — взяла слово Ротова, — что в нашей стране напрочь отсутствуют культура семейных взаимоотношений. Мужья тяготеют женами и бьют их, жены в отместку изменяют. Почему это происходит? Потому что половые вопросы всегда игнорировались христианством. Не были широко обозначены, как в других конфессиях. Например, в иудаизме, где Талмуд разрешает брать в наложницы даже трехлетних девочек-гоек.

— Ой, вот только не надо лезть в экран с еврейским вопросом! — развязно сказал ведущий, вытянув длинные ноги. — Наш продюсер меня зарежет.

— Хорошо. Тогда перейдем от русского домостроечного менталитета к нашей семейной проблеме. — Ротова ущипнула Лизу и добавила: — Говори ты.

— Я очень люблю своего мужа, — затараторила та, видно, готовилась и учила «текст»: — А недавно выяснила, что он долгое время был и остается любовником моей матери. Более того, он сожительствует и с моей дочерью.

— У нас чувства! — вставила Ира. Она выглядела наиболее растерянной и несчастной из всех. Мне было ее по-настоящему жаль.

— Лихо! — зааплодировал ведущий. — Святая семейка, черт побери! Вы что же, групповуху по ночам устраиваете?

— Разумеется, нет! — запротестовал Нехорошев, вскочил, потом вновь уселся. — Я люблю всех по отдельности. Для меня все они дороги и представляют из себя как бы единое

целое. Это сложная проблема, но, благодаря известному психоаналитику Александру Тростенину, нам удалось ее разрешить.

«Вот придурок, и меня приплел! — подумал я с гневом. — Нужна мне такая пошлая реклама!»

— Что же вы решили? — спросил ведущий, зачем-то поглаживая круглое колено Лизы. Та улыбалась, словно это было вполне естественно. Но Нехорошев опять вскочил и прокричал:

— Не суйся к моим женщинам!

— А что, ревнуешь? — ведущий занял боксерскую стойку.

Я уже понял, что здесь разыгрывается заранее прописанный сценарий. Стало совсем неинтересно смотреть дальше.

— Сядьте, сядьте! — громко сказала Ротова. — Вы хотели узнать, что мы решили? Так я вам отвечу. Мы все пришли к выводу, что нам надо сменить православие на ислам. Да-да, именно на мусульманство! Эта религия позволяет главе семьи, мужу, иметь по крайней мере четырех жен.

— После передачи мы все отправляемся в мечеть, — добавил Нехорошее. — А потом добьемся того, чтобы наш брак был официально узаконен. Даже если для этого придется поехать в Арабские Эмираты.

— Можно и в Татарстан, нечего далеко ездить, — ухмыльнулся ведущий. — Жить как прежде, втихаря, вы уже не хотите?

— Все должно быть по закону шариата, — сказала Ротова. — Я старшая жена, Лиза средняя, Ирочка младшая.

— А четвертую я подберу себе потом, — вставил Нехорошее.

Ирина вдруг начала плакать, а я выключил телевизор. Хватит. Надоело. В конце концов, каждый сходит с ума по-своему. У меня были дела поважнее.

Сменивший Сергея охранник (его звали Геннадий) позвонил мне и доложил, что в небе кружит вертолет. Да я уже и сам, высунувшись из окна, видел барражирующую «стрекозу», выбирающую место для посадки. Никак пожаловал господин Шиманский собственной персоной. Борта вертолета были окрашены в ярко-зеленый цвет.

— А еще тут в сторожке какой-то тип валяется. В юбке. Сергей сказал, что это подполковник. Что с ним делать? — спросил Геннадий.

— Дать похмелиться. Вертолетом займусь сам.

Я поспешил на теннисный корт, откуда стал подавать знаки пилоту, размахивая белым платком. Вскоре ко мне присоединился и Левонидзе, привлеченный стрекотанием лопастей.

— Спортивная модель, — сказал он, задрал голову. — Я на таком летал. Рассчитан на двух человек: пилот-инструктор и пассажир. Кто к нам заявился в гости?

— Шиманский, — коротко отозвался я.

Вертолет некоторое время повисел над нами, накренившись, затем плавно опустился на теннисную площадку. Лопасты продолжали вертеться, но все медленнее и медленнее, замирая. Кабина открылась. На грунтовое покрытие прыгнул человек в шлеме. Я ошибся: это был не Шиманский. А больше в вертолете никого и не было. «Ну и хорошо!» — подумал я. Встреча с отцом Анастасии мне была не по душе. Я почему-то не ждал от нее ничего конструктивного.

Летчик снял шлем и направился к нам. Лицо его было загорелым, с модной трехдневной щетиной. И вообще выглядел он очень мужественно, как Мэл Гибсон. И такой же бабник —

я определил сразу.

— Мишель Зубавин, — представился он, протягивая руку (крепкий парень!). — Референт господина Шиманского и по совместительству его личный пилот. А вы, очевидно, Александр Тропенин?

— Да, — признался я. — Это начальник службы безопасности и тоже по совместительству мой личный телохранитель, Георгий Левонидзе. А где же Владислав Игоревич?

— На подлете к Москве. Мне приказано забрать из вашей клиники Анастасию Владиславовну и переправить ее в Барвиху.

Вот так — ни много ни мало. Даже Левонидзе крикнул от изумления. Чудные все же эти «новые русские», никакие законы им не писаны, в том числе и медицинские показания.

— Это невозможно, — холодно произнес я. — Она нетранспортабельна. Заявляю это как врач и как муж.

— А мне плевать! — весело откликнулся Зубавин. — У меня приказ, и я выполню его любой ценой. Даже если придется действовать силой.

— Вы в своем уме? — вмешался Георгий, оценивающе глядя на задорного пилота. — Как же это у вас получится? Вы залетели не в богадельню для дистрофиков.

— А вот увидите! — нагло усмехнулся летчик.

— Очевидно, у вас в кармане гранатомет, — сказал мой помощник — Придется вызвать охрану.

— Валяйте. Давно хочется размяться. — И Зубавин стал приседать, дергать конечностями и подпрыгивать, как боксер на ринге. Где только господин Шиманский выискал себе такого референта? Не иначе как среди американских «морских котиков».

— Погодите, — произнес я. — Соедините меня с Владиславом Игоревичем.

— Это можно! — Пилот вытащил из комбинезона «трубу», набрал номер. — Говорите.

— Что происходит? — спросил я у олигарха, услышав его голос за пару сотен километром отсюда. — Вы же должны были прилететь сами? И лишь для того, чтобы повидаться с Настей. Поскольку у нее сегодня день рождения. Только поэтому я и разрешил свидание. А вы...

— Да-да, — перебил меня Шиманский. — Я изменил планы. Хочу устроить ей праздник в Барвихе. Вас тоже приглашаю. Гости начнут съезжаться к вечеру. Так что не мешайте Мишелю.

— Нет, — твердо сказал я. — Анастасия не готова к общению с людьми, с такой... публикой. Вы хотите, чтобы у нее вновь наступил душевный слом? Она только-только стала приходить в адекватное состояние. Это невозможно.

— Не стойте у меня на пути, — пригрозил Шиманский. — Я вас в порошок сотру, дорогой зять. Что сказал, то и сделаю.

— Только через мой труп, — зачем-то вырвалось у меня. Но я был возбужден и зол. Что мне отнюдь не свойственно.

— Можно организовать и это, — пообещал тесть.

«И который же это будет по счету мой потенциальный убийца?» — подумал я. Вслух же сказал:

— Будьте благоразумны, Владислав Игоревич. Мы оба хотим Анастасии добра. Велите вашему нукеру отправляться в своем вертолете обратно. Пусть попорхает где-нибудь над историческими памятниками Москвы. А вась не собьют.

В трубке наступило минутное молчание.

— Вот что мы сделаем, — произнес наконец Шиманский. — Я сам к вам приеду во второй половине дня. И мы решим эту проблему. А Мишель пока останется у вас.

— Только скажите ему, чтобы он не удалялся от своего вертолета дальше, чем на пятнадцать метров. Завтрак ему принесут сюда.

Я протянул трубку Зубавину. Тот выслушал босса и кивнул. Потом белозубо улыбнулся и нахально спросил:

— А симпатичные медсестры у вас тут водятся?

— Я вам пришлю одну, — пообещал я, имея в виду, разумеется, Параджиеву, которая как раз маячила у входа в клинику.

День начинался непредсказуемо и обещал быть бурным.

— За этим героем в шлеме и с пропеллером надо последить, — сказал Левонидзе, когда мы шли к дому, выразив и мою мысль. — Я знаю таких «крутых». Думает, раз за его спиной босс, то и он тоже ухватил черта за хвост. Это же надо набраться такой наглости! — прилететь одному и решить, что здесь можно всех отдубасить! Зря ты мне не позволил ему врезать.

— Что-то не помню, чтобы я тебе этого запрещал.

— Ну... я и так догадался. Тоже мне рейнджер техасский!

Видимо, самолюбие Левонидзе было сильно задето. Меня же больше волновало другое.

— Пилот ни при чем, — сказал я. — Он, кажется, славный парень. Даже понравился мне своей естественной простотой. Но подобные люди служат энергетической подпиткой для шиманских. Которые никогда не остановятся перед большой кровью ради своих целей. Вот они пошли и в который раз начали обглаживать Русь. Почему, за что?

— Ну и почему же? — спросил Георгий. — И откуда пришли?

— Потому что Россия красива, совершенна, в каком-то смысле, она манит, увлекает за собой, как таинственная Незнакомка Блока. Они даже любят ее за эту красоту и непосильные им загадки ее существования, предназначенное™ в судьбах мира. Но не могут ее не есть, не грызть, полагая, что, насытившись плотью, приобщатся и к ее духу. Станут также совершенны и прекрасны. Но это — как причастие в храме: нельзя наесться и напиться, забрав себе все просфорки и чашу с освященным вином, тело и кровь Христову. Негодно обжираться святыми дарами, думая, что чем больше — тем лучше, тем спасительнее. Будет несварение души. А пришли они, как всегда, из-за наших спин. Из-за христианства, как новые язычники. Об таких потрешься — загадишься. Заразишься, как этот прилетевший Карлсон.

— Тогда скоро заболеют все, — хмуро промолвил Левонидзе, пнув попавшуюся под ноги пустую пачку из-под сигарет, словно именно в ней было заключено все зло мира. — На сей раз России уже не выкарабкаться. Против нее — самая сильная супердержава вместе со своими гребаными шавками, вроде поляк и болгар. Даже хохлы с грузинами.

— Ты же сам грузин.

— Только этнически, а так я — русский. По образу мыслей, Саша. И по непредсказуемости, — добавил он, помолчав.

— Вот эта непредсказуемость нас и спасает, — заключил я. Потому что так оно и было во все времена. А до конца света еще далеко. Сроков, по крайней мере, не знает никто. И в этом великая мудрость мира, порождающая надежду.

— Эта зажигалка Бижуцкого и часики? — вспомнил вдруг я, услышав откуда-то из-за

деревьев знакомое «кис-кис!» мадам Ползунковой: вдова упорно продолжала искать кошечку. Как бы не свихнулась окончательно.

— Я их уже вернул, подбросил ранним утром, — отозвался Левонидзе. — С Бижуцким все прошло гладко, его попросту не было в комнате. Зажигалку я сунул ему в башмак. Интересно только, где он гуляет ночи напролет? А вот с Аллой Борисовной произошла некоторая накладка.

— Что такое?

— Она спала. Но знаешь, кого я обнаружил в ее постели?

— Можешь не продолжать. Догадываюсь. У него «работа такая».

— Париса-Гамаюнова, — все же произнес Левонидзе. — Вот ведь стервец, пакостник!

— Не надо так, он болен.

— Он здоров как бык. Производитель. Даже имел наглость поздороваться со мной. Я показал ему кулак, положил часики на стол и удалился. Так и хотелось набить ему морду.

— Он крупный мальчик, — сказал я, а сам почему-то подумал, что вскоре эти часики и зажигалка вновь окажутся у меня в кармане. Кто-то надо мной просто издевается таким способом.

— Этот красавчик скоро перетрахает всех баб в клинике, включая Параджиеву, — заметил мой помощник.

— Что же — кастрировать его? — усмехнулся я.

— Почему нет? По крайней мере, насчет Ползунковой... как бы он не перебежал нам дорогу.

— «Нам»? — переспросил я, останавливаясь.

Левонидзе понял, что допустил оплошность, немного смутился, но отступить было поздно.

— Договаривай уж, — жестко сказал я.

— Я имею в виду, как бы она не переписала свое завещание на него, Гамаюнова, — ответил он, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Откуда ты вообще знаешь про завещание?

— Ну... знаю, и все.

— Ты подслушивал наш разговор с Аллой Борисовной в гроте.

Я угадал. Левонидзе лишь кивнул и проворчал:

— Случайно вышло. Нечего было так громко болтать! Из пещеры звуки разносятся далеко. Да и что в том особенного? Все равно это секрет полишинеля — мадам не умеет держать язык за зубами. Вскоре об этом только глухой не услышит. И я, честно говоря, даже обрадовался. Потому что нам нужны в клинику финансовые вливания, сам знаешь. Бюджет по швам трещит, кредиты не все выплачены. А я вроде бы твой младший компаньон, если ты еще не забыл. У меня доля акций.

— Не забыл, — сказал я. И добавил: — А ведь это ты убил ее кошечку.

— Принцессу-то? — усмехнулся Левонидзе. — За что я тебя люблю, так это за твою пронизательность и ум. Но в практических вопросах ты скорее профан, чем деятель. А я хочу удержать клинику на плаву.

— Поэтому мечтаешь отправить вслед за Принцессой и ее хозяйку? И сделать это поскорее, пока ее завещание в силе? А при чем тут несчастная кошка? Рассчитывал, что Ползункова от горя тут же окочурится?

Я не удержался и схватил Георгия за лацканы, даже встряхнул с силой.

— Думай что хочешь! — вырвавшись, отозвался он. И пошел прочь, насвистывая веселый мотивчик.

Не счесть людских грехов и пороков, связанных с душевными заболеваниями и муками. У меня имелась целая алфавитная картотека, куда заносились имена пациентов, подверженных злопамятству и гордыне, зависти и гневу, праздности и лени, унынию и болтовне, самолюбованию и мечтательности, лживости и ревности, обжорству и пьянству, воровству и жестокости, мстительности и ненависти, разврату и содомии, сквернословию и чародейству, сребролюбию и тяге к человекоубийству, жадности и насмешничеству, презрению и равнодушию, и многому-многому другому. Но в основе всего, как мне всегда казалось, лежит отсутствие в душе и сердце Бога. Эта пустота неизменно заполняется ядовитыми испарениями, в них кипит, булькает, хохочет, рыдает и рождается страшно уродливое существо — твое второе «Я», твой брат-близнец, который всегда будет находиться с тобой в вечной борьбе, пока не одолеет. Ни крепкий разум, ни стойкие нравственные принципы тебя не спасут. Они могут лишь оберегать до поры до времени, до того гибельного часа, когда зверь вырвется наружу. Поведет к вратам ада. И это непременно произойдет, потому что ты сам отвернулся от твоего Господа.

«А ты? — задал я сам себе этот сакраментальный вопрос, бродя вдоль пруда, уже почти полностью покрытого опавшей красно-желтой листвой. — Что сделал ты, чтобы обрести жизнь вечную?» Не горько ли тебе от содеянного (или не сотворенного!) за многие годы, не страшно ли держать ответ? Жизнь проходит, а в душе твоей все так же темно и сыро, как прежде. Не пришла ли пора бросить эту проклятую клинику с ее скопищем грехов и пороков и прямой дорогой отправляться в монастырь, в келью? Психиатрия уже не для меня — устал. Но кто же ропщет, неся свой крест? Один человек, по притче, обессилев, взмолился Господу: «Боже, освободи меня от моего креста, слишком тяжек!..» И путь привел его к месту, где лежали другие кресты. Человек долго выбирал, примерялся, а взял, в конце концов, тот, который и носил прежде. Потому что Спаситель дает тебе по твоим силам.

Мне вдруг вспомнились стихотворные строчки одного моего давнего пациента, когда я только-только открыл клинику. Они были именно о душевной горечи:

*Не горько ли тебе,
Когда лишь шелест листьев
И шелестенье слов
Доносится извне,
И запах прелых трав,
Как запоздалый выстрел,
Пригнет твое лицо
К исхоженной земле;
Когда еще сильнее
Несбыточность желаний
И тихий всплеск луны
Колышется в реке,
И негасимый свет
Рассудок жжет и ранит,
Не горько ли тебе?
Не горько ли тебе?..*

Этот человек, подверженный суицидным настроениям, обладатель огромного состояния и жены-красавицы, позже, как я узнал, застрелился в своем особняке на Рублевском шоссе. Вот так. У гроба карманов нет. И избавить его от душевных мук я не смог. Впрочем, как и самого себя. Ну и как тут не сказать: а не грош ли цена всей этой психиатрии в базарный день?

За спиной я услышал смех и воркование. Оглянулся. Это Мишель Зубавин, личный пилот моего тестя, флиртовал с Жанночкой. Он все же удалился от летательного аппарата дальше, чем на пятнадцать метров. Что ж, я уже давно понял: человека, в сущности, остановить невозможно. Пустое дело. Гибельное.

После завтрака (на котором присутствовали не все обитатели Загородного Дома) я проводил сеанс психотерапии в кинозале. Желающие принять в нем участие разместились в удобных креслах, обменивались веселыми репликами и шутками. Я же расхаживал по сцене перед белым полотном экрана и вновь был энергичен и сосредоточен. Работа превыше всего. Кроме того, мной было подготовлено несколько сюрпризов, для разыгрываемой «психодрамы».

— Дамы и господа! — начал я, когда в зале погас свет; луч одного из прожекторов был направлен только на меня. — Сейчас призываю вас быть очень внимательными. У Скотта Фицджеральда в одном из его романов есть такой эпизод. Кинопродюсер объясняет своему приятелю, полупьяному литератору, как надо писать сценарии. У того в это время происходит творческий и душевный кризис, он выдохся, ему все надоело, проблемы в семейной жизни и все такое прочее. Можете дополнить перечень существующих проблем сами, как вам будет угодно. Во фрагменте, который вы сейчас увидите, участвовали профессиональные актеры. Я же буду комментировать действие, чтобы дополнить зрительный ряд. Итак, Жан, прошу вас!

Мой ассистент включил кинопроектор. Я отошел в сторону, чтобы не загоразивать экран. В кадре появилась большая комната, уставленная реквизитами, в кресле-качалке сидел мужчина, тупо глядящий в окно.

— Это наш литератор, — сказал я. — А теперь в помещение входит миловидная девушка, его стенографистка. Он вяло смотрит на нее, но она его не замечает. Чем-то сильно озабочена или взволнована. Девушка снимает перчатки, открывает сумочку... Вытряхивает из нее на стол две монеты, ключи и спичечный коробок. Потом смотрит на часы. Ключи и одну из монет она кладет обратно в сумочку, другую оставляет рядом с телефоном. Свои черные перчатки несет к камину и бросает внутрь. Присев на корточки, достает из короба единственную — как вы видите — спичку. И вдруг неожиданно звонит телефон. Девушка берет трубку, слушает и...

Я умолк, поскольку молоденькая актриса с экрана сама произносит единственную в этом кинофрагменте фразу: «Я в жизни не имела черных перчаток». После этого она опустила трубку, вновь присела перед камином и зажгла спичку, боясь, что та погаснет.

— Спичка единственная, — напомнил я зрительному залу.

И тут девушка неожиданно оглядывается, чувствуя, что в комнате находится еще кто-то, следящий за каждым ее движением.

Камера остановилась на лице литератора. Крупным планом были взяты его удивленные глаза. Потом пленка оборвалась, Жан выключил кинопроектор.

— Все? — спросил кто-то из зрительного зала. Я узнал голос Тарасевича.

— Все. Достаточно, — подтвердил я, вновь выдвигаясь на сцену перед экраном. — Продолжение вы придумаете сами. Видите ли, герой Фицджеральда, кинопродюсер Монро, пытался этим эпизодом заинтриговать литератора-сценариста. Заставить его думать. И заметьте, никто в этой сцене не мечется, не гримасничает, не ведет дешевых диалогов, которыми перенасыщены наши глупые телесериалы. Здесь всего одна-единственная фраза, которую произносит стенографистка. Жанр, спросите вы? Да какой угодно: детектив, мелодрама, а может быть, комедия? Или модный теперь триллер? Всего одна строчка прямой речи — и загадка. Фицджеральд ответа не дал. Попробуйте разгадать его тайну своими силами.

По-прежнему один из прожекторов освещал только сцену; зрительный зал оставался полутемным.

— Я не понимаю, зачем она оставила на столе одну из монет? — спросил Каллистрат.

— Вот вы бы, несомненно, смогли дописать этот сценарий до конца, — отозвался я. — Иначе бы не спросили про этот штрих. Действительно, зачем? Думайте, выдвигайте свои версии. Используйте свой личный опыт.

— И почему она хотела сжечь перчатки? — подал голос Сатоси.

— Избавиться от улики, — ответила Леночка Стахова. — Поэтому и солгала в трубку.

— Она совершила какое-то преступление, — сказала Ахмеджакова. — Убила своего мужа.

— Муж сидит в кресле-качалке, — возразил Гох. — Скорее уж отравила любовника.

— Или богатого дядюшку, чтобы получить наследство, — высказался Гамаюнов.

— А вот кто звонил по телефону? — спросила Лариса Сергеевна Харченко. — Следователь-дознатель?

— Главное, господа, это — детали, — вновь вмешался Каллистрат. — Фицджеральд не так прост, уверяю. Он намеренно обозначил в тексте две монетки, ключи, перчатки и спичечный коробок с единственной спичкой. Нужно исходить именно из этого набора вещей, деталей. В них — шифр к сейфовому замку.

— Нет, не в них, а в трех персонажах, — сказала актриса.

— Не понял. Стенографистка, мужчина в кресле-качалке, а кто же третий? — обратился к ней пианист.

— Тот, кто позвонил по телефону, — ответила она.

Я был рад, что в кинозале разгорается спор, обмен мнениями. И старался больше не мешать, присев на стул у края сцены. Тут присутствовали почти все мои «гости». Правда, в полутемном зале я не слишком отчетливо различал их лица, но достаточно было и того, что они говорят. Имеющий уши — услышит. Важно было, чтобы они именно «проговорились». Экстраполировали кинофрагмент на себя. Думаю, что даже Скотт Фицджеральд остался бы доволен, слушая их версии. Вряд ли он подозревал, что когда-нибудь проходной и незавершенный эпизод из его «Последнего магната» будет использован в «психоигре» неким Александром Анатольевичем Тропениным, модным московским психиатром. Спор в зале между тем становился все оживленнее. Говорили, перебивая друг друга.

— Давайте я вам сейчас все объясню! — перекричал остальных физик Тарасевич. Он даже поднялся на сцену, опираясь на сандаловую палку. — Все очень просто. По всем законам термодинамики, в нашем киносюжете должен произойти взрыв. Ружье, так сказать, выстрелит. Но в этой цепной реакции отсутствуют некоторые звенья. Прежде всего начало.

Позволю себе пофантазировать и предложить следующий вариант сюжета. Тема для Квентина Тарантино.

— Во как! — издал возглас Каллистрат. — Значит, криминал?

— Ну а как же иначе? — отозвался Тарасевич. — Только криминал особый, мистический. Вот Александр Анатольевич не даст мне соврать, что неосознанный инстинкт всегда сводит в одной точке пересечения координат времени и пространства жертву и убийцу: их неодолимо влечет друг к другу, об этом писал еще Ломброзо. Не столько преступник ищет свою жертву, сколько она — его. Их узы крепче, чем узы любви и дружбы. Более того, в них обоих заложена возможность мимикрии и трансформации, смена ролей, перехода из одного качества в другое. Когда палач становится жертвой, а та — мучителем. Если не на физическом, то на нравственном уровне. Либо в некоем мистическом смысле. В постпреступном мироощущении.

— Все это очень сложно, а вы говорили о простоте, — заметила актриса. — Да и к сюжету ваши слова пока что никак не относятся.

— Очень даже относятся, — улыбнулся физик — Вы восприняли показанное нам «кино» как реальность, как документ с печатью. Вот девушка, совершающая странные поступки, вот наблюдающий за ней мужчина в кресле-качалке. Но давайте включим иное, абстрактное мышление. Этого мужчины — нет. В комнате действительно полчаса назад произошло убийство. И мужчину убила именно его стенографистка. Из-за чего — это уже дело десятое, скорее всего, несчастная любовь, как всегда. Теперь он — призрак. Вот почему девушка его и не видит, хотя сидит он не где-то за ширмой. Теперь она вернулась назад, вспомнив, что надо уничтожить перчатки, измазанные кровью. Состояние ее уже близко к помешательству. Еще бы! Впервые совершить такое страшное преступление, да еще вернуться назад, чтобы уничтожить улики, а тут еще вдруг резко звонит телефон. Кто звонит? Да, пожалуй, что и никто, просто ошиблись номером. Но она, все время думая о перчатках, истерично говорит в трубку: «У меня их никогда не было!» Словно уже начиная отвечать на вопросы следователя. Потому что предполагает, что ее ждет впереди. Она же неопытный убийца, самоучка. А тут еще, плюс ко всему, оказывается, что в коробке всего одна спичка. И зажигалки нет. А перчатки надо непременно уничтожить. Где-то в комнате (нам это не видно) валяется труп мужчины. В кресле сидит призрак и буравит ее взглядом. Теперь он — потусторонний палач, а она — жертва. Развязка близка, возмездие должно свершиться. Девушка в трансе. Зажженная спичка непременно погаснет...

— От легкого дуновения из уст призрака, — успел вставить Каллистрат.

— ...Почему бы нет? И девушка поймет, в смертельном ужасе, что отныне убитый повсюду будет преследовать ее, держать ледяными руками за сердце, качаться перед глазами. Даже щекотать, если хотите. Привидениям это особенно по нраву. Она исторгнет из своего горла последний крик, сойдет с ума и выбросится в окно, — закончил Тарасевич. Он артистически поклонился всем слушателям и сошел со сцены, опираясь на палку.

— Bravo! — раздался голос Ларисы Сергеевны.

Затем последовало несколько дружных хлопков в ладони. Впрочем, аплодировали вяло, поскольку не все были согласны с версией физика. Нашлись, разумеется, и противники. В числе их оказался Каллистрат. Триллер, предложенный Тарасевичем, он решил перевести в комедийный жанр.

— Я вновь хочу акцентировать ваше внимание на деталях, — сказал он. Поднялся с кресла, но на сцену выходить не стал. — Почему девушка вытащила из сумочки именно две

монеты? А потом одну из них забрала назад? Конечно, мне было бы много проще предположить, следуя логике господина Тарасевича, что призраком является вовсе не мужчина в качалке, а именно девушка-стенографистка. Поскольку, как вы помните, еще в самом начале Александр Анатольевич заметил, что литератор-сценарист полупьян. А где «полу-», там и «вдрабадан», так как мог окончательно упиться за то время, что мы с вами обсуждаем эту тему. Вывод: девушка-стенографистка попросту грезится ему в пьяном бреде. И следовательно, все ее действия не поддаются логическому объяснению. Потому что они — фикция.

— Bravo! — опять подала голос актриса.

— Но я пойду по другому пути, более качественному, — продолжил Каллистрат, все же выбираясь из рядов и поднимаясь на сцену. (В это время дверь в кинозал отворилась и вошел кто-то еще, но кто, я не разглядел.) — Итак, выслушайте мою версию этой «Загадки Скотта Фицджеральда». Она будет в стиле Чаплина. Девушка... слепа от рождения. Поэтому она не видит мужчину в кресле, это ее жених. Он пьет от горя. Кроме того, она никакая не стенографистка, а... воровка. Хочет собрать деньги на операцию. По удалению катаракты или каких-то там белым на глазных яблоках А жених все отбирает и пропивает, да еще и поколачивает ее. От этого сам страдает, горько рыдает, но продолжает глушить виски. Потому что — любовь. А девушка обворовывает сердобольных прохожих, которые ее переводят через улицу.

— Ха! — раздался смешок первого «сочинителя» — Тарасевича. — Думаете, это так просто: вытащить из кармана кошелек, когда ты сам слеп? Тут не всякий зрячий справится! Вот у нас в ФИАНе был один мой коллега, карточный шулер, так он годами тренировался, чтобы снять у тебя незаметно с пальца, ради смеха, обручальное кольцо. Так что не смешите меня!

— И вообще, — поддержал его Леонид Маркович Гох, — это не Чаплин, а какая-то мексиканская дребедень получается.

— Не спешите с выводами, — ничуть не обиделся Каллистрат. — Я еще не закончил. В пользу моей версии говорит то, что девушка вытряхивает из сумочки две монеты — это весь ее заработок за «хождение через улицу». Ключи она тоже у кого-то стащила — так, на всякий случай.

— И спичечный коробок, — добавил Гамаюнов, сам же и засмеялся.

— Спички — свои. — Рассказчика было не просто сбить с курса. — А перчатками она по привычке растапливает камин. Так гораздо удобнее, чем щепками. Они лайковые, быстро горят. Видите ли, в наследство от отца-банкрота, тоже хронического алкоголика, ей досталась убыточная фабрика по производству перчаток. Фабрика давно сгорела, остался склад с товаром. Спроса на него нет. Этими перчатками забит весь дом. Их хоть задницей ешь, извините. Вот и меняет каждый день, после воровства. Но в этот раз она стащила ключи от квартиры у доктора-офтальмолога. Он не стал вызывать полицию, шел следом, поскольку проникся к ней сочувствием. Запомнил адрес, узнал телефон. И позвонил: не вы ли та девушка в черных перчатках? Ее ответ вы слышали сами. Она попросту испугалась. Что дальше? — спросите вы.

— Спросим! — потребовало сразу несколько голосов.

— Дальше — как в сказке. Офтальмолог сделает ей бесплатную операцию, она прозреет, полюбит его, он — ее, они поженятся, а вечно пьяный жених тоже излечится, восстановит перчаточную фабрику и распродаст свой товар в России, северным народам

Чукотки. Вот теперь у меня — все. Благодарю за внимание.

— Это не Фицджеральд, — грустно произнес Гох.

— Все равно — bravo! — сказала Лариса Сергеевна.

— По крайней мере, смешно, — промолвила Ахмеджакова.

— Чуть! — выразился Гамаюнов.

— Но оч-чень романтично, — добавила путана.

Сатоси деликатно промолчал, а Тарасевич лишь громко фыркнул, как морж. С задних рядов поднялся Левонидзе (это он последним вошел в зал).

— Александр Анатольевич! На пару слов, — прокричал Георгий, помахав рукой.

— Сделаем перерыв, — предложил я, спускаясь со сцены.

Мне уже давно хотелось вызвать моего помощника на откровенный разговор и задать один очень важный вопрос, который мог многое разрешить и поставить точки над «i». Но сейчас было еще не время и не место. Да и Левонидзе сам завел речь об иных, более насущных делах.

— Во-первых, к нам пожаловали гости, — заговорил он, когда мы остановились в коридоре. — Это Николай Яковлевич и Маркушкин. Приехали они не одни, а с цыганами. На трех джипах с фургоном. Неужели не слышишь?

Действительно, откуда-то издалека, сквозь кирпичные стены и толстые двойные стекла в окнах доносились зажигательная музыка и песни ромал.

— Пляшут, — сказал Левонидзе. — Охранник их, конечно, не пустил. Так они устроились табором за воротами клиники. Жгут костры, жарят мясо. Шампанское рекой льется. Прогнать их нельзя — лес общий. Я было сунулся с увещеваниями, так они меня без «Величальной» не отпустили. Пришлось выпить стакан водки, уважить. К ним уже и Топорковы присоединились. Теперь братья-полковники пьют и поют хором, на пару с мужьями Нины. В России ведь как? Где страдание — там и веселье. Буйство чувств, одним словом.

— Надо их как-то прогнать отсюда, — промолвил я. — Не то все пациенты в этот табор перебегут.

Будто подтверждая мои слова, с лестницы спустился Олжас. На плече у него висел верблюжий бурдюк. Фляжки ему уже было мало.

— Схожу, что ли, к цыганам, — сообщил он. — Люблю веселье.

— Хоть бы он оказался Нурсултаном, — тихо произнес Левонидзе, глядя ему вслед. — Да всех бы там и сожрал... Между прочим, мужья требуют выдачи Нины. Отдал бы ты ее им, что — как собака на сене? И Анастасию взаперти держишь, и эту...

— Она спит. — Меня несколько покоробили его слова. — Вот когда проснется — пусть забирают. Еще неизвестно: захочет ли сама? Ну ладно. А что у тебя «во-вторых»?

— Нигде не могу найти Зубавина, упустил его из виду. Как бы он нас не перехитрил. Да не похитил твою Анастасию, выполняя задание босса. Что у них действительно на уме, мы же не знаем! У меня есть подозрение, что он уже пробрался в клинику. И шурует вовсю.

— Вертолет на месте? — тревожно спросил я.

— На приколе, — кивнул Георгий. — Да он и не полетит, особенно не волнуйся. Я там одну детальку из щитка управления вывернул.

Все-таки Левонидзе молодец, надо отдать ему должное. Однако теперь мне очень захотелось проверить: «на месте» ли и Анастасия? Вместе с Левонидзе мы пошли по коридору, опоясывавшему первый этаж, к ее апартаментам. А там... меня ждал очередной

удар: дверь в комнату оказалась не заперта! «За что мне такое наказание?» — едва не вырвалось из моих уст.

— Приехали! — вслух сказал я, заглядывая в комнату. Она, естественно, оказалась пуста.

— Далеко уйти не могли, — произнес Левонидзе, осматривая замок. — Профессионалу открыть — раз плюнуть. Работал «универсальным ключом-отмычкой», применяемым в спецназе ГРУ. Что ж, пошли искать твою ненаглядную.

— Где? — вяло спросил я, чувствуя начинающийся упадок сил.

— Ну не у цыган же? Хотя можно заглянуть и в табор. Но лучше начать с нижнего этажа.

Я послушно двинулся вслед за моим помощником и компаньоном. Мы спустились по лестнице. Левонидзе вдруг нагнулся и поднял с пола фиалку — тот самый редкий памирский экземпляр, который я вчера подарил Анастасии. Он стал принюхиваться к цветку, как доберман на охоте.

— Она где-то здесь, — произнес я, отбирая у него фиалку. — Фу! Ищем дальше.

В бассейне никого не было, в спортзале — тоже. Оставались бильярдная и солярий. Да еще всякие подвалы и котельная. Но сомневаюсь, чтобы Зубавин увлек Анастасию в эти подземелья. А вот из бильярдной как раз доносились чьи-то голоса. Мы тихо заглянули, приоткрыв дверь. За зеленым прямоугольным столом с лузами стояли трое: Бижущий, Волков-Сухоруков и Антон Андронович — с киями наперевес. Борис Брунович громким шепотом вещал:

— ...За моей спиной маячила какая-то нежить — в зеленом балахоне и со свиным рылом! И «оно» твердило мне в ухо: «Лезь через подоконник. Ты тоже приглашен на вечеринку к Хозяину! Живее!» Я, друзья мои, оторопело спросил: «А кто Хозяин-то? Гуревич?» — «Там узнаешь!» — ответила эта нежить. И добавила: «Бафомет!» Словно это был пароль или пропуск в окно. А там уже мелькали взвизгивающие от предвкушения тени...

— Так-так-так! — быстро проговорил Волков-Сухоруков, внимательно слушая Бижущего.

— «Полярные зеленые»... — тоже шепотом произнес Стоячий. — Они все — нежить! Хуже мухоморов. Живут без души и плоти, но в виде человека, своего обличья у них нет, ходят в личинах, не живут и не умирают, по сути, бессловесны, но могут быть и многословны, и болтливы, а произнося слова, выразить ничего не могут — лишь бред, бормотание, набор звуков.

— Так-так-так! Продолжайте.

Я тихо прикрыл дверь, не желая мешать умным людям. Оставался солярий. И вот там-то мы их и обнаружили! Они «загорали» в шезлонгах под ярким искусственным «солнцем», оживленно болтали и даже хихикали (!). Мишель Зубавин развлекал Анастасию свежими анекдотами, а на полу стояли бутылка шампанского и два бокала. Хорошо хоть не были в голом виде! Пилот, правда, без рубашки, с мощным торсом, а моя жена — в купальнике.

— Настя! — не удержавшись, воскликнул я. — Ну как ты можешь?

— О! — приветливо сказала она. — Ты нашел мою фиалку? А я ее где-то потеряла. Как мило.

— Здорово, отцы! — нахально произнес пилот-рейнджер. — Ничего, что мы тут решили немножко позагорать? На улице холодновато.

— Как вы открыли дверь в комнату Анастасии Владиславовны? — грозно спросил Левонидзе. — И кто вам, черт подери, позволил это сделать?

— А я и не открывал! — еще более нагло отозвался Зубавин. — Она сама открылась.

— Вы лжете!

— Сам дурак!

Пока они препирались, я велел Насте одеться. С одной стороны, я был крайне рассержен, но с другой — чувствовал, что Анастасия ведет себя вполне естественно, и ее душевная болезнь, кажется, вообще отступает прочь; а заслуга в этом не столько моя, как врача-психиатра, сколько таких людей, как Мишель Зубавин, — ей просто необходимо нормальное общение. И именно с нормальными здоровыми людьми.

Когда я провожал ее в апартаменты, она спросила:

— Не станешь меня больше запираешь?

— С завтрашнего дня, — пообещал я. — Сегодня прилетает твой отец.

— Не хочу его видеть!

— Боюсь, что это неизбежно. Постарайся не ссориться с ним. Будь поласковой. Надо уметь прощать.

— Хорошо, — послушно сказала она, как воспитанная школьница. И прижала фиалку к груди.

Это было очень трогательно, но я все же не мог не задать мучивший меня вопрос:

— Что у тебя было с этим пианистом? С Леонидом Марковичем? Действительно собиралась бежать с ним в Америку?

— Ну что ты! — улыбнулась она и рассмеялась. — Неужели ты подумал, что я могла тебя бросить? Моего любимого мужа? Просто мне в то время было очень скучно и одиноко...

— Тебе больше никогда так не будет, — сказал я и поцеловал ее.

Дверь за Анастасией я все же запер, вызвал Параджиеву и велел встать сторожем, как статуя Командора, чтобы этот донжуанистый вертолетчик больше не проник к ней. Сам поспешил в кинозал продолжать сеанс «психоигры», заданный Фрэнсисом Скоттом Фицджеральдом. У которого, кстати, в одном из романов — «Ночь нежна» — была схожая с моей проблема. Да и собственная жена страдала душевной неуравновешенностью. Любопытно, но именно об этом сейчас и говорила со сцены Зара Магометовна Ахмеджакова, предлагая собравшимся свою версию. Все они так увлеклись, что, видимо, не стали меня дожидаться. А теперь попросту не заметили. Но мне так было даже удобнее, и я скромно примостился в углу.

— ...Они же оба душевно больны, — горячо и страстно заверяла всех присутствующих поэтесса, — разве вы этого не заметили? Мужчина-литератор — или кто он там? — тупо смотрит в окно, а когда входит девушка, то даже не делает попытки заговорить с ней или хотя бы поприветствовать! Так ведут себя паралитики. Поэтому я исхожу из предположения, что он, действительно, разбит параличом. А девушка — сиделка, привыкшая не обращать на него никакого внимания. Так, качается что-то в кресле, живой труп. К тому же она сама сумасшедшая, свихнулась от такой работы. Дело происходит в хосписе. Вместе с главным врачом она занимается эвтаназией.

— Душит безнадежных стариков и старух в черных перчатках? — спросил Каллистрат.

— Делает инъекции, — поправила поэтесса. — А перед этим вынуждают пациентов написать на себя завещание. Или просто подделывают их подписи. Все это ожидает и

паралитика в кресле-качалке. Один из моих мужей вот так и скончался в госпитале. Я уверена, что ему сделали смертельный укол. Правда, сама-то я в наследство ничего не получила, кроме его лечащего врача, который стал моим следующим супругом.

— Сколько же их у вас всего было? — полубопытствовал Сатоси.

— Семь или чуть больше, — честно ответила Ахмеджакова. — Сейчас не помню.

— Как у Синей Бороды, только наоборот, — сказал Тарасевич. — Синий Чулок — так вернее. Однако продолжайте. Вам бы не стихи, а драмы писать. Размах есть.

— Спасибо.

— А при чем же тут две монеты, перчатки, спички? — спросил Парис.

— Сейчас объясню, Юрочка, не торопись. Не в постели.

Мне из моего «уголка» было хорошо видно, как при этих словах возмущенно дернулась голова актрисы: она-то, кажется, действительно влюбилась в молодого плейбоя, который годился ей почти в правнуки, а вот поэтессе было все по фигуре — и мужья, и любовники, будь они хоть живые, хоть мертвые. Последнее предпочтительнее.

— Мужчина-паралитик, как отработанный материал, должен умереть, и он знает это, — сказала Ахмеджакова, подтверждая мою мысль. — Но, собрав остатки разума, продолжает цепляться за жизнь. Вот почему в конце кинофрагмента взгляд у него более осмысленный, удивленный. Он не может понять, что смерть для него — благо, избавление. Как этого не может понять и принять никто, в силу человеческого естества. Пусть умрет сосед, я — потом. Женщины, в принципе, не лучше, но они хотя бы рожают, дают продолжение жизни. Хотя тоже порядочные суки.

— Не браво! — выкрикнула Лариса Сергеевна. — По себе судите, милочка!

— Ах, я вас умоляю! — сноровисто отозвалась Зара Магометовна, теребя свои бородавку-родинку. — Мы с вами об этом после потолкуем. И Юрочку пригласим в качестве третьей судьи. Его же у нас в столице Парисом кличут, не так ли? А кого там юный пастух из Трои судил — Афину, Венеру и Геру, кажется? Кому отдал предпочтение? Уж не такой Медузе-Горгоне, как некоторые из здесь присутствующих!

— Б... старая, — четко высказалась актриса.

— Можно подумать, что это мне говорит б... молодая, — парировала поэтесса.

Гамаюнов в темноте сполз с кресла на пол и там хихикал, зажимая рот ладонью. Спор переходил от Фицджеральда к началу Троянской войны, того и гляди, могли последовать вооруженные столкновения. Мне пришлось вмешаться, взяв на себя роль Зевса:

— Думаю, что пора передохнуть. А может быть, и закончить на этом. Давайте подведем некоторые итоги.

— Пора бы... Сказано достаточно!.. Хватит, — согласились со мной трое мужчин: Гох, Каллистрат и Сатоси. Физик демонстративно зааплодировал. Ахмеджакова сошла со сцены.

— Но что все же означал этот кинофрагмент? — спросила Лена Стахова. — Я так ничего и не поняла.

— А верного или хотя бы разумного ответа нет и не будет, — сказал я, выходя из темноты и поднимаясь на подиум. — Представьте, что мы «взяли» кусочек, три с половиной минуты из вашей личной жизни, Елена Глебовна, и стали рассматривать его под микроскопом, и что же? Ничего непонятно, нужен другой оптический прибор — телескоп. Смотрим. И опять ничего не видим, потому что человек — это и макро-, и микрокосмос одновременно. И он не поддается фрагментарному изучению. Нужен весь жизненный цикл, от рождения (от зачатия и даже раньше) и до смерти (и после нее). Мы же сейчас с вами

просто играли, фантазировали, пытаясь представить исходное и спрогнозировать будущее в отдельно взятой сценке, где есть двое: мужчина и девушка, есть черные перчатки, горящая спичка, две монетки, ключи и лживая фраза в телефонную трубку. Если хотите знать мое мнение, то все это, на мой, возможно, глубоко ошибочный, взгляд, несет у Фицджеральда некий символический смысл, хотя он и не стремился что-то зашифровать или подурочить читателя, либо самого себя: просто написал то, что написалось. Как это и случается у талантливых писателей и поэтов. Вот потому они порой и превращаются в пророков, сами того не желая. Ну, в самом деле: почему именно две монетки? Отчего девушка лжет? Должна ли погаснуть спичка и с какой целью нужно непременно сжечь черные перчатки? Какое действие перед нами было разыграно: осколок трагедии, фрагмент мелодрамы, отпечаток веселенькой мистерии? Или готическая фантазмагория? Я бы предпочел смешать все жанры, уж коли нельзя вычленить ни одного.

Я замолчал, а тишина в зале длилась еще около двух минут.

— Что ж, пожалуй, вы правы, Александр Анатольевич, — высказал общее мнение Тарасевич. И добавил: — Будем расходиться. А вот что касается прогнозов и пророчеств, то обращайтесь прямиком ко мне, к моей новой хронофутурологии. Могу, например, по секрету сказать, что в 2010 году сборная России станет чемпионом мира по футболу, а тренировать ее будет грек. В финале она выиграет у Марокко со счетом 2:0.

— Непременно обращусь, когда понадобится, — улыбнулся я. — Только сначала мне бы хотелось перекинуться с вами в... картишки.

— Уф-ф! — выдохнул Тарасевич и засмеялся. — Это ж надо! Так глупо проколоться.

Наш обмен репликами никому кроме нас не был понятен. Все уже потянулись к выходу из кинозала. В принципе, сеанс «психоигры» завершился продуктивно. Аналитической обработкой информации займусь позже. Но одно ясно: кое-какую рыбку из мутной воды я все же выловил.

— Потолкуем, Евгений Львович? — предложил я.

— Конечно! — весело откликнулся Тарасевич. — Всегда с удовольствием.

Мы остались в кинозале одни.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, ставящая много, еще больше, вопросов

Физик-ядерщик вытащил из кармана замусоленную колоду карт и произнес:

— В «очко» или «дурака», как прикажете?

— Ну уж дудки! С вами, полагаю, без кальсон останешься, — сказал я.

— Эт-то точно! — Он засмеялся в иссиня-черную, с проседью бороду. — Но я на деньги играть зарекся. Меня ведь даже в казино не пускают, я у них в каком-то там списке.

— Значит, это вы — тот самый карточный фокусник из ФИАНа, о котором сами же и проговорились?

— Конечно!

Тарасевич ловко — я не успел и глазом моргнуть — достал из колоды сразу четырех тузов и джокера. А потом, уже из моего кармана, — еще таких же четырех тузов с джокером.

— Практика, — скромно сказал он в ответ на мой восхищенный взгляд. — Долгие годы тренировок скучными вечерами в секретной лаборатории ядерного института. «Физики шутят», знаете ли. Во время вынужденного безделья чем только не займешься! В шахматах думать надо — это не подходит. Голова и так забита всякими схемами. Нужна разгрузка. А вот карты, пинг-понг, розыгрыши — самое милое дело, в это время и рождаются гениальные идеи. Эйнштейн, по слухам, выдумал теорию относительности, дрессируя любимую собачку, дразня ее косточкой. А наши шарашки в лагерях? Почитайте Солженицына.

Физик убрал колоду и усмехнулся.

— С этим мы разобрались, — сказал я. — А вот как быть с часиками Аллы Борисовны и зажигалкой Бижуцкого?

— Так и знал, что вы об этом спросите. Как догадались, Александр Анатольевич?

— Вчера, во время завтрака, вы пошли за второй чашкой кофе. Проходя мимо столика мадам Ползунковой, наклонились к ней и сказали что-то веселенькое. Часики лежали возле ее тарелки. У меня не было уверенности, что это именно вы. Имелись и другие подозреваемые. Но сегодня, когда вы обмолвились о карточном шулере и обручальном кольце...

Я взглянул на свой безымянный палец на правой руке: слава богу, кольцо было на месте. Тарасевич засмеялся.

— Мог, мог снять! — хохотнул он. — Да, признаюсь. Моя работа. И зажигалка тоже. И кое-что еще. По мелочи. Но потом я все вернул владельцам. Они и не догадывались. Или не хотели поднимать шум.

— А зачем? — спросил я.

— Разве не понимаете? — отозвался физик. — Да просто скучно! Томлюсь от вынужденного безделья. Вот и стараюсь сам себя развлечь. А заодно и вас.

— Поэтому и подбрасывали мне постоянно в карманы часики и зажигалку?

— Естественно, вам. Ради смеха. Хотелось понаблюдать за вашей реакцией. Не обижайтесь. Веселый я человек, вы это, наверное, уже давно заметили.

— Да уж, веселый, — согласился я. — А где здоровый смех, юмор, самоирония — там нет болезни. Это вам любой психиатр скажет. Зачем же вы тогда напросились в мою клинику? Поставим вопрос так. Вы же сами знаете, что абсолютно нормальны, а легкие невроты есть у каждого, я сам не исключение.

— А может быть, мне просто хочется немного отдохнуть? — сказал он. — Развеяться среди настоящих психов, в атмосфере дурдома?

— Вы опять шутите. Ложились бы тогда в Кашенко, а здесь вам не дурдом и психов нет. Есть люди с некоторыми слабо обозначенными душевными маниями, и все.

— Бросьте! — возразил он. — Что, разве этот поп-расстрига, грибоед Антон Стоячий не со сломанными транзисторами в голове? Или тот же Бижущкий? Или Ползункова? Я же тоже за ними наблюдал, изучал, общался.

— И вам, конечно же, было весело?

— Порой нет, — признался он, помолчав. — Мне по жизни приходилось иметь дело со многими идиотами. И среди ученых, и среди военных. Привык, адаптировался. Откровенный болван не так смешон и страшен, как тот, который притворяется нормальным, а тем более ежели он занимает высокий пост. И от него зависят другие, сотни тысяч, миллионы людей.

— Давайте серьезнее, — сказал я. — Что же все-таки заставило вас прийти ко мне?

Физик оглянулся на закрытую дверь, словно опасался, что нас могут подслушать. Теперь он, кажется, не «играл», а действительно был чем-то озабочен.

— Если честно и откровенно, то... электронно-магнитная пушка последнего поколения с биоэнергетическим ресурсом, — произнес Тарасевич, понизив голос. — Так называемая «ЭМБ-4». Вам это ни о чем не говорит, и не надо, — все равно не поймете, а целее будете. Я занимался разработкой этого оружия — суперсовременного, аналогов нет во всем мире! — в своей лаборатории. Наши мудрецы-умельцы еще на многое годятся, вот только штатники все воруют. Начали охоту и за этим прибором. Вокруг меня всегда терлись какие-то подозрительные типы, даже тогда, когда я ушел из лаборатории. Предлагали уехать в Америку, обещали реальные миллионы долларов, исследовательский центр в Неваде, даже намекали на возможность получения Нобелевской премии. В последнее время вообще началась какая-то сплошная круговерть. Постоянная слезка, прослушка телефона. Я даже не мог понять: наши или «ихние»? Чья служба взяла меня под контроль? Мне в общем-то плевать, я свое пожил, да и сделал немало, и ни в какую Америку на старости лет не собираюсь. Но и попадать случайно под машину не хочется. Один из «наших», мой приятель, посоветовал мне временно исчезнуть. А лучшего места, чем ваша клиника, я не нашел. Тихо, спокойно, уютно. То, что надо. Лучше не придумашь. Вот вам и мой ответ. Другого не будет.

— Тишина и уют порой бывают очень обманчивы, — произнес я. — Вам, как физику, лучше других известно, какие скрытые цепные реакции протекают в ядерном котле.

Я не знал: верить его словам или нет? Может быть, он снова обманывает?

Впрочем, ко лжи и обманам со стороны моих пациентов мне было не привыкать; напротив, я скорее бы удивился, если бы кто-нибудь из них стал рассказывать чистую правду о себе, своем прошлом, нынешнем состоянии, мечтах. Форма самозащиты, ничего более. Желание укрыться за маской, а некоторые, даже саморазоблачаясь, снимали одну личину за другой, так и не доходя до сути — до своего истинного лица. Кому хочется увидеть подлинное чудовище в зеркале? Или, наоборот, — принца, принцессу, считая себя всю жизнь уродом? Это ведь тоже оборачивается определенной душевной травмой, отторжением своего нового облика, когда человеку невозможно доказать, что он — прекрасен, умен, талантлив и его могут, должны, обязаны любить.

Вот взять, например, Елену Глебовну Стахову. Она как раз сейчас сидела передо мной в комнате с фальшивым камином и рассказывала о своей жизни. Ей было необходимо

выговориться, и я внимательно слушал, хотя порой мои мысли уходили в сторону. В сущности, ее судьба мало чем отличалась от судеб девушек и молодых женщин этого «пепсиколовского поколения», чье взросление пришлось на девяностые годы и чьим жизненным кредо было стать любовницей олигарха, фотомodelью или на худой конец валютной проституткой. Просто другим повезло гораздо меньше, и они окончили жизнь в турецких борделях. Стахова даже успела получить высшее образование, что уже само по себе неплохо. Но потом — все как по расписанным именно для этого поколения нотам: презрение к нравственным ценностям, жажда красивой жизни, денег, постоянное унижение, грязный секс, отрицание любви, Бога, пустота в душе, алкоголь, наркотики, мерзость запустения... Была панель на Тверской, съемки в порнографических киношках, массажный салон с эротическими услугами, вызовы к богатым и известным клиентам; затем переход на более качественный уровень — политики, олигархи, министры. Был даже один бывший генеральный прокурор России.

— ...Я знала, что меня подставляют, используют, — говорила Елена Глебовна. — Что ведется съемка скрытой камерой. Но это как бы входило в «контракт». И я старалась, как могла, чтобы этот прокурор выглядел на экране как можно более отвратительней, слюнявей. К тому же я была не одна, еще две девицы. Потом прокуроришка слетел со своего поста, а я получила десять тысяч баксов. Скажете плохо — заработать такую приличную сумму за одну ночь?

— Не скажу, — отозвался я. Интересно, что за «композитор» расписал «ноты» для этого поколения? Какой ядовитый раствор пепси влил им в рот? Где находится его химическая лаборатория? Уж точно, не в России. Здесь, как фантомы и призраки, бродят лишь верные слуги этого композитора-алхимика, послушные исполнители его воли. А ведь Леночка Стахова ровесница моей Анастасии! Но кто придет после них, через десять-пятнадцать лет? Когда, возможно, если исходить из «хронофутурологии» Тарасевича, и самой России-то, как государства, уже не станет? Нравственные монстры, нежить без обличья, пасынки Бафомета, за которым безуспешно гоняется Волков-Сухоруков, или «новые люди», существа «высшего порядка», отринувшие равно и добро, и зло, весь гибнущий мир, а заодно и собственные души, — беспощадные воины грядущего, последнего Сражения?

Елена Стахова перечисляла столь известные фамилии своих любовников, что у иного слушателя захватило бы дух. Но только не у меня, я-то видел в ее глазах пустоту, тоску, отчаяние.словно выжженное поле, на котором когда-то росли цветы. Теперь их смяли, вырвали с корнем, прошились катком, покрыли асфальтом. Чтобы ни один росток не смог больше пробиться сквозь его толщу. И это было для меня самым горьким. Как будто я сам присутствовал на похоронах.

— ...В конце концов, — говорила Стахова, — я подумала: почему бы мне самой не вести кое-какие съемки, диктофонные записи? Пригодится на черный день. Шпионской аппаратуры сейчас — в любом магазине, с баксами проблем не было. Я с азартом включилась в игру. Мои клиенты-любовники, занимая самые высокие посты, вели порой со мной такие откровенные и любопытные беседы! Закачаетесь, Александр Анатольевич.

— Уже едва не падаю со стула, — пошутил я. А всерьез добавил: — Но вам нужно выбросить эти документы. Сжечь, растворить в серной кислоте. Избавиться, как от ненужного хлама. Вы же не собираетесь никого шантажировать?

— Нет, не думаю, что мне это удастся, — растерянно сказала она. — Да я и не хочу. Знаю, насколько это рискованно. Мне, если честно, вообще хочется забыть прошлое. Уехать

куда-нибудь. Хоть на Чукотку. Начать жизнь снова. Или так не бывает?

— Бывает. Постоянно, всегда, испокон веков миллионы людей начинали жизнь снова, и у них это получалось. Преображение, а по существу, — Воскрешение, как явил всем нам Христос, — из омертвелой души, вроде вашей. Мария Египетская была великой блудницей и богохульницей, но пришла к раскаянию, а ныне прославлена как святая. Вот вам пример, что человеку все по силам, все в его руках, никто до смертного часа не отринут, не ввергнут живым в ад, не ходит с печатью отверженного на лбу, не проклят Богом. А вы — сильная женщина, это видно. Главное, самому страстно желать исцеления. У вас это непременно произойдет, если захотите. Даже не потребуется моя помощь.

— Вы говорите прямо как священник, — с коротким смешком сказала она. — Или как мой отец, он тоже вечно наставлял меня на путь истинный. А сам изменял матери, имел вторую семью, я-то знаю, видела их на улице, с коляской. Интересно, кто это был: мой брат или сестра? Но с тех пор я поняла, что всюду — ложь.

— Всюду — жизнь, — поправил я. — Помните картину Ярошенко в Третьяковке? Люди из-за решетки смотрят на голубей и радуются. Потому что радость и любовь действительно всюду, мы просто не замечаем, не хотим видеть этого. Равнодушны к чужой боли и презираем чужую радость. А вы полюбите любовь, разлитую в мире. И отправляйтесь на Чукотку! — решительно добавил я, замечая, что мои слова не пропали даром: лицо ее как-то оживилось, посветлело. — Но сначала уничтожьте пленки. Там они вам не понадобятся, будут продолжать давить на душу, как могильная плита.

— Я уже давно решила — куда их деть, — весело сказала она. — Насчет Чукотки, не знаю, это я просто так лягнула, скорее всего, поеду куда-нибудь в Бразилию, куплю там себе бунгало и выйду замуж за тамошнего дона Педро — их в Рио как собак нерезанных, а вот пленки, фотки и свой дневник отдам вам.

Стахова вытащила из сумочки плотный сверток, перевязанный ленточкой. Протянула мне.

— Делайте что хотите, — произнесла она и с каким-то облегчением выдохнула: — Уфф! Действительно, словно груз с плеч свалился.

— Но... — начал я и повертел сверток в руках.

— Никаких — «но»! — строго сказала она и погрозила мне пальчиком. — А то я перестану вам верить. Не разочаровывайте меня хотя бы вы.

Затем быстро поднялась и вышла из комнаты. Я не успел ни возразить, ни остановить ее.

У меня не было ни малейшего желания вскрыть сверток и взглянуть на компромат, собранный Еленой Глебовной на «ниве любви». Хотя бы одним глазком. Я просто засунул его (первое, что пришло на ум) в фальшивый камин, за искусственные поленья, решив уничтожить, как только представится возможность. Потом подошел к окну, замороженный полуденным солнцем, которое заливало весь парк золотыми лучами. Стахова уже вышла из дома и направлялась к пруду, а возле нее увивался неугомонный вертолетчик, что-то болтал и похохатывал. Смеялась и Леночка.

— Всюду жизнь, — повторил я шепотом. Будто и был тем самым арестантом с картины Ярошенко. Вот только как я умудрился запереть себя добровольно в «тюрьму»? И почему тоже не радуюсь просто свету, осеннему полдню, людям — какими бы они странными, несовершенными, плохими, а порой и враждебными мне ни были; почему пытаюсь разобрать их на кубики, колесики, механические железки, схемы, атомы, заглянуть в самое

нутро, надеясь обнаружить марку фирмы-изготовителя? Почему сам прячусь от любви? И не хочу, боюсь в этом признаться? Я попросту жалкий трус, коли решил остаток жизни провести в Загородном Доме, подглядывая в фальшивые зеркала-окна...

— Можно? — раздался позади меня женский голос. Это была мадам Ползункова.

— Ну конечно, Алла Борисовна, заходите! — радушно отозвался я. Она оставила дверь полуоткрытой. На ее руке блестели золотые часики. Надеюсь, теперь Тарасевич перестанет озорничать.

— Принцесса мертва, — объявила вдова почти торжественно, как безутешная шекспировская королева. И вытерла платком накатившую слезу.

— Вы... нашли ее тело? — задал я идиотский вопрос. Словно тоже играл в «Гамлета», а речь шла об утонувшей Офелии. «Розенкранц и Шильденстерн мертвы!»

— Нет, но я знаю.

— Как же вы можете «знать», Алла Борисовна? — немного успокоился я. — Да бегают где-нибудь. Я, правда, не специалист по кошкам, но... Все образуется, найдется. Вы только не падайте духом.

Мне самому было противно лгать, но что прикажете делать в подобной ситуации? В таких случаях правда гораздо хуже и опаснее обмана. Тем более для человека с душевной неуравновешенностью. Впрочем, правда вредна практически всегда, потому что она почти никогда не соответствует истине. Как и ложь, разумеется. Истина — над ними.

— Вы напрасно утешаете меня, я выдержу, — сказала мадам, перестав промокать глаза. — Перенесла же я смерть своего несчастного супруга? А уж как меня только не утешали его друзья, особенно господин Шиманский!

— Позвольте... разве Владислав Игоревич был... — снова удивился я: это явилось для меня новостью.

— Да, он занимался бизнесом вместе с моим мужем, был его компаньоном, — отмахнулась она от прошлого, от супруга и Шиманского, словно они были назойливыми осенними мухами: все ее мысли сейчас занимала только Принцесса. — Почему я так уверена в ее гибели? А потому, дорогой Александр Анатольевич, что она пришла ко мне во сне ночью и прыгнула на грудь!

«Ночью вам на грудь прыгнул Парис-Гамаюнов», — подумалось мне, но я не стал об этом говорить вслух. Лишь изобразил глубокое понимание.

— А нечто подобное произошло и после смерти мужа, — продолжила Ползункова. — Едва его застрелили, он трижды являлся ко мне в предутренние часы и тоже прыгал в постель. Три ночи подряд! Понимаете?

Мое лицо было каменным. Я давил в себе рвущиеся наружу эмоции.

— Я сделала вывод. Значит, Принцесса тоже убита. Злодейски, как и мой бедный супруг. И теперь еще две ночи будет приходиться ко мне и прыгать на голову.

— На грудь, — поправил я.

— Это смотря на каком боку я сплю, — возразила мадам. — Зависит от расположения тела. Во вторую ночь после убийства муж прыгнул мне на спину, потому что я лежала на животе. А в третью...

Мы, наверное, еще долго обсуждали бы эту проблему: кто и как «прыгал» на нее ночью, если бы сама Алла Борисовна вдруг что-то не вспомнила.

— Но ведь я пришла сказать о другом! — всплеснула она руками. — Дело в том, что я решила переписать свое завещание.

— Вот как? — Я в общем-то был готов к этому. Поскольку непостоянство — отличительная и наиболее характерная черта моих пациентов.

— Да, все изменить, — подтвердила она. — Я думала, что Принцесса меня переживет, но теперь... теперь...

Ползункова вновь достала платок и начала вытирать слезу. Я терпеливо ждал. Ждал и... Левонидзе, чья голова просунулась в полуоткрытую дверь. Я молча и досадливо показал ему кулак. Алла Борисовна наконец-то немного успокоилась и решительно закончила:

— Теперь я все свое состояние завещаю приюту для бездомных кошек. Это будет копия Петергофского дворца, а у входа я хочу установить памятник Принцессе — из какого-нибудь благородного металла, платины, например. Думаю, заказать это Церетели.

— Принцесса будет метров пятнадцать в высоту? — спросил я.

— Пожалуй, — согласилась она. — Денег на это я не пожалею.

— Что ж, воля ваша, — сказал я, понимая, что десять миллионов долларов, которые вдова хотела завещать клинике, безнадежно уплыли в приют для бездомных кошек. Жаль, они были мне жизненно необходимы, чтобы погасить все кредиты и решить прочие финансовые затруднения. И очень жаль, что я не выбрал профессию скульптора-монументалиста.

— А сейчас я пойду посижу в своем любимом гроте, — мило улыбнулась мне мадам Ползункова, как будто ничего и не случилось, словно она только что, в одночасье, не сделала меня и мою клинику практически банкротом.

Алла Борисовна помахала мне ручкой и неторопливо вышла из комнаты. В помещение почти сразу же ворвался Георгий Левонидзе.

— Вот ведь сердцем чувствовал, что она выкинет какую-нибудь подлянку! — заговорил он, сотрясая воздух сжатыми кулаками. — Глаз с нее не спускал, ходил следом. А кто же знал, что у нее в башке? Приют для шелудивых котят! Дворец из чистого золота! Церетели! Фонтаны из топленого молока! Ид-диотка... Хорошо еще, что не успела съездить к нотариусу, оформить. Надо ее остановить, Саша.

— Не надо было накалывать на кактус Принцессу, — заметил я. — Тогда бы клинике достались твердые десять миллионов. А теперь — шиш. Сам виноват. И вообще, веди себя тише. Не пили воздух руками.

— Нет, надо что-то делать, предпринять что-то, как-то изменить ситуацию!.. — твердил мой помощник, меряя шагами комнату. Казалось, он даже и не слышал моих слов.

— Поздно, — сказал я вполне равнодушно.

— Ничего не поздно! — Георгий уставился на меня, будто впервые увидел. — Да, я совершил ошибку с этой... кошкой. Но мне же ее и исправлять.

— Что ты задумал? — Тут уж я немного забеспокоился: у него был слишком возбужденный вид. Глаза пылали каким-то безумным пламенем.

— Она сейчас в гроте? Пойду поговорю с ней для начала.

— Не вздумай. Ты же себя с головой выдашь. Тебе надо успокоиться. Выпей валерьянки. Изменить уже ничего нельзя.

— Можно! — вдруг очень хладнокровно произнес он. И добавил: — Ты только мне не мешай.

Попробуйте остановить бронемашину, которая уже набрала скорость? Мне это сделать не удалось. Левонидзе выскочил из комнаты, едва не сбив с ног поэтессу, также явно чем-то взволнованную.

— Полоумный! — процедила сквозь зубы она. — Даже не извинился. Куда это ваш друг так торопится? Котировки акций упали?

— У него срочное деловое свидание, — ответил я. Мне хотелось догнать его, но пройти мимо Ахмеджаковой не получилось. Она ухватила меня за руку и помахала перед лицом большим желтым конвертом.

— Смотрите, что я получила из Америки! — возмущенно сообщила Зара Магометовна. — С моего московского адреса переслали сюда.

— Может быть, потом? — предложил я. Это было ошибкой. Никогда нельзя отказывать пациенту, когда он приходит к тебе с какой-то просьбой или просто выговориться. Но я был очень встревожен поведением Георгия. Ахмеджакова изменилась в лице, обиженно поджала губы.

— За что же я плачу вам деньги? — с вызовом сказала она. — За удовольствие каждое утро видеть вашу глухонемую мегеру с выпяченной губой? Я ее просто-таки ненавижу. Я боюсь. Мне кажется, она хочет меня удушить. Сегодня же съеду из вашей клиники!

— Присаживайтесь, — мягко сказал я. — И прошу прощения. А на Параджиеву не обращайтесь внимания и не опасайтесь, она идеальная медсестра. Мухи не обидит. Так что за письмо вы получили из Штатов?

— Мухи... — повторила раздраженно Ахмеджакова, но все же уселась в кресло. — Мухи, может быть, и не прихлопнет, но когда она меняет мне постельное белье и держит в руках подушку, у нее такой жуткий взгляд... что меня мороз продирает по коже!

«Не надо каждую ночь мочиться в кроватку», — хотелось сказать мне; я бы, на месте Параджиевой, тоже страстно желал бы задушить такого энурезного пациента.

Между тем поэтесса вытащила из конверта ксерокопию фотоснимка. На нем была запечатлена она сама, но все лицо — в мелких рваных дырочках. Как решето.

— Смотрите! — сказала Ахмеджакова, бросив снимок на стол. — Полюбуйтесь, что прислал мне мой бывший муженек, Гельманд!

— Это тот, в инвалидном кресле? Который бросает дротики? — Я стал разглядывать ксерокс на свет.

— Ну! Он. С-скотина. Морда жидовская.

— Не надо так.

— А что мне прикажете думать? Прислал какой-то дуршлаг, издевается, унизил мой божественный лик, а я должна выбирать выражения, еще и жалеть его? Поеду в Штаты и сломаю ему правую руку. Которой он метает дротики. И левую тоже, на всякий случай. Нет... Я лучше дам некролог в газете о его смерти. Скоропостижно скончался от простаты великий русскоязычный драматург, и так далее. И пошлю вырезку ему. Потом буду эти некрологи публиковать каждые три месяца — у меня много знакомых главных редакторов...

Я еще примерно около сорока минут выслушивал Зару Магометовну, пока она немного не утомилась, даже порозовела от облегчения. Но весь поток ее брани застрял во мне. Так оно всегда и бывает — я принимаю на себя весь негатив своих пациентов.

— Пойду слагать стихи, — с воодушевлением сказала она. — Из меня сейчас так и льется, так и льется!..

Она упорхнула, а я, немного подождав, сам торопливо покинул комнату с фальшивым камином. И направился через парк к гроту.

Сначала мне навстречу попались увлеченные беседой Тарасевич и Кадлистрат, затем — одиноко прогуливающийся Сатоси, а за ним — будто выскивающий что-то на земле

Бижуцкий. В теремке весело болтали пилот Зубавин и Лена Стахова, рядом застыл, прислонившись к дубу, Стоячий, а из-за кустарников выглядывал Волков-Сухоруков, чье присутствие можно было обнаружить и по дымку из трубки. Еще кто-то (я не успел разглядеть) свернул с аллеи при моем приближении на боковую тропку и быстро скрылся. Когда я выбрался на дорожку, вдоль которой росли мексиканские кактусы, то увидел Левонидзе. И сразу понял, что случилось нечто непоправимое...

Он шел, покачиваясь, словно был пьян. Одежда запачкана известью, волосы всклокочены, лицо тоже измазано грязью. Но главное — кровь. Она была на ладонях, подбородке, воротнике рубашки и коленках. Я испугался, что сейчас Левонидзе налетит на один из кактусов, напорется — так сильно его шатало. Ринувшись вперед, едва удержав его тело от падения, я сильно встряхнул моего помощника. Он несколько пришел в себя, узнал меня и прошептал:

— Я... я не убивал ее... это не я...

— Что случилось? — тоже шепотом спросил я. — Где Ползункова?

— Там! — Георгий махнул рукой и сторону грота. И добавил: — Я оттащил ее вниз... еще глубже, в пещеру... в катакомбы...

Мне пришлось снова потрясти его, чтобы он окончательно пришел в чувство.

— Говори, — произнес я. — Все как было.

Здесь, на дорожке между кактусами, оставаться было неразумно, опасно — я повлек Георгия за собой к гроту. Мне надо было увидеть все своими глазами. По пути он стал рассказывать:

— Я хотел лишь убедить ее в глупости этой затеи — приют для бездомных кошек! В стране столько нищих, куска хлеба не имеют, а она... Церетели! Но поверь, Саша, у меня даже в мыслях не было ее убивать!

— Ты успел с ней поговорить?

— Нет. Когда я вышел из дома, меня остановила Харченко, пристала с какой-то ерундой: дескать, пусть закажут в фильмотеке ее старые ленты, она хочет устроить общий кинопросмотр — для всех, будто кто-то так и жаждет видеть ее рожу с экрана — вживую-то уже надоела!

«Это она ради Гамаюнова старается», — подумал я, продолжая внимательно слушать сбивчивый рассказ Левонидзе.

— Едва я от нее отвязался — попался «под ноги» Гох, этому, видите ли, нужен новый рояль, у прежнего клавиши фальшивят, разохлись. Вот прямо вынь и положи! Все бросай и беги в музыкальный магазин! Вот ур-роды, как ты с ними только управляешься?

— Потому я и психиатр, а ты хозяйственник и следак.

«А еще, возможно, и убийца», — мелькнула у меня мысль.

— Я потерял, наверное, полчаса, — продолжил Георгий; мы уже подошли к гроту. Площадка перед ним была вся затоптана. — Ко мне по дороге прицепился Бижуцкий со своей дурацкой историей, которую он так никому и не может дорассказать. Я его прогнал, а когда вошел в грот, то... увидел ее. Она сидела на скамейке, но была вся в крови. Горло перерезано. От уха до уха. Голова еле держалась. О черт! Уж чего только я в жизни не видел, но это... Не для слабонервных.

Мы вошли в грот — я первый, Левонидзе за мной. Скамейка теперь была пуста. Но на ней, на земле и на каменной стене — следы крови. В глаза бросалась и надпись, сделанная также кровью на низком потолке грота: «Врата ада», а от нее вела жирная стрелка по

направлению к лазу. Вход в катакомбы, которые бог знает где кончаются, может быть, в центре Земли, действительно у порога преисподней.

— Я испугался, — промолвил Георгий, поймав мой вопросительный взгляд. — Помочь ей было уже ничем нельзя, а на меня, сам понимаешь, пало бы первое подозрение. Все знают, весь обслуживающий персонал, как я к ней относился! Терпеть не мог. Да еще это завещание! Ты же сам стал бы меня обвинять. Не пойму, что на меня в тот момент нашло. Я потащил ее вниз, через лаз, в катакомбы. Решил спрятать в каком-нибудь соляном штреке.

— И спрятал?

— Да. Что же теперь будет? Что делать?

Я молчал, поскольку сказать мне было просто нечего. Самые разные мысли крутились у меня в голове. Главное — лжет Левонидзе или говорит правду? А если все так и было, как он говорит, то кто же убийца?

— Я не убивал, — вновь повторил мой помощник.

— У тебя есть фонарик? — спросил, наконец, я, нащупав в кармане спички. — Полезли, покажешь мне, где ты спрятал тело.

Когда мы спустя какое-то время выбрались из мрачных, сырых катакомб и покинули грот, ослепленные ярким Солнечным светом, то окружающий мир, показался мне в сравнении с подземельем подлинным раем. По крайней мере, вдохнул я чистый свежий воздух с огромным облегчением. Откуда-то издалека доносились звуки бубна и надрывный плач гитар.

— Ну, и что скажешь? — хмуро спросил Левонидзе. — Думаешь, это дело рук цыган?

— Я пока вообще ничего не думаю, — отозвался я. — Никаких предположений у меня нет. И совершенно не представляю, что теперь делать. Но факт остается фактом: Ползункова убита. И произошло это в нашей клинике. Репутация Загородного Дома погибла окончательно. Однако в любом случае оставлять там, в соляном штреке, труп нельзя, не по-человечески.

— Что же ты предлагаешь — вытащить его и отнести в дом? Да меня сразу же Волков-Сухоруков и арестует. А заодно, может быть, и тебя. А когда вскрыется завещание, то для суда все станет яснее ясного: прямой мотив зарезать ее имелся только у нас. Ну, ты, возможно, еще и отвертишься, а вот я... Меня точно посадят. Все улики против. — И он поглядел на свои испачканные в крови руки.

— Тебе, прежде всего, не мешало бы помыться, — сказал я. Впрочем, сам я сейчас выглядел несколько не лучше. Тоже измазался, пока мы блуждали по катакомбам, а потом осматривали тело.

Я не криминалист и никаких выводов от увиденного сделать не мог. Но мне, как врачу, было понятно, что убили Ползункову острым длинным предметом, скорее всего, армейским ножом, в сердце, а потом перерезали горло, причем убийца в это время находился сзади, поэтому кровь из артерии выплеснулась на стену и землю, а не на него. Так режут баранов, чтобы не запачкаться. Все говорило в защиту Георгия. Действительно, зачем ему, если это он совершил столь хладнокровное и профессиональное убийство, тащить труп куда-то в катакомбы, заведомо зная, что весь измажется кровью жертвы? Глупо. Если только в этот момент на него не нашло помутнение рассудка. Левонидзе в это время, как оказалось, думал о том же.

— Убийца зарезал ее, как свинью, — грубо сказал он. — И спокойненько удалился. Даже не оставив никаких следов. Это — мастер своего дела. Говорю тебе, как бывший

следователь прокуратуры. Ушел, а нам оставил расхлебывать.

— Ты забыл о надписи, — произнес я. — «Врата ада». И стрелка, указывающая на лаз в катакомбы. Зачем это?

Левонидзе пожал плечами.

— Ненормальный, одно могу сказать, — отозвался он. — Маньяк. Кто-то из наших пациентов. Или этот загадочный Бафомет, которого с фонарем и лупой ищет Василий.

— Да, Волков-Сухоруков может порадоваться, — заметил я. — Его теория, что Бафомет здесь, прячется где-то в клинике, почти подтвердилась. А ты обратил внимание на то, что у Ползунковой на руке не было часов?

— Золотой «ролекс»? Да, верно. И дорогих жемчужных бус тоже.

— И сережек с изумрудами.

— А ты глазастый! — похвалил меня Левонидзе. — Выходит, ограбление? Ее украшения стоят приличных денег. Любой бродяга польстится. Те же цыгане. Они все — воры.

— Дались тебе эти ромалы! Они сейчас плясками заняты, с самого утра. Некогда лазить через заборы. Тем более же убивать. Да и других бродяг тут нету.

— А Каллистрат? Он же бомж. С темным прошлым.

— Он бомж интеллигентный, бывший профессор, марксист-философ. На злодея ничуть не смахивает. А ты уже начинаешь искать и обвинять кого попало.

— А что остается делать? Убийца здесь, где-то среди нас, в клинике.

В этом я был с ним полностью согласен.

— Мы должны сами найти его, — сказал я. — Сегодня суббота, завтра воскресенье, у нас в запасе есть один день. Если к понедельнику не управимся, то придется сообщать в милицию.

Левонидзе молча кивнул головой. Соблюдая предосторожность, стараясь никому не попасться на глаза, мы обошли вдоль забора территорию клиники и вышли к хозяйственным постройкам, через которые можно было пройти в Дом. Затем разошлись по комнатам, чтобы помыться и переодеться. Не знаю, как у Георгия, но у меня на Душе было очень скверно.

Приведя себя в порядок, я заперся в кабинете-лаборатории, чтобы в тишине обмозговать происшедшее. До обеда оставалось еще некоторое время. Несмотря на бессонную ночь, я сконцентрировался и заставил себя думать спокойно, просчитывая все возможные варианты. О какой усталости могла идти речь, когда в сотне метров отсюда, под землей, лежал труп несчастной миллионерши? Единственное, что меня немного утешало, — Церетели останется без очередного грандиозного заказа на монументальное изваяние Принцессы. Ничего, ему работы хватит.

Итак, первым делом необходимо было самым тщательным образом просмотреть медицинские показатели по всем без исключения нынешним пациентам в клинике. К моему удивлению, компьютер не работал. Кто-то умудрился вывести его из строя. Мало того что «полетела» вся система видеослежения, так теперь еще и это! «Просто какой-то диверсант орудует», — подумал я. Это уже выглядело весьма и весьма странно, если не сказать больше. Что следует ждать дальше? Отключат электроэнергию, перебьют телефонный кабель? Чувствовалось, что Загородный Дом сжимают в какое-то кольцо, душат в смертельных объятиях. Берут в осаду по всем правилам военного искусства.

Но хорошо хоть, что я всегда дублирую компьютерные файлы на бумаге. По старинке. Я вообще человек консервативных взглядов и люблю пользоваться простым пером и

блокнотом. У меня есть своя личная картотека в сейфе. Она была на месте. Выставив ящичек на стол, я начал перебирать и просматривать записи. Цель работы заключалась в том, чтобы обнаружить в них то, что прежде как-то ускользнуло от моего внимания, вычленив скрывающуюся суть, очистить ее от словесной шелухи, найти убийцу. Или хотя бы определить человека, способного быть им. Ведь, в самом деле, не невидимка же он? Не существо из подземного ада, именующее себя Бафомет? Я в это слабо верил.

Пятнадцатый, потаенный камень из сада в Рёандзи, о котором вчера вечером говорил Сатоси, реально существует, но его можно обнаружить лишь сверху. Из любой другой точки вы сосчитаете только четырнадцать камней. Поэтому, чтобы увидеть убийцу, мне надо «подняться над ним», изменить алгоритм мышления, посмотреть на происходящие события с совершенно иного ракурса.

И я сделал это...

Прошло, наверное, больше часа, прежде чем я завершил работу с картотекой. Пора было подводить предварительные итоги. Сейчас все мои клиенты и гости собрались в столовой — шло обеденное время. Сам я есть не хотел, но мне было необходимо там попристутствовать. Я должен был сопоставить выводы со зрительным рядом, поглядеть каждому в лицо, почувствовать «пульс» преступника. Заперев бесценную картотеку в сейф, отправился в столовую. Я сел за крайний столик у двери и попросил официантку (молоденькую простушку из соседнего поселка) принести крепкий чай с лимоном. Приходящих из деревни работников я исключил из списка подозреваемых. Ну не станет же повар или уборщица, занятые по горло на кухне и в номерах, выслеживать с ножом мадам Ползункову, поджидать ее в гроте? Или эта милая, вечно стеснительная официантка? Нет, обслуга тут ни при чем. Тогда кто же? Не тот ли, кто предстал мне ночью в бассейне в зеленом балахоне, бахилах и маске?

За соседним столиком сидел Леонид Маркович Гох и вяло ковырял ложечкой в манной кашке. У несостоявшегося любовника моей жены был друг, о котором он намеренно рассказывал, по фамилии Бафометов. После его странного исчезновения (убийства?) все в комнате было перевернуто, на полу и стенах следы крови и загадочная надпись, предположительно на древнеарамейском. Уж не «Врата ада» ли, как в гроте? Этот Бафометов, по словам Гоха, как бы преследует его, видится ему в толпе, среди зрителей, на гастролях. Вроде бы, у него даже изменена внешность. Пластическая операция? Смена пола? А если предположить... но пока я оставил эту внезапно мелькнувшую мысль. Слишком уж она казалась невероятной.

Дальше расположились двое — Тарасевич и Бижущкий, оба с аппетитом приканчивали харчо. Евгений Львович, конечно, шулер и фокусник, мастер розыгрышей, но на убийцу никак не смахивает. Либо это уж слишком злая «шутка». Но при всем этом он очень расчетлив, умен и хладнокровен. В чем-то даже весьма циничен. А разве физики-ядерщики, отцы водородных и прочих бомб, создатели суперсовременного оружия, не убийцы? Что бы там они ни говорили в свое оправдание. Но одно дело — массовое уничтожение людей и совсем другое — конкретного человека.

Теперь Бижущкий. Борис Брунович недавно, когда я застал его ночью в оранжерее с Анастасией, рассказывающего свою бесконечную историю, что-то упоминал о «Вратах ада». Потом, в бильярдной — перед Стоячим и Волковым-Сухоруковым — о Бафомете. И опять же — «хряк», маски, Гуревич, Некто и Нечто, шабаш, сплошная мистика. Что здесь принять за болезненное воображение, вымысел, а что взять за данность? Не следует упускать из виду

и полнолуние, особенно сильно влияющее на чувствительную нервную конституцию Бижуцкого.

За следующим столом оказались две непримиримые дамы, накануне «поцапавшиеся» в кинозале: Лариса Сергеевна Харченко и Зара Магометовна Ахмеджакова. Сейчас они вполне светски общались и даже улыбались друг другу, приступив к десерту. Детство и юность актрисы, подумал я, прошло в притоне, а в старости люди возвращаются к своим истокам; к тому же она могла прикончить мадам Ползункову из ревности, учитывая ее страстно вспыхнувшую любовь к Парису. А поэтесса могла сделать то же самое просто из-за своего вздорного и неподдающегося никакому внутреннему контролю характера. В качестве примера этому выступала целая галерея ее усопших и покуда живых бывших супругов.

Мой взгляд остановился на веселой компании, разместившейся рядом: Олжас, Гамаюнов и Каллистрат. Казах, возвратившийся от цыган, рассказывал что-то забавное (Топорковы остались в таборе, празднуня незнамо что, вместе с Николаем Яковлевичем и Маркушкиным). Каллистрат имел действительно темное прошлое, «Чистая доска», на которой было трудно что-то прочесть. Гамаюнов-Парис «пользовал» сразу трех женщин в клинике — актрису, вдову и поэтессу. Кроме того, за ним тянулся тяжелый и трагический шлейф из отрочества: случайно застрелил старшую сестру. Олжас вообще мог оказаться Нурсултаном, людоедом-маньяком, да еще близким к «белой горячке». Словом, веселого тут мало, хотя сидящие за этим столиком похохатывали.

Далее пили кофе Сатоси и Стоячий. Что можно сказать о маленьком японце? К сожалению, вынужден был признать — ничего определенного. Он попросту не поддавался изучению, аналитическим разработкам. То же самое, в определенной степени, касалось и Антона Андроновича. В голове у него были то грибы, то Полярные зеленые, то иные конспирологические тайны, а то и Бафомет. Иногда он говорил вполне разумные вещи, можно было заслушаться: дар бывшего священника и проповедника. А ведь расстриги сжигают за собой мосты.

Еще один столик. Здесь вовсю кокетничали и флиртовали. Верховодил Мишель Зубавин (не могли же мы оставить его без обеда?), возле него чувствовали себя весьма уютно Елена Стахова, Жанна и Жан. Своих ассистентов я тоже включил в список подозреваемых. Нетрадиционная сексуальная ориентация порой заводит на преступный путь — это происходит с такими людьми гораздо чаще, чем с теми, у кого обычные предпочтения в интимной сфере. Психиатрия дает на этот вопрос однозначный ответ. А вот где был во время убийства шлемоблещущий пилот? Стахова употребляет наркотики — тоже немаловажная деталь.

Последний столик — за ним сидели мой помощник и Волков-Сухоруков. Насчет Георгия я боялся ошибиться: все же мы долгое время вместе, привязаны друг к другу, начинали это дело сообща. Но он убил Принцессу. У него было десяток причин прикончить и хозяйку кошки. Конечно, он оставался главным подозреваемым. Однако эти «главные», как правило, оказываются в конце концов ни при чем. Слишком уж все на нем сходится. Так просто не бывает.

Что я знаю про Волкова-Сухорукова, служителя закона? Год назад его дочь задавил какой-то «новый русский». Предположим, что это был супруг мадам Ползунковой, нефтяной магнат. Сначала он ушел от правосудия, потом его пристрелили. Мог ли сыщик отомстить вдове? Почему бы и нет? Все возможно.

Размышляя таким образом, я ощущал себя тем фицджеральдовским сценаристом-

литератором, сидящим в кресле-качалке и тайно наблюдающим за странными манипуляциями стенографистки. Только передо мной была не одна девушка, а целых шестнадцать человек. (Да еще Параджиева — чем черт не шутит?) Кто-то из них убил Аллу Борисовну. Кто-то из них скрывался ночью под маской и зеленым балахоном в бассейне. Кто-то из них носит тайное имя Бафомет. А мне предстояло узнать это.

— Я никогда не имела черных перчаток! — услышал я вдруг рядом с собой голос. Это была Зара Ахмеджакова. Она засмеялась: — Вы сидите такой задумчивый, наверное, сочиняете для нас новую психологическую игру?

— Возможно, — ответил я.

— Кстати, где Алла Борисовна? Что-то я ее сегодня не видела за обедом? — Она пытливо посмотрела мне в глаза.

— Боюсь, она уехала. Ей здесь разонравилось, — пришлось сказать мне.

Я сходил на кухню, набрал на поднос разных фруктов, налил тонизирующего зеленого чая, а потом направился к Нине. У выхода из столовой мы обменялись с Левонидзе многозначительными взглядами. Он словно бы послал мне сигнал, что уже «посадил кого-то на крючок». Я «ответил», что также не «теряю времени даром». Круг подозреваемых я уже ограничил. Разделил на несколько групп. В первую вошли наиболее вероятные потенциальные убийцы мадам Ползунковой (сам Левонидзе — поскольку от этого предположения все равно никуда не денешься; Бижущкий, Олжас и Стоячий — по ряду причин, связанных с их психикой; а также Каллистрат — самая «темная лошадка» из всех). Вторую групп (гипотетическую) составили: Тарасевич, Гох, Харченко, Гамаюнов. Третью (резервную) — Сатоси, Ахмеджакова, Зубавин, Стахова, Волков-Сухоруков, Параджиева и два моих ассистента: Жак и Жанна. Оставалась еще версия случайного бродяги или цыган. Но это было вообще маловероятно.

Когда я вошел в комнату к Нине, она безмятежно спала, даже улыбалась во сне. Я поставил на столик поднос с фруктами и чаем, поправил сползшее одеяло. Вот уж кому было сейчас лучше всех. Уж она-то вне всяких подозрений. Как и Анастасия. «Стоп! — тотчас подумал я. — Анастасия. Как же она вылетела из моей памяти?» Разумеется, у меня и в мыслях не было связывать жену с этим преступлением в гроте, необъективно, следует признать, что исключать из списка пока нельзя никого. Ведь истина, как это ни банально звучит, дороже Платона. Анастасия за последние сутки уже два раза умудрялась покинуть свою «золотую клетку». Почему она не могла сделать этого и в третий раз? К тому же она всегда любила бывать в гроте. Но был ли у нее мотив убить мадам Ползункову? Я сомневался.

Но тут же вспомнил, как она пыталась убить меня каминными щипцами, оставив мне на память шрам на виске. В принципе, ни за что. И если бы я вовремя не отклонился... Случилось это через несколько недель после того происшествия на открытии выставки, когда Анастасию сначала увезли в больницу, а потом я перевел ее в свою клинику. Первое время она вела себя достаточно спокойно и адекватно, поправлялась, ходила где хотела, я этому только радовался. Однажды (была тоже осень) мы втроем сидели в каминной комнате: я, Анастасия и Левонидзе. Мило беседовали. О событии на выставке никто не вспоминал — это была запретная тема. Но Настя сама завела об этом речь.

— Мне все время хочется вспомнить лицо человека, который положил мне в голову пса, — произнесла она, глядя на огонь.

Корю себя за то, что сразу не оборвал этот разговор. Мне надо было увести ее или

сменить тему. Но я сказал:

— Ты и не можешь вспомнить, потому что спала.

— Нет, я будто бы находилась в каком-то тумане. Полубодрствовала. Но все вокруг расплывчато, изменчиво, словно смотришь в бинокль, но никак не можешь навести резкость. (А ведь это я сам тогда погрузил ее с помощью гипноза в сон.)

— Так часто бывает, когда после двенадцатой рюмки водки идет почему-то сразу двадцать вторая, — попытался пошутить Георгий, желая ослабить возникшее напряжение.

Анастасия на шутку не откликнулась, продолжала гнуть свое. И вновь я «прозевал» опасный момент, потому что нельзя быть психиатром собственной жены. Ты всегда останешься субъективен и разоружен.

— Я не видела, как «он» вошел в комнату, — сказала Анастасия, поправляя каминными щипцами поленья, — но ощутила запах... Запах крови и тления. Собачий дух смерти. А потом... он вытащил из сумки эту голову, ия... Его лицо лишь на миг мелькнуло. Но я уже не могла оторвать взгляд от этого страшного «подарка». И не понимала: сплю я, грезится ли это мне или все происходит наяву?

При этих словах Анастасия стала внимательно, пристально смотреть на меня, покачивая в руке каминные щипцы.

— Пойдем отдыхать, — наконец-то спохватился я. — Уже поздно.

— И то верно! — громко и ненатурально зевнул Левонидзе.

— Нет спать, — как-то уж совсем на ломаном языке ответила Анастасия. — Вы не хотите, чтобы я вспомнила. Потому что...

— Потому что зачем тебе вспоминать чье-то лицо? — сказал я, все еще пытаюсь смягчить тему. — Чем тебе мое плохо?

И вот тут-то последовал неожиданный удар этими самыми каминными щипцами. Меня спасла лишь реакция бывшего боксера-любителя. Но после этого случая стало опасным оставлять Анастасию без надзора и «в свободном плавании».

Теперь, глядя на спящую Нину, я подумал: возможно, Анастасия действительно видела лицо этого человека, который принес собачью голову. Но не может вспомнить, потому что перенесла шок. Все эти месяцы она мучительно пытается восстановить в памяти ту картину. И когда вспомнит, когда лицо того человека проявится из мрака, произойдет как бы обратная реакция: она освободится от застрявшей в мозгу занозы, выздоровеет.

Мне надо было убедиться в том, что Анастасия вновь никуда не исчезла. Никто ее не похитил, не увел из Загородного Дома, и сама она не «прибилась» к цыганам, которых весьма любила слушать, закрыв глаза. Но это я вспомнил лишь потому, что они пели, плясали и шумели за воротами клиники в лучших традициях русской литературы, словно у них в гостях был «живой труп» Федя Протасов или лесковский очарованный странник. Иногда ненадолго замолкали, а потом песни и музыка вспыхивали с новой пленящей силой. Как сейчас, когда я возвращался в свой кабинет.

Закрыв дверь, я первым делом отдернул шторку фальшивого окна-зеркала, за которым находилась комната Анастасии.

Она спокойно сидела за своим столиком и рисовала. Туда песни цыган не долетали — стены были обиты войлоком. Лицо ее было немного напряжено. Я знал, что у нее в мозгу идет постоянная работа памяти, мысли, крутятся, сталкиваются друг с другом, исчезают, возвращаются. Она пытается вспомнить.

Затем я отодвинул шторки с двух других «окон». В комнате с настоящим камином сидел

Сатоси, один. Он листал какую-то дерматиновую, довольно потрепанную тетрадь. Справа, где камин был искусственный, прохаживался Мишель Зубавин. И тоже в одиночестве. Вид у него был весьма сосредоточенный, куда делась его дамская свита и вся разухабистость? Я уже собирался вновь углубиться в картотеку, как вдруг мое внимание привлекло странное поведение обоих этих людей. Может быть, поначалу и не было ничего странного, но настораживающее..

Сатоси достал из кармана зажигалку, хотя раньше я не замечал, чтобы он курил. Зубавин вытащил мобильный телефон. Затем японец стал деловито переворачивать страницы тетрадки и каждый раз щелкать зажигалкой. Не трудно было догадаться, что в руке у него миниатюрный фотоаппарат. «Ловко! — подумал я. — Но что это за тетрадка?» Кажется, я уже видел ее у одного из моих гостей. И готов был поклясться, что не ошибаюсь: она принадлежала очень примечательной личности.

Зубавин между тем, набрав номер, стал говорить:

— Это. Пока делаю все, что могу. Очень мешают. Но в контакт с ней я вошел.

«Кого он имеет в виду? — пронеслось у меня в голове. — Анастасию? Или... Ползункову?» С ней ведь тоже «вошли в контакт». И кому он звонит? Вероятнее всего, своему боссу. Что тотчас же и подтвердилось, поскольку сам Зубавин назвал неизвестного абонента по имени-отчеству:

— Понимаю, Владислав Игоревич, будет сделано. Аккуратно и чисто. Когда вас ждать? Хорошо. Я из нее душу вытрясу, вместе с пленками. Умею обращаться с путанами.

Зубавин закончил разговор и сунул мобильник в карман. Потом рассеянно оглянулся по сторонам, словно ища что-то. И сердито пробормотал:

— Ай да Леночка!.. Ай да сукина дочка! Где же они могут быть? — И вышел из комнаты.

Вскоре закончил фотографировать страницы и Сатоси. Он улыбнулся краешком тонких губ, положил дерматиновую тетрадь на стол, зажигалку спрятал в пиджак. Затем неожиданно гортанно выкрикнул:

— Ай-я-а! — и резко выбросил вперед сжатую в кулак руку.

Аккуратно поправил галстук, картинно поклонился сам себе в зеркало (сквозь которое на него смотрел я!) и тоже покинул помещение.

— Замечательно, — произнес я вслух. Нет, недаром мне пришла в голову мысль установить здесь эти фальшивые зеркала-окна. Пригодились в очередной раз. И прежде, во время психотерапевтических сеансов, и сейчас, когда для меня многое прояснилось. По крайней мере, в отношении Сатоси и визита господина Шиманского.

Анастасия продолжала рисовать. Ее все это нисколько не могло затронуть, было чуждо и далеко. И слава богу! Она пребывала в своем мире, куда я пока тщетно пытался получить пропуск. Но мой измученный за последние дни взгляд просто отдыхал на ее лице.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, вновь открывающая те самые «Врата»

Теперь-то мне было понятно, зачем в клинику прилетел Мишель Зубавин и что нужно его боссу, господину Шиманскому. Вовсе не проснувшиеся отцовские чувства, не встреча с дочерью, не запоздалое раскаяние, а дневник и пленки Лены Стаховой! Очевидно, он также был ее клиентом-любовником и в пылу страсти делился какими-то «экономическими секретами». Самцы во время гона особенно тупы и беспечны, это аксиома. Сколько государственных мужей погорело на этом деле! Не счесть. Возможно, Владислав Игоревич хотел воспользоваться компрометирующей информацией, собранной Еленой Глебовной, на прочих ее высокопоставленных «прихожан». Вся комедия — какой-то якобы праздник в Барвихе По случаю дня рождения Анастасии, требования пилота забрать ее — лишь для отвода глаз, хорошо разыгранный спектакль. Главная цель — иная. Ведь все, по существу, у господина Шиманского сводится к коммерческим интересам, к выгоде, которая может быть либо упущена, либо приобретена. А ведь сверток с документами Стаховой лежал в полуметре от ног Мишеля, в искусственном камине!.. Нужно его немедленно забрать и перепрятать. А заодно, пожалуй, и почитать. Сейчас я был уверен, что он поможет мне решить некоторые загадки.

Я покинул кабинет, но сначала заглянул в комнату слева, где только что манипулировал зажигалкой-фотоаппаратом Сатоси. Потрепанная дерматиновая тетрадь лежала на столе. Я тоже начал ее листать, все больше убеждаясь в правильности своих предположений. Хотя и ничего не мог понять из написанного. Это был не почерк — а какие-то куриные каракули: обрывки фраз, цифры, схемы, стрелки, физические формулы, даты... Причем некоторые даты перемежали цифровой и словарный ряд и явно относились к будущему. Например, мне удалось прочесть всего одну полузашифрованную фразу: «Апрель 2007 года. Испыт. пуш. ЭМБ-4. Где? Гибл. Австр. Или Яп. Еще неясно. Мощн. ураг. Колосс, взрыв». Все это могло означать следующее: в апреле 2007 года пройдет испытание той самой электромагнитной пушки с биологическим ресурсом, о которой мне рассказал Тарасевич сегодня утром, а в результате последует «гибл.» (гибель) Австралии (или Австрии?) либо Японии, что «еще неясно»; затем «мощный ураган», «колоссальные взрывы».

Что же это означает в реальности? Параноидальный бред, вылившийся в «новую хронофутурологию» физика, или черновик его вполне трезвых мыслей, научных разработок, заметки «на полях шляпы», как говорится? В том, что потрепанная тетрадь принадлежала Тарасевичу, я не сомневался. И меня уже не удивляла сумбурность записей, их обрывистость, неряшливость изложения. Некоторые гениальные умы совершали свои великие открытия на бумажных салфетках в ресторане. Существует ли эта «ЭМБ-4» на самом деле — я не знал. Может быть, в своей секретной лаборатории Евгений Львович, действительно, занимался чем-то подобным. А вот что маленький японец фотографировал эти исчерканные страницы далеко не случайно — неоспоримый факт. Если только Сатоси сам не является параноидальным больным. Но непохоже, чтобы это было именно так. Скорее он просто искусно притворяется, а сам выполняет задание. Не из тех ли он людей, которые, по словам самого физика, окружили его в последнее время плотной «заботой»? Охотятся за его научными разработками? Похоже, я не ошибаюсь.

Но если дело обстоит таким образом, то все гораздо серьезнее и... опаснее. «Целее

останетесь, если ничего не будете знать», — примерно так сказал мне накануне Тарасевич. И был прав. Как врачу-психиатру мне тут делать в общем-то нечего. Не мой профиль. Здесь замешаны государственные интересы, стратегические, да еще и возня спецслужб. Любого постороннего и шибко любопытного просто прихлопнут как муху. Сейчас я был уже готов поверить Тарасевичу, что он вынужденно скрывается в моей клинике. Как «прячется» здесь же и Сатоси, преследуя свою цель. А может быть, и еще кто-то, который отслеживает уже самого японца? Голова у меня, признаться, немного пошла кругом. Шпионские страсти не по мне.

— А вы не видели тут... — раздался за спиной голос Евгения Львовича, — ах, вот она где!

Я протянул ему дерматиновую тетрадь.

— Ваша?

— Конечно. Черновичок-с! Никогда не расстаюсь, а сегодня забыл здесь. Это моя новая хронофутурология.

Тарасевич сунул тетрадь в боковой карман лапсердака.

— Да не только, — сказал я.

— Что? — переспросил физик.

— Не только хронофутурология ваша, не только. Ею вы лишь намеренно прикрываете другое, более важное. Словно напяливаете на изысканный смокинг дурацкий балахон. Чтобы никто посторонний не догадался. Я не прав?

Тарасевич усмехнулся, повеселел.

— Ну, правы. Вы сегодня уже второй раз «ловите меня за руку». Экий же вы проникательный человек! Уважаю. Понимаете, вокруг меня слишком много охотников за моими мыслями. Так всегда было. А в последнее время — особенно. Но я же не могу все держать в памяти? Свихнусь и попаду к вам в клинику уже по-настоящему, всерьез. Вот и приходится порой разбавлять черновик всякой глупостью.

— Но в нем, как я полагаю, и много ценного, того, что может заинтересовать научные центры из других стран?

— Разумеется, — кивнул физик. — Не только научные центры, но и целые военно-промышленные комплексы, если точнее. Так-то вот, Александр Анатольевич. Однако у меня много черновиков. — И он похлопал себя по другому карману. — По одной тетрадке выводов не сделаешь. Общей картины не увидишь. Нужна совокупность знаний. — Тут уж он постучал себя по лбу: — Все же главные секреты я держу здесь.

— Но и тетрадками своими особо не разбрасывайтесь, — посоветовал я. — А то один человек тут уже совал нос между страницами.

— Да? — беспечно хмыкнул Тарасевич. — Я даже догадываюсь кто. Он как-то пытался вывести меня на нужную тему. Большой любитель сашими и суши. А также электромагнитного и биологического оружия. Угадал?

— Будьте с ним осторожнее, — сказал я. — Мне кажется, Сатоси — очень опасный человек.

— А другие-то ко мне и не лезут! — вздохнул Евгений Львович, словно уже давно привык к этому.

Судьба порой собирает в одном месте и в одно время людей, которые зачастую против своей воли начинают фонтанировать негативным излучением, аккумулировать отрицательную энергию, вокруг них происходит цепь событий и происшествий, подобных

снежному кому, превращающемся в стремительную горную лавину, что было бы невозможно в ином пространстве и отрезке времени. Почему так случается и в чем причина этой образующейся «черной дыры», готовой поглотить всех и вся, — я не знаю. Но всегда ощущаю эту концентрацию страстей, чувств, идей, мыслей и даже каких-то полумистических звуков, шорохов, запахов, зрительных миражей. И мне постоянно хочется докопаться до истины — что и кто за всем этим прячется? Вот и сейчас мне предстояло решить много психологических ребусов, число которых начинало достигать предела, попросту зашкаливать.

Я вытащил из искусственного камина сверток Елены Стаховой и направился в свой кабинет. В коридоре мне встретился Левонидзе, который искал меня. Вид у него был не самый лучший.

— Я вот что придумал, — громко прошептал он. — Надо провести у всех без исключения обыск! Ты не возражаешь?

— Конечно, возражаю, — ответил я, пряча сверток за спину. Но Георгий не заметил этого — его мысли были поглощены другим, — новой навязчивой идеей.

— Обыск необходим! — настойчиво повторил он, взявшись за пуговицу на моем пиджаке. — Как ты не поймешь? Это существенно расширит доказательную базу. Во-первых, у нас нет орудия преступления. Я еще раз осмотрел грот и лаз в катакомбы. Ничего нет. Наверное, убийца нож не выбросил, а оставил у себя. Видно, он чем-то ему дорог, раз не решился расстаться. А может быть, это не первое его преступление, совершенное именно этим орудием. И не последнее, — добавил Левонидзе, задумавшись.

— Хорошо, а что во-вторых? — спросил я, сам начиная нервничать.

— Серьги, колье, часики Ползунковой, — отозвался он. — Ежели убийца украл их, то где-то прячет. Поэтому... давай санкцию на обыск!

— Я же не прокурор, — усмехнулся я.

— Не важно. Мне просто нужно твое согласие. Сейчас самое удобное время. Все наши клиенты и гости разбрелись по парку, сидят в беседках, катаются на лодках. Я пошучую в их номерах и — уверен! — найду что требуется.

Левонидзе уже едва не оторвал мне пуговицу. Желая сохранить ее и стремясь поскорее остаться наедине с дневником Стаховой, я скрепя сердце сказал:

— Ладно, валяй. Только поаккуратнее.

— Профессионала учишь? А не хочешь со мной, за компанию?

— За компанию, знаешь, кто удавился? Нет уж, работай самостоятельно. О результатах докладывай немедленно.

— Яволь, — кивнул Георгий и побежал на «задание».

Я же вновь заперся в своем кабинете и стал развязывать шелковую ленточку на свертке. Внутри лежали три видеокассеты, пачка фотографий в желтом конверте, несколько диктофонных микрокассет и — пожалуй, самое главное и интересное — личный дневник Елены Стаховой, среднего формата изящный блокнот в кожаном переплете. Почерк у нее оказался гораздо каллиграфичнее, чем каракули Тарасевича. Я уже во второй раз за последние полчаса углубился в чтение чужих мыслей. Но вначале бегло просмотрел фотографии. Они были довольно откровенного характера (если не сказать больше!). Женщина везде одна и та же — Лена Стахова. Мужчины менялись. Среди них — известные политики, депутаты, бизнесмены, продюсеры и прочая публика. Был там и Владислав Шиманский, мой тесть. Все фигуранты, насколько я знал, люди семейные. Словом, те, у кого

можно было при желании постричь шерстку. Видеокассеты, судя по всему, представляли то же самое, только «в действии».

Дневник, исписанный мягко и убористо, покуда я читал его в течение часа, поразил меня еще больше — четкой и педантичной откровенностью, резкостью суждений и мыслей, предельным натурализмом и саморазоблачением. Автор не боялся выставить напоказ не только себя, но и своих любвеобильных партнеров, которые с экранов телевизоров казались такими мудрыми и честными, радетелями за народ, а на деле, в постели со Стаховой, оборачивались моральными уродами, к тому же зачастую и с садомазохистскими наклонностями. Целый паноптикум оборотней, пустых болтунов, извращенцев, импотентов, самовлюбленных идиотов, считающих себя кукловодами, но в действительности — жалких марионеток и петрушек на базарной площади! И это — элита общества?! Высшие управленцы, создатели рыночной экономики, генералы без армии, банкиры-жулики, нефтяные магнаты, либеральные идеологи, политические проходимцы, прошедшие стажировку в Штатах? У меня, пока я бегло читал, признаться, волосы на голове вставали дыбом.

Лена Стахова обладала несомненным даром подмечать характерные черты у своих клиентов, кроме того, все они были очень разговорчивы... у нее было замечательное чувство юмора: она давала им убийственные оценки. Галерея портретов для учебника по психиатрии. Находка для врача-сексопатолога. Мина с часовым механизмом для самих фигурантов дневника. Сенсационный материал для журналистов. И кладезь для работников прокуратуры. Поскольку там было много того, что могло бы заинтересовать добросовестного и честного следователя. Ежели, конечно, таковые еще не вывелись на государственной службе.

Но меня, разумеется, привлек в первую очередь раздел на букву «Ш» (материалы в дневнике были размещены в алфавитном порядке). «Шиманский Владислав Игоревич». Ознакомившись с этим своеобразным досье на моего тестя, я схватился за голову. Прочитанное превзошло все мои ожидания. Да-а... это действительно «бомба». Теперь понятно, почему ему так нужен этот дневник с видеоматериалами и диктофонными кассетами! Многие хотели бы заполучить их в руки. Волков-Сухоруков, обмолвившийся об этом, был прав. Здесь собран компромат не только на моего горячо любимого тестя, но и на несколько десятков других лиц из «первого эшелона». Мало не покажется. Особое внимание привлекли два факта из биографии господина Шиманского.

Первый касался непосредственно мужа Ползунковой, который был застрелен «по заказу» Владислава Игоревича (он сам в пьяном угаре признавался в этом Леночке Стаховой, хвастаясь новым приобретенным капиталом). Второй факт также был неким косвенным образом связан с моей клиникой. По крайней мере, с одним из ее нынешних обитателей. Это заставило меня крепко задуматься, посмотреть на события, происходящие в Загородном Доме с иного ракурса: откуда можно было увидеть пятнадцатый камень в этом «саду Рёандзи», заселенном людьми, животными и оборотнями.

Очнулся я от громкого стука в дверь.

Быстро убрав дневник с кассетами в сейф, я выглянул в коридор. Там стоял с трубкой в зубах Волков-Сухоруков, а за его спиной — Левонидзе с целлофановым пакетом. Уже с первого взгляда мне стало ясно, что старые приятели-следователи объединили свои усилия. И даже что-то нашли.

— Что же вы сразу не поставили меня в известность? — с долей возмущения спросил меня Волков-Сухоруков. — У вас тут в клинике, видите ли, трупы валяются, а вы молчите!

Это называется — укрывательство. Преследуется по закону.

— А нельзя ли не так громко? Вы еще по внутреннему радио объявите, — ответил я. — Чтобы ввести всех пациентов в панику.

— Ладно. Где нам можно поговорить?

Я посторонился, пропустив обоих сыщиков в кабинет. Левонидзе положил целлофановый пакет на стол.

— Пришлось ему все рассказать, — произнес он, кивнув на подкручивающего рыжие усы следователя ФСБ. — Да он и сам побывал в гроте после нас, видел на стенах и потолке кровь. И надпись.

— Да, надпись, — повторил Волков-Сухоруков. — Она-то меня и заинтриговала. Дело в том, что я забыл вам об этом упомянуть: в доме Лазарчука, распятого Бафометом, мы обнаружили точно такую же надпись, сделанную кровью: «Врата ада»... Вот так-то, друзья, это существо прячется где-то здесь, в клинике.

— Еще не факт, — несколько огорченно заметил я. — Мало ли всяких «бафометов» по России бродит! И даже, пожалуй, в кремлевских палатах сидит.

— А вот этот «факт» вам о чем-нибудь говорит? — С этими словами Волков-Сухоруков вытащил из кармана серебряную зажигалку с монограммой «БББ». — Я нашел ее под скамейкой в гроте. Была втоптана в землю. Ее, несомненно, потерял убийца.

— Это зажигалка Бижуцкого, — сразу сказал Георгий, едва взглянув на нее. — Он всегда вызывал у меня сильное подозрение. А монограмма может означать не его инициалы, а трехкратное повторение имени «Бафомет». Ларец открывается просто.

— Слишком просто, — возразил я. — Не вижу у него мотивов убивать мадам Ползункову.

— На ритуальной почве, — предположил Волков-Сухоруков. — Это вам не причина?

Я промолчал, поскольку мне нечего было возразить. Зажигалка — сильный аргумент.

— Однако это еще не все, — продолжил Левонидзе. — Я произвел обыск в номерах. И вот что мне удалось обнаружить. Новые улики подозрение, падающее на Бижуцкого, несколько размывают, но зато появляются другие подозреваемые.

Он вытащил из целлофанового пакета шлепанцы, измазанные глиной и известью. Положил их на стол.

— Это обувь Антона Андроновича Стоячего, — сказал Георгий. — А грязь на них явно из грота, тут и экспертиза не нужна. Причем он засунул их далеко под кровать и закрыл газетой. Словно хотел избавиться при удобном случае. Но я его опередил. Теперь эти шлепанцы — важное доказательство. Стоячий был в гроте и мог убить Ползункову.

— Он мог быть там и вчера, и на прошлой неделе, — вновь возразил я. Будто был сейчас адвокатом своих пациентов. — Слабая улика, косвенная.

— Хорошо, — почему-то очень уж легко согласился Левонидзе. — Пусть так. А вот это тебе о чем-нибудь говорит?

И он вынул из пакета длинный нож с костяной ручкой. На лезвии были отчетливо видны следы крови.

— Таким баранов хорошо резать, — заметил Волков-Сухоруков. — А ножичек-то с дорогой инкрустацией. Сам по себе ценная штукавина. Где взял?

— В бельевом шкафу. У Олжаса Сулеймановича, — довольно ответил Левонидзе.

Еще один человек из моей «первой группы» подозреваемых. Выходит, я и сам оказался неплохим сыщиком. По крайней мере, с аналитическими способностями. Открыть, что ли,

частное сыскное бюро вместо клиники неврозов?

— Так! — произнес Волков-Сухоруков. — Это круто меняет дело.

— Олжас может оказаться Нурсултаном, — сказал Георгий. — А тот — маньяк-каннибал, сбежавший из психлечебницы в Чимкенте. В таком случае, все сходится. Он мог убить, зарезать Ползункову и даже, извините, полакомиться какой-нибудь филейной частью ее тела. Мы же не осматривали труп столь тщательно?

— Н-да-а... — глубокомысленно изрек Волков-Сухоруков. — Вот что. Нужно срочно послать запрос в Чимкент, в тамошнее отделение милиции.

— Нет, лучше связаться по телефону, — сказал Георгий. — Это будет быстрее и продуктивнее. С запросами упустим время, а здесь может произойти еще одно убийство. Appetit, знаете ли, приходит во время еды. Кроме того, у меня есть друзья в казахстанской прокуратуре. И в их посольстве тоже. Я сейчас же позвоню и попрошу, чтобы они навели справки. Думаю, не откажут.

— Правильно, — одобрил его Волков-Сухоруков. — Действуй. Но ведь у тебя же еще что-то есть в этом пакете? Слышу, позвякивает.

— Есть, — кивнул Левонидзе. И вытащил на свет золотой «ролекс», жемчужные бусы и серьги с изумрудами. Торжествующе положил их рядом с грязными шлепанцами и окровавленным ножом. — Вот. Эти улики дорогого стоят.

— Тянут на несколько десятков тысяч баксов, — согласился Волков-Сухоруков.

— Кого обшмонал? — уже профессионально, спросил я.

Левонидзе посмотрел на меня с уважением и ответил:

— Твоих ассистентов. Подумал: почему бы и персонал не проверить? И попал в самую точку! Часики нашел в сумочке у Жанны, а бусы и серьги — за зеркалом в комнате Жана.

— Зачем мужику женские украшения? — спросил Волков-Сухоруков.

— Он гей, — пояснил Георгий. — Падок на всякие цацки и брюлики. Да и Жанка жадна до предела. Они оба могли заманить Аллу Борисовну в грот и там прикончить. Мотив ясен. Давайте решать, господа сыщики, что будем теперь делать?

— Итак, — подытожил Волков-Сухоруков. — В наличии у нас пять главных подозреваемых: Бижущий, Стоячий, Олжас и парочка ассистентов. Что-то уж больно много. Но это лучше, чем ни одного.

— С меня подозрения уже сняты? — спросил Левонидзе.

— Не торопитесь, — взглянул на него следователь ФСБ и начал раскуривать трубку. — Я еще ничего не решил. Но прежде всего мне нужно допросить главных обвиняемых. Где это можно сделать, доктор, чтобы никто не мешал?

— В оранжерее, — подумав, ответил я. — Но только в моем присутствии.

— Я вам их сейчас туда приведу, — добавил Георгий.

Левонидзе запускал в оранжерею подозреваемых по очереди. Вот только Олжаса нигде не могли найти. Наверное, опять поперся к цыганам. Там продолжалась дикая оргия, праздник жизни, какофония чувств, словно музыкальное оформление к происходящим в клинике событиям. После допросов я решил непременно побывать в таборе...

Первыми сломались мои ассистенты. Перед неопровержимыми уликами, когда Волков-Сухоруков устроил им очную ставку и перекрестный допрос, предъявил часики, бусы и серьги, они пустили явно фальшивую слезу и признались. Но не в убийстве Аллы Борисовны Ползунковой, а в том, что действительно были в гроте, гуляли, заглянули, зашли. Увидели страшную картину преступления. Испугались. Но вот кто из них первым предложил

обобрать труп? — этого не могли сказать, не вспомнили. Виноваты, соблазнились дорогими украшениями. И снова ненатурально заплакали.

— Мародеры! — с презрением произнес Левонидзе. — В военное время вас надо было бы расстрелять.

— И прикопать где-нибудь в лесу, — добавил Волков-Сухоруков. — Это еще не поздно сделать. Я подумаю над вашей дальнейшей судьбой. Видели кого-нибудь возле грота?

— Каллистрата! — хором ответили Жан и Жанна. — Он там крутился.

— В понедельник получите расчет, — сказал я. — А пока идите. И никому ни слова.

Левонидзе отправился за Каллистратом, а в оранжерею запустил Антона Андроновича Стоячего. Волков-Сухоруков выложил перед ним грязные шлепанцы.

— Ваши? — спросил он.

— Мои! — обрадовался грибоед. — А я их несколько дней искал! Очень удобные для моих мозолей. Другие башмаки пятки трут. Где нашли-то?

— Да у вас под кроватью, — ехидно отозвался сыщик. — Сами туда спрятали, и не помните? Странно.

— Рассеян больно.

Стоячий тотчас же снял свои туфли и надел шлепанцы. Прошелся по оранжерее, словно гарцуя. Выглядел очень довольным. Волков-Сухоруков многозначительно посмотрел на меня. Я понял, что он хочет сказать: убийца себя так вести не станет. Либо Стоячий дьявольски хитер и обладает железными нервами, либо он ни в чем не замешан.

— Вы заходили сегодня в грот? — все же спросил сыщик.

— Да я даже не знаю толком, где он находится! — ответил Антон Андронович. А вот это уже была ложь. Характерная известь на шлепанцах говорила об обратном. Но прижать его сейчас было невозможно. Нужна экспертиза.

— Ладно, свободны, — проворчал Волков-Сухоруков. — Позовите там Бижущкого, он за дверью.

В оранжерею вошел Борис Брунович. В своей неизменной пижаме малинового цвета Он понюхал гладиолусы и безмятежно взглянул на нас.

— Давайте признаваться, — строго произнес Волков-Сухоруков. — Вы были сегодня утром в гроте. И потеряли там зажигалку.

— Да, совершенно верно, — ответил Бижущкий, продолжая нюхать другие цветы. Просто наслаждаясь этим.

— А вы не заметили ничего необычного... на скамейке? — напряженно спросил следователь.

— Заметил, — все так же безмятежно и ровно отозвался Борис Брунович. — Там сидел труп Аллы Борисовны Ползунковой.

— Вот как? — несколько разочарованно сказал Волков-Сухоруков. А что он ожидал услышать? — Так прямо и сидел?

— Ну... полулежал, если точнее.

— И вы этому не удивились, не испугались.

— А чего ж бояться-то, чему удивляться? После того как я заглянул однажды ночью в окно к моему соседу Гуревичу — и увидел там та-а-кое!.. — Бижущкий понизил голос, оглянувшись: — Все остальное теперь кажется семечками, уверяю вас! Вот у Гуревича было действительно страшно, удивительно. Настоящий бал сатаны. Бафомета.

— Бафомета? — ухватился за это слово сыщик. — Что вы о нем знаете?

— Только то, что он правит бал в этом мире. А Гуревич — его правая рука. Или левое копыто.

— Оставьте Гуревича в покое! — разозлился Волков-Сухоруков. — Отвечайте по существу. Что вы сделали после того, как увидели труп в гроте? И почему никому не сообщили?

— Я не вмешиваюсь в земные дела, — подчеркнуто-презрительно сообщил Бижущий. — Это прерогатива людей мелких, суетных. А после шабаша у Гуревича...

— Заткнитесь! — совсем уже грубо взъярился следователь. Привык там у себя в подвалах орать. Пришлось мне вмешаться.

— Спокойнее, спокойнее, — произнес я. — Мне кажется, Борис Брунович, что вы нам еще не все сказали. Это вы оставили ту надпись на потолке в гроте? Не так ли?

— Я, — кивнул Бижущий. — «Врата ада». И стрелку нарисовал. Мела у меня под рукой не было, пришлось воспользоваться кровью.

— Но зачем?! — схватился за голову Волков-Сухоруков. — Вы что, идиот?.

Борис Брунович не обиделся. Он пояснил, поняв еще один цветок — красную розу:

— Душа ее, как я полагаю, должна была отлететь в Аид. И чтобы она не заплуталась, я указал стрелкой, в каком направлении надо двигаться — в катакомбы. Поскольку ад, как мы все хорошо знаем, находится в центре Земли.

В логике ему, по крайней мере, отказать было нельзя.

— А кроме того, — продолжил Бижущий, — точно такую же надпись — «Врата ада» — я видел в доме моего соседа Гуревича...

— Все, хватит! — остановил его сыщик, запыхтев трубкой. — Ступайте прочь.

Когда Борис Брунович удалился, сорвав тайком флокс, Волков-Сухоруков посмотрел на меня.

— У вас тут все такие? — сердечно спросил он.

— Разные, — уклончиво отозвался я.

В это время Левонидзе ввел в оранжерею Каллистрата.

— В гроте сегодня были? — уже как-то вяло спросил сыщик.

— Прохаживался мимо, — ответил профессор-бомж. — А что случилось?

— Ничего подозрительного не заметили? — задал вопрос Георгий.

— Как же! Заметил. Навстречу мне шли — знаете кто? Наша актриса с этим молодым парнем, Парисом. Они не только держались за руки и ворковали, но и... Вы только представьте себе: целовались!

— Целовались? — устало переспросил Волков-Сухоруков. — Почему? — И посмотрел на меня. Словно я должен был немедленно принять какие-то меры. Может быть, посадить обоих в карцер. Или расстрелять.

— Потому что у них, наверное, чувства-с! — ответил вместо меня Левонидзе. И усмехнулся.

— Позор! — с возмущением произнес Каллистрат. — Она ему в прабабки годится!

— Ну и клиника... — пробормотал сыщик

Левонидзе решил вступить за честь мундира.

— Нормальная клиника, — возразил он. И добавил: — Для ненормальных.

Когда мы отпустили Каллистрата восвояси, я спросил:

— Ну что, будем теперь вызывать Харченко и Гамаюнова?

— Пустой номер, — сказал Волков-Сухоруков. — Эти тоже наверняка ничего не знают,

а если и видели кого-то, то таких же круглых болванов, как предыдущие. Зря только время теряем. Цепочка здесь замкнулась.

— Но у нас еще остается Олжас, — напомнил Левонидзе. — Я, кстати, уже звонил в казахское посольство и в Чимкент. Скоро должны дать ответ по этой личности.

— А где же он сам? — произнес сыщик — Проводите, проводите меня к нему, я хочу видеть этого человека!

— Пошли к цыганам, — сказал я, подводя жирную черту под начальным этапом следствия.

Табор расположился в десятке метров от ворот клиники. На поляне были разбиты разноцветные шатры-палатки, стояли вереницы иномарок, горели костры. Пахло шашлыками, острыми приправами, разлитым вином. Звенели гитары и бубны. Пели и хором, и поодиночке. Звучали оживленные голоса, смех, шутки. Народу было столь много, что я уже не разбирал — где «свои», а где — «чужие», приехавшие неизвестно откуда и зачем. Некоторых, очевидно, привлекла зажигательная музыка и огни костров. А между тем уже наступил вечер, на небе высыпали звезды, появилась круглоликая луна, и ничто не предвещало вчерашней ночной грозы — лишь безудержное веселье было разлито в воздухе, как терпкое донское вино, которое оказалось сгружено на траву целыми ящиками.

— На территорию клиники никого постороннего не пропускать! — еще раз предупредил я охранника Геннадия, дежурившего у ворот. — И вызовите на всякий случай Сергея, для подмоги. Обещаю двойную оплату за этот день.

Вместе с Левонидзе и Волковым-Сухоруковым мы прошлись по табору. На нас мало кто обращал внимание — все были заняты своим делом: либо слушали цыганские песни и, в зависимости от своего настроения, печалились или веселились, либо просто поглощали в немереных количествах спиртное. А некоторые уже находились в полной отключке и спали прямо на земле, как братья Топорковы, обнявшись в мучительной любви-ненависти друг к другу.

Главные затейники и организаторы этого цыганского шоу — Николай Яковлевич и Маркушкин находились в центре внимания, за самым ярким костром. Вернее, на гребне славы и внимания пребывала царственная красавица Нина, которая к этому времени уже проснулась и сомнамбулически покинула свой номер, угодив напрямиком в табор, а эти двое изо всех сил обхаживали ее. Старались и ромалы, стремясь угодить повелительнице праздника изо всех сил. Нина издали увидела меня и погрозила пальчиком, а затем намеренно отвернулась к своим «мужьям». Я подумал, что здесь катастрофически не хватает в противовес им Сергея Владимировича Нехорошева с его, теперь уже мусульманскими, женами.

Но зато я заметил некоторых своих нынешних обитателей Загородного Дома. Обнимал за талию Леночку Стахову и что-то нашептывал ей на ушко блистательный пилот Мишель Зубавин. (В телефонном разговоре со своим боссом Шиманским он обещал «аккуратно вытрясти из нее душу» ради бумаг; как бы тут не произошло еще одного убийства, подумалось мне.) В полном одиночестве прохаживалась и грустила поэтесса Зара Магометовна Ахмеджакова; должно быть, сочиняла вирши, «цыганские напевы» или что-то в этом роде. Увлеченно беседовали возле дальнего костерка Тарасевич и Сатоси. Надеюсь, речь у них шла не о перепродаже секретного оружия в Страну Восходящего Солнца. С вызывающе гордым видом, будто окаменев, сидела старая актриса Лариса Сергеевна Харченко, а ее ненавидящий взгляд был устремлен на еще одну парочку: Париса-Гамаюнова

и черноволосую женщину пожилого возраста с восточным типом лица. Я узнал ее по постоянному мельканию в телящике. А сам плейбой тотчас же и представил мне свою даму, облобызав ее в щечку:

— Это Марина Харимади, депутат и все такое прочее. Вот, приехала меня навестить, соскучилась. У вас найдется еще одна гостевая комната?

— А мы и в одной поместимся, в твоей! — со смешком сказала Харимади, а меня окинула цепким колючим взглядом.

— Приятно познакомиться, — вынужденно произнес я, хотя ничего «приятного» для меня в этой пустомельной и довольно лживой особе не было.

Наконец мы разыскали Олжаса Сулеймановича в одном из шатров. Он дрых на атласных подушках, как казахский бай, а рядом валялся бурдюк с рисовой водкой.

— Вы только поглядите на эту скотину! — шепотом проговорил Георгий. — Зарезал женщину, как овцу, а сам нализался до потери пульса!

— Может, это не он, — проворчал Волков-Сухоруков, пытаясь растолкать Олжаса.

— Не он — значит, Нурсултан, — истолковал его слова по-своему Левонидзе. Он пнул сначала пустой бурдюк, а потом и округлый зад дородного бая.

Но все попытки разбудить Олжаса кончались безрезультатно. Он лишь что-то мычал, сопел, хрюкал, а потом вновь раздавался мощный богатырский храп.

— Пошли отсюда! — сказал наконец с огорчением Волков-Сухоруков. — Придется допросить его утром, когда протрезвеет.

— Он не протрезвеет никогда, — с сомнением отозвался Георгий. — Цыгане пробудут здесь еще минимум неделю. Я их знаю. Пока все деньги у гусар не кончатся.

Еще раз с видимым удовольствием пнув пьяную тушу в зад, Левонидзе первым вышел из шатра. Вслед за ним выбрались и мы. Тут я увидел возле главного костра, в центре представления... мою жену Анастасию! Да еще под ручку с Леонидом Марковичем Гохом.

Цыгане, окружив Анастасию, запели ей «Величальную», а пианист замахал мне ручками, зазывая присоединиться. Дождавшись, когда ромалы окончат, я подошел к ним.

— Вот! Вот, Александр Анатольевич! Это — она! — горячо зашептал мне Леонид Маркович. — Та самая девушка, художница, о которой я вам рассказывал! Моя Муза, Настя, она нашлась... Она шла по аллее парка, в вашей клинике... просто чудо, правда?

— Это моя жена, — сухо произнес я. — Чудо, что она не сказала вам об этом раньше.

— Ва... ва... ва-ша... же... — пытался выговорить господин Гох, но у него плохо получалось. На него, честно говоря, было больно смотреть. Только что человек находился на седьмом небе, и вдруг — такое падение на землю! Может быть, и не стоило его так сразу огораживать? Но каким образом Анастасия вновь (уже в который раз!) покинула свои запертые апартаменты? Тем более что у дверей должна была дежурить Параджиева? А мимо нее муха не пролетит.

Об этом я и спросил супругу, отведя ее подальше от кострища. Глаза Анастасии ярко блестели, все лицо было воодушевлено. Она, судя по всему, наслаждалась этим теплым осенним вечером, песнями цыган, их волей, передающейся и ей самой.

— Я... просто уговорила Параджиеву, — скромно сказала она. — Попросилась прогуляться. И она согласилась.

— Что? — не поверил я. — Этого не может быть.

— Может, Саша, — ответила Настя. — Параджиева — тоже человек. У нее есть душа. И понимание. А ты во всех видишь какие-то механические манекены. Но манекены мертвы. И

ты можешь со временем превратиться в такое же бездушное существо. Чем ты огорчен? Что я пришла сюда и счастлива?

— Нет, конечно... — пробормотал я невразумительно. Должно быть, я сам сейчас выглядел не лучше Леонида Марковича, который стоял в сторонке и не спускал с нас глаз. Но какова Параджиева! Уж если Настя действительно смогла уговорить эту «железную леди» наперекор моим приказаниям, то... То все и в самом деле летит в моем Загородном Доме в тартарары! Или же я попросту ничего не смыслю ни в психиатрии, ни вообще в жизни...

— Пойдем лучше послушаем цыган! — предложила жена. — Ты же знаешь, как я люблю их напевы?

— Знаю, — кисло улыбнулся я. — А как же Леонид Маркович?

— Он хороший и милый друг, но... все это в прошлом. Понимаешь, это не было настоящим. Иллюзия от одиночества, от расшатавшихся нервов. Я просто увидела в пустыне мираж и пошла к нему, к этому оазису, но оказалось... Не то. Реальность, Саша, настоящая реальность, колодец с водой для меня — это ты. Неужели ты до сих пор этого не понял? Как же ты тогда глуп!

— Я... да... колодец... надо бы попросить у тебя прощения... — снова замямлил я. И вдруг твердо добавил: — Давай слушать цыган! И лети оно все к черту!

Мы сели с Настей возле одного из костров, кто-то нам подносил терпкое донское вино, над головой звенела семиструнная гитара, луна и звезды изливали таинственный серебристый свет, свет любви и жизни, и я впервые был по-настоящему счастлив за долгие месяцы и, возможно, годы. Счастлив вместе со своей женой.

...А потом мы незаметно ушли, чтобы остаться наедине друг с другом.

Ночью я вдруг очнулся от какого-то странного чувства. Будто на меня кто-то неотрывно смотрел. В помещении было темно. Но я даже не представлял, где нахожусь? В каком-то подвале, котельной, что ли? Голова гудела. А руки и ноги словно онемели. Кажется, были намертво связаны. Прикручены к чему-то. Или это наручники? Я вообще не мог пошевелиться. Такое ощущение, что мне на грудь положили тяжеленную могильную плиту. Ерунда какая-то! Меня что, паралич разбил? Единственное, что я мог сейчас делать, — это вспоминать... Мы ушли с Анастасией из табора, очутились в ее апартаментах, любили друг друга... Исступленно, как в первый раз. Но почему мне и тогда казалось, что на меня кто-то «незримо» смотрит? Прячась за амальгамой фальшивого зеркала, в окне? Из моего кабинета-лаборатории. И будто бы это я сам, второй, чуждый мне человек. Словно бы я раздвоился в самом себе. А в Библии сказано: «Дом, раздвоившийся в самом себе, не устоит». Этот Дом Загородный, Клиника. Не о ней ли и сказано?

Потом, кажется... я снова пошел в грот... Нет, зачем? Что мне там было нужно? Посмотреть, не появился ли новый труп? Или поглядеть на... прежний? Какая чепуха лезет в большую голову! Нет, потом был ужин. При свечах. Я сходил в столовую и принес нам с Анастасией омлет с копченым угрем и авокадо, мясо краба под майонезом и вино. Да, да! Мы с аппетитом ели и смеялись. Но почему при свечах? Потому что в Загородном Доме вдруг отключилась электроэнергия. Что-то произошло на местной подстанции, я сам звонил туда. Какая-то авария. Вся клиника погрузилась в темноту, лишь огоньки свечей — в коридорах и на лестницах, лучи фонариков. Самое удобное время для очередного преступления. Если кто задумал его. Час Бафомета.

— Час Бафомета... — повторил я громко, чтобы лишь услышать свой голос в темноте. И

услышал его. А кто-то, как мне опять показалось, хихикнул. Даже вроде бы две красные точки сверкнули. Глаза? Конечно. В помещении явно кто-то находился. Я чувствовал тихое дыхание. И вспомнил, что, выйдя от Анастасии и заперев дверь в ее комнату, я пошел по коридору в свой кабинет. Держал в руке свечку. Должно быть, где-то было отворено окно. Порыв ветра задул слабый огонек, густая, вязущая темнота. Холод. Затем — удар. Мрак. И это — все?

— Нет, это не все, — раздался надо мной тихий вкрадчивый голос.

Возможно, я «вспоминал» вслух? Или мне мерещится?

— Это далеко не все, — повторил тот же человек. — И тебе ничего не мерещится. Ты пока еще жив. Чувствуешь. Но это скоро пройдет.

«Ну вот, — подумал я. — Теперь за слуховыми галлюцинациями последуют зрительные, а потом всякие неприятные тактильные ощущения...»

Так оно и произошло: где-то далеко в темноте появился слабенький огонек свечи. Он поднимался и приближался снизу, будто бы двигался из подполья. Может быть, я нахожусь не в подвале, а в гроте? Вот почему тут так сыро и холодно. И не в гроте даже, а в самих катакомбах? Перетащили меня сюда, что ли?..

Огонек свечи между тем продолжал плыть ко мне. Его прикрывала от сквозняка восковая рука с иссохшими пальцами.

Я даже различил желтые обкусанные ногти. А вскоре увидел и лицо. Это была женщина с уродливой выпяченной губой. Параджиева!

— Тс-с! Тихо!.. — отчетливо произнесла она.

Значит, она разговаривает? А как долго притворялась глухонемой! С какой целью?

Параджиева поправила у меня под головой подушку. А затем пребольно щелкнула своими костяными пальцами по лбу и засмеялась.

— Сейчас все соберутся, тогда и начнем, — сказала она. — И подушка потом пригодится. Люблю это дело...

— Нечего ждать, — раздался все тот же вкрадчивый мужской голос. — Будем начинать без них. Когда подойдут — подключатся.

Его фигура выплыла из темноты. Он был облачен в зеленый балахон и маску: не то свиное, не то козлиное рыло, с паклевидной бородой, розовым пяточком и винтообразными рожками.

— Все должно быть по правилам, — продолжил этот урод с венецианского карнавала. — Итак, имя, фамилия, профессия? А вы записывайте!

В ногах у меня уселись неизвестно откуда вынырнувшие Жанна и Жан, с бумагой и карандашами в руках. Изготовились вести протокол.

— Да что, черт возьми, тут происходит? — слабо проговорил я. У меня было так мало сил, что я даже не мог как следует возмутиться.

Не обратив на мои слова никакого внимания, козлохряк забубнил, как лжепономарь на паперти:

— Вы обвиняетесь в следующих преступлениях... В убийстве Аллы Борисовны Ползунковой. С целью скорейшего получения завещанных вашей клинике десяти миллионов долларов. Разработав хитроумный план, вы произвели это злодеяние с особой жестокостью, что усугубляет вашу вину.

— Не я, ложь! — вылетело у меня из горла.

— Молчи! А то положу подушку на лицо, — предупредила меня Параджиева.

— Вы довели свою жену Анастасию Владиславовну Тропенину, урожденную Шиманскую, до безумия, подбросив ей перед открытием выставки собачью голову в кровать, — продолжил бубнить человек в маске. — Все с той же целью — завладеть ее капиталами.

— Нет, нет! — запротестовал я. — Все не так!

— Так, Саша, так, — мягко сказал Левонидзе, выдвигаясь из темноты. — Я же знаю. Только не хотел говорить.

— Вы довели до самоубийства одного из своих пациентов с Рублевского шоссе, который спонсировал клинику и оставил вам прощальное письмо-стихотворение: «Не горько ли тебе?..» Вспоминаете?

— Нет! — крикнул я.

— Нет? Кошкин жакет! — передразнил меня человек в маске и вдруг резко сорвал ее, приблизив свое лицо к моему. Это был Волков-Сухоруков.

— А мою дочь тоже не ты убил, сбив ее на своей «тойоте»? — прошептал он, скрипя зубами.

— У меня «ауди»!

— А в прошлом году была «тойота», — произнес Каллистрат, выйдя на свет из-за спины Левонидзе. — Я же был свидетелем этого преступления. А вы потом заплатили мне за молчание. И пригласили даже отдохнуть в вашей клинике. Может быть, тоже хотели убить?

— Ид-диот! — пробормотал я.

— Идиот — это я, — сказал Бижущкий. И этот тут! Все собрались, черти, оборотни! — Вы сделали меня полным идиотом, — продолжил Б.Б.Б. — Развивали во мне психопатии. Будто нарочно экспериментировали с живым человеком. И я знаю, для чего. Потому что вы пишете монографию на эту тему. А я у вас — как подопытный кролик. Решили войти в анналы психиатрии? Встать наряду с Юнгом и Фрейдом?

— Подтверждаю его слова, — раздался голос Стоячего. — Истинная правда. Никакой он не трюфель, а мухомор!

— Да, да! Верно! Лжец! Обманщик! Тайный развратник! Вор! Убийца! — посыпались и другие голоса-возгласы. Замелькали гневные, искаженные в полутьме лица: братья Топорковы, Нехорошее со своим «семейством», Маркушкин, Николай Яковлевич, иные мои пациенты — бывшие, о которых я уже и забыл.

— Отдайте его мне, — попросила вдруг Нина, усаживаясь ко мне на колени и отталкивая писцов-протоколистов. — Он мне нравится. А потом делайте с ним, что хотите.

— Нет, мне! — потребовал Олжас, подтачивая на бруске нож с инкрустированной костяной ручкой. — Только мне. Я давно жду. Я голоден.

— И этот человек числился супругом моей Насти! — с возмущением произнес Гох.

— Почему «числился»? Я и есть, — возразил я, дергаясь под тяжестью усевшихся на меня тел.

— Есть буду я, — напомнил Олжас Сулейманович.

— А мы на это поглядим, — сказала непонятно как очутившаяся тут Харимади, которую держал под руку Парис. Впрочем, какая разница, откуда они все тут взялись, в этом подвале или катакомбах? Мне уже становилось как-то все равно. Вон — и Лариса Сергеевна Харченко там маячит, и Леночка Стахова, и Зара Ахмеджакова, и... и... кажется... сама мадам Ползункова со своей Принцессой на плече. Только вид у нее не очень здоровый. Оно и понятно — столько времени пролежать без движения.

— Так какие будут предложения? — спросил Тарасевич, постукивая сандаловой тростью по земляному полу. — У меня времени мало.

— Наш самолет в Токио через два часа, — добавил Сатоси. — И вообще, это ваша проблема — русских. Вечно вы в своих душах копаетесь! Начитаетесь на ночь Достоевского...

— Ладно, давайте, в самом деле, решать, — сказал Мишель Зубавин, громко зевнув. — А то цыгане у ворот ждут. Томятся без нас. Слышите?

Откуда-то издали действительно доносились тоскливые гитарные переборы. На первый план выдвинулся господин Шиманский. Вид его не предвещал ничего хорошего. «Этот предложит либо закатать в асфальт, либо сбросить с вертолета», — подумалось мне.

— Господа! — начал Владислав Игоревич. — Процесс подходит к концу. Я требую...

Но договорить он не успел. Его оттолкнула... Анастасия и с подавляющей всех силой и гневом произнесла:

— А ну-ка, пошли отсюда все вон!

И положила мне на лоб свою прохладную, умиряющую ладонь. Лица и фигуры стали искажаться и исчезать. Мрак отступал, уползал в щели. Вроде бы даже прибавилось свежего воздуха.

А я... проснулся.

На столике в моем кабинете горела лампа, а я лежал на кушетке. Выходит, аварию на электростанции уже устранили и свет дали. Это хорошо. Но голова у меня по-прежнему трещала. Я потрогал лоб и обнаружил мокрое полотенце. И только сейчас заметил сидящего в кресле Левонидзе. А за столиком на стуле еще и Волкова-Сухорукова. Они тихо переговаривались, пока не услышали, как я зашевелился.

— Очнулся? — спросил Георгий. — А я тебя в коридоре нашел, прямо перед твоим кабинетом. Башкой в темноте стукнулся? Я тебе на темечко лед положил.

— Что случилось? — задал вопрос Волков-Сухоруков, внимательно глядя на меня.

— Не знаю. Не помню. Кажется, действительно споткнулся, — ответил я. Каждое слово в моей голове отзывалось болезненным толчком. — Или кто-то ударил сзади, — добавил я. — Но зачем?

— Если хотели убить, то уж убили бы — лежать бы не оставили, — заметил следователь ФСБ. — Может, решили просто попугать? Предупредить, чтобы особо не рыпался?

— А куда он рыпается? — спросил Георгий. — Он свое дело делает. Если только узнал что-то, что не положено. Случайно.

— Я за последнее время много чего узнал, — пробормотал я, закрыв глаза, — так мне было удобнее, меньше болела голова. — А сейф заперт?

— Заперт, — ответил Левонидзе. — Ты же даже от меня ключ прядешь.

Это было верно. Ключ я держал в этой же комнате, но в тайнике. Никто бы не догадался. Хотя я хранил его всегда под рукой и, в сущности, на виду у всех — в бутоне розы, который был единственным искусственным среди других живых цветков, стоящих в хрустальной вазе. Но даже если бы его обнаружили — надо еще знать шифровой код замка. А он у меня был швейцарской системы, так что вскрыть сейф можно было только с помощью автогена, да и то если крепко постараться. Я же сейчас больше всего беспокоился о дневнике Стаховой, ее видео — и аудиокассетах и своей картотеке.

— Ну и что же конкретно вы узнали? — спросил Волков-Сухоруков, продолжая прерванный разговор. — Имя убийцы Аллы Борисовны?

— Нет, этого мне выяснить пока что не удалось. Но есть один человек, которого мы как-то упустили из виду. Он держится несколько в тени. И очень хладнокровен.

— Кто же? — спросили они одновременно, нетерпеливо.

— Боюсь ошибиться. Мои подозрения связаны не с уликами, а с областью психиатрии, — ответил я. — А это для следствия слабый аргумент. Зона догадок, умственных рассуждений, копания в прошлом, в истоках поврежденного разума. Блуждание в лабиринтах подсознания, чем я постоянно и занимаюсь. Никаких твердых фактов нет. Так что потерпите, пока я их достану. Тогда и скажу.

— Мы же должны сообща действовать, — заметил Левонидзе. — Хотя бы намекни, что ли? А ну как этот человек убьет нынешней ночью еще кого-то?

— Не думаю. Он сейчас очень занят другим, насколько я понимаю. Более мирным делом.

— Он или она? — пытливо спросил Волков-Сухоруков.

— Оно, — отшутился я и потрогал голову: кажется, я все же получил сотрясение мозга. Кто же меня так удачно приложил сзади? Я теперь не сомневался, что подвергся нападению. Неизвестного злоумышленника. Хотя почему «неизвестного»? У меня были реальные предположения и на этот счет.

— Болит? — посочувствовал Георгий. — Сходить еще за льдом?

— Не надо. Я, наверное, вчера еще и перебрал с вином.

— Понятное дело... Цыгане! — сказал Волков-Сухоруков. — Мы там все крепко приложились к донскому. У самого голова побаливает. У вас тут, в кабинете, есть выпивка?

— Посмотрите в шкафчике.

Следователь достал водку и анисовый ликер. Левонидзе приготовил рюмки. А я, потянувшись с кушетки, поставил на проигрыватель пластинку с музыкой Моцарта. Волшебные флейты как-то сразу освежили мою голову, а коктейль придал дополнительные силы. Некоторое время мы сидели в полном молчании. Настенный циферблат показывал три часа ночи.

— А почему вы не спите? — спросил я.

— Бодрствуем потому, что опасаемся, как бы не произошло очередное убийство в клинике, — ответил Георгий. — Вот тебя же чуть не пристукнули! Мы уже два раза обходили все нежилые помещения.

— Надо бы и в жилые заглянуть, — заметил Волков-Сухоруков, прикладываясь к третьей рюмке. — А чего это вы во сне кричали? Бормотали что-то... про «ауди»?.. Что-то все время отрицали?..

Я несколько смутился, вспоминая свой сон. Меня выручил Левонидзе, которому тоже пришлось по душе водка с анисовым ликером.

— А ты сам получи по тыкве, еще не такой бред запоешь! — сказал он. — Меня другое интересует. Кто мог вывести из строя внутреннюю систему видеослежения?

— На этот вопрос я, пожалуй, смогу вам ответить, — произнес я. — Это тот, кто пытался «залезть» в мой компьютер, чтобы получить доступ к базе данных пациентов. Вернее, его интересовал всего один из них. Но думаю, что он не сумел вскрыть сервер и вывел компьютер из строя. А система видеослежения мешала ему обрести свободу действий.

— Кто же это? — вновь спросили они одновременно.

— Сатоси, — коротко сказал я. — Его интересует физик-ядерщик Точнее, его технические разработки. А если еще точнее, то вся далеко не простая личность Тарасевича,

его образ мыслей, характер, отклонения от нормы, детские годы и все прочее, что мы называем «психологическим портретом пациента». Почему? Потому что ему нужно непременно изучить его, нащупать слабые стороны души, болевые точки, прежде чем начать действовать. И тут разумнее и удобнее всего воспользоваться услугами психиатра. То есть уже проведенной мною работой.

— Но... зачем все это нужно японцу? — спросил Георгий.

— Тебе же объяснили! — буркнул Волков-Сухоруков. — Сатоси охотится за секретными лабораторными изысканиями Тарасевича. И, видимо, хочет вербануть нашего физика.

— Я сам засек его на том, что он фотографировал страницы из черновой тетради Евгения Львовича, — добавил я. — Маленькая такая зажигалочка.

— Вот он-то тебя, значит, и долбанул по чердаку, — сказал Георгий.

— Вряд ли. Я смотрел через зеркало-окно. Он не мог меня видеть.

— Но мог чувствовать. Ты еще не знаешь этих япошек! Они же все — ниндзя. Шпионы и самураи.

— В любом случае, дело очень серьезное, — подвел итог Волков-Сухоруков. — Утром я непременно свяжусь с коллегами из ФСБ. Передам им всю информацию. Пусть Сатоси займется соответствующее Управление. Экономический и военный шпионаж — их работа. А моя — выловить Бафомета. Найти убийцу.

— Вместе отыщем, — поддержал его Левонидзе. — Это дело и моей чести. А то я и сам хожу под колпаком. Кстати, не пора ли нам вновь совершить ночной обход?

— А вы лежите, лежите, — обратился ко мне Волков-Сухоруков. — Без вас управимся.

Я все еще чувствовал себя скверно, но не настолько, чтобы отпустить сыщиков одних. Кроме того, у меня мелькнула мысль, что новое убийство в клинике действительно может произойти именно этой ночью, но... без помощи того убийцы, которого мы ищем. Я даже знал, кто должен стать очередной жертвой. Только бы не опоздать.

— Пошли, — сказал я, вставая с кушетки. — Мне не вредно прогуляться.

Мы вышли в коридор, и я сразу повел следователей на второй этаж.

— Надо бы сначала осмотреть нежилые помещения, — выразил свое мнение Георгий. Волков-Сухоруков поддержал его.

— После! — буркнул я.

С лестницы навстречу нам спускался задумчиво-отрешенный Бижущкий. Малиновая пижама сидела на нем, как концертный фрак.

— Этот никогда не спит, — шепнул Левонидзе. — Особенно в полнолуние.

— Куда путь держим? — громко рявкнул Волков-Сухоруков.

Борис Брунович вздрогнул, очнулся и едва не скатился с лестницы.

— Чего вы орете? — зашипел я на рыжеусого сыщика.

— Виноват, — отозвался он. — Но разве не странно, что тут ночью шляются туда-сюда всякие подозрительные личности? Да еще постоянно в пижамах!

— А в чем я, по-вашему, должен ходить? — возмущенно отреагировал Бижущкий. — Это мой рабочий костюм, если хотите. Пижама, знаете ли, спасла мне жизнь, когда я перелез через подоконник и очутился в доме моего соседа Гуревича. Поэтому-то на меня и не обратили никакого внимания, приняли за своего. Там каждый был кто в чем, даже абсолютно голые, но только не в цивильном платье! А когда я скромно встал в уголке, то...

— Потом, потом! — перебил его Левонидзе. — Не видите разве, что мы заняты?

Я торопливо шел впереди, а остановился лишь перед номером Ларисы Сергеевны Харченко. Постучал, потом толкнул дверь. В комнате горел верхний свет. Мы всей гурьбой вошли в помещение. И замерли.

Актриса сидела в кресле, словно отдыхала. Губы ее были строго поджаты, а недовольный немигающий взгляд устремлен на нас. Она будто бы желала потребовать немедленного ответа за столь позднее вторжение в ее апартаменты. Но ничего не спрашивала. Двух мнений по поводу ее теперешнего состояния возникнуть не могло: она была явно мертва.

— Врата ада снова отворены!.. — глухо проговорил за нашими спинами Бижущий.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, ведущая к выздоровлению

Я хоть и не судмедэксперт, но сделал предположение, что смерть актрисы наступила около часа назад: температура тела еще не успела упасть. Тем временем Левонидзе и Волков-Сухоруков начали осмотр комнаты. Бижущкий стоял возле двери в позе Бонапарта, сложив на груди руки. Лариса Сергеевна была облачена в нарядное платье, аккуратно причесана. На коленях у нее лежала открытая книга. Я взглянул на обложку. «Анна Каренина» Льва Николаевича. Она словно бы читала на ночь этот роман и... зачиталась. Так и осталась сидеть с широко раскрытыми удивленными глазами. Возможно, остановилось сердце. Возраст все-таки. С любовными играми нужно бы поаккуратнее... По крайней мере, никаких следов насильственной смерти я не обнаружил.

Зато Левонидзе нашел в ванной два бокала и полупустую бутылку шампанского. А Волков-Сухоруков — курительную трубку под креслом. Чему оба очень обрадовались. И сделали соответствующие выводы.

— Она кого-то ждала, дождалась, пила с ним шампань, читала вслух любимый роман, а потом... потом он ее убил, — сказал Волков-Сухоруков. И добавил: — А трубку забыл, она закатилась под кресло.

— Трубка принадлежит Тарасевичу, — заметил Георгий. — Это факт.

— А не кажется ли вам, господа, что преступник нарочно подбрасывает нам всякие явные улики? — задал вопрос я. — То нож с инкрустированной ручкой в бельевом шкафу Олжаса, то трубка? Слишком уж все просто. Даже смехотворно как-то. И каким образом он мог убить Ларису Сергеевну? Следов удушения и ножевых ранений нет. И почему она читала именно этот роман? Вот в чем вопрос.

— Он отравил ее, — высказал предположение Георгий. — Как Анну Каренину.

— Анна Каренина бросилась под поезд, — напомнил я. — Катерина Островского — с обрыва, а Муму утопили. Но это детали. Хотя насчет яда ты, возможно, прав. Нужна экспертиза. Вскрытие покажет. Но вероятно, что Лариса Сергеевна отравилась сама.

— Чем? — спросил Георгий. — Должен остаться пузырек или упаковка.

— Она могла принять, допустим, нечто, действующее не сразу. А упаковку из-под таблеток выбросить, спустить в унитаз, — ответил я.

Волков-Сухоруков с раздражением посмотрел на молчаливо застывшего Бижущкого и сунул себе по ошибке в рот трубку Тарасевича.

— Ну а вы-то, вы, заходили в эту комнату? — рявкнул он, обращаясь к Б.Б.Б.

— Ежели бы заходил, то непременно бы оставил где-нибудь на стене надпись: «Врата ада», — невозмутимо отозвался Борис Брунович. — Я теперь всегда так делаю, когда натыкаюсь на чей-то труп. После моего пребывания в доме Гуревича...

— Заткнитесь! — вновь рявкнул сыщик, обрывая его. — Не мешайте мне думать!

— Было бы чем... — тихо проговорил Бижущкий.

Мы все помолчали, потому что сказать в общем-то было нечего.

— И все-таки нужно допросить Тарасевича, — «родил» наконец мысль Волков-Сухоруков. Он сунул в зубы вторую трубку, на сей раз, собственную, и чертыхнулся.

— Тем более что он тут рядом, через номер, — поддержал его Левонидзе. — Не проглоти улику!

— А мне кажется, что нам надо бы заглянуть к Елене Стаховой, — сказал я. Судьба

путаны вызывала у меня почему-то беспокойство.

— Что, думаете, и ее тоже — того? — спросил Волков-Сухоруков и многозначительно кивнул на актрису с «Анной Карениной» на коленях.

Я пожал плечами.

— Пока что он убивает женщин, — согласился Георгий, вынимая из входной двери ключ. — Мы запрем Ларису Сергеевну здесь. До приезда местной милиции. Но сообщать пока никому не будем. Потому что у нас есть, слава богу, свой представитель следственных органов.

— Так, так! — важно кивнул Волков-Сухоруков, дымя теперь черт знает какой трубкой.

— ...и найдем преступника или преступников сами, — заключил Левонидзе. — Но заглянем не только к Стаховой, а и к Заре Магометовне. Если не возражаете.

Возражений не последовало. Волков-Сухоруков на всякий случай вытащил из кобуры пистолет. А Бижущкий, указав пальцем на Харченко, спросил:

— Вы не боитесь, что она куда-нибудь денется?

— Куда? — несколько ошарашенно спросил фээсбэшник. — Под поезд, что ли, бросится?.. Вы уж совсем с глюками!

— Ну... мало ли. Исчезнет. Украдут, — гнул свое Борис Брунович.

Левонидзе молча и решительно вытолкнул его вон из комнаты. Подождав, пока покинули помещение и мы, он запер дверь. А ключ положил в карман.

— Я «им» украду! — пробормотал он со свирепым выражением лица.

У него тоже, судя по всему, нервы были на пределе. Все эти происшествия и убийства кого угодно могли вывести из себя. Но только не таких людей, как Бижущкий. Он начал насвистывать веселый мотивчик, поднимаясь вслед за нами на третий этаж.

— Слушай, отстань по-хорошему, — обратился к нему Волков-Сухоруков. — А то ведь пристрелю ненароком и в лесу прикопаю.

Угроза подействовала. Борис Брунович решил ненадолго «отстать». Правда, метров на десять, не более. А мы постучались в дверь к Заре Магометовне. Поскольку никто не отвечал, решились войти. Должно быть, напоминая стайку глупых гусей с замыкающим — Бижущким, в малиновом пижамном «оперенье». Комната оказалась пуста. Волков-Сухоруков сунул свою клешню под одеяло.

— Постель еще теплая, — глубокомысленно изрек он.

— Она вообще женщина южная, горячая, — заметил Георгий. — Кровь с кипятком.

— А ты откуда знаешь? — спросил я.

— Знаю... и все! — смущенно отозвался он.

— «Кровь», говорите? С кипятком? — произнес у двери Бижущкий, не решаясь войти. — Я видел у Гуревича сосуд с кипящей кровью, он разбавлял ею глинтвейн, когда...

— Убью, — погрозил ему пистолетом Волков-Сухоруков.

Во время наступившей паузы я заметил возле кресла сандаловую трость. Взял ее и протянул фээсбэшнику.

— Еще одна улика, — обрадовался он.

— Да, но на сей раз нет самого трупа, — подсказал я.

— Это вдвойне странно, — добавил Левонидзе. — Вернее, не то странно, что трупа нет, а то, что есть трость Тарасевича. Вместо Зары Магометовны. Словом... надо искать! — Он совсем запутался в своих мыслях, так и не объяснив, что надо искать в первую очередь: труп поэтессы или очередную улику, подбрасываемую нам неумолимым и сверхизобретательным

злодеем?

— Физики шутят, — промолвил у двери Бижущкий.

— Будем «брат» Тарасевича! — решительно произнес Волков-Сухоруков. — Очень опасный человек, чувствую.

— Но давайте вначале все-таки заглянем в комнату к Лене Стаховой, — предложил я. — Это рядом, вторая дверь по коридору.

Мы вышли из одной комнаты и пошли к другой. Волков-Сухоруков опирался на реквизированную улику. Я постучал в дверь. Вновь никто не ответил. Я повернул ручку и предложил всем войти. Левонидзе нащупал на стене выключатель. Под потолком зажглась люстра. И тут же в наши головы полетели — сначала подушка, затем туфли, зажигалка, сигареты, пепельница, бокалы и все, что только находилось рядом с кроватью и могло попасть под руку Елене Глебовне. Мишель Зубавин, лежащий рядом с ней, активно не помогал, но поддерживал смехом.

— Какого черта?! — прокричала пугана. — Стучать надо, идиоты! Пошли вон отсюда!

— Мы стучались, — вяло стал оправдываться Левонидзе. Его пиджак был залит вином. Пепельница из керамопластика угодила в лоб Волкову-Сухорукову, но голова оказалась крепче. Туфли поймал я и поставил на пол. Бижущкий не пострадал. Мы все начали пятиться назад, к двери.

— А действительно, что это за делегация? — спросил вертолетчик, успокаивая Леночку.

— Вы что тут делаете? — задал резонный вопрос Левонидзе.

— Что надо, то и делаю, — отрезал наглый и развязный «личный рейнджер» Шиманского. И добавил, по-своему логично: — Да только вот вы не даете доделать то, что хочу сделать.

— Ладно, пошли отсюда! — кивнул нам Волков-Сухоруков, потирая ушибленный лоб. И тоже добавил: — Пусть делают что хотят. Но не делают ничего противозаконного. Я им не позволю этого!

Видно, удар по лбу пепельницей все же оказался достаточно сильным. Мы вновь очутились в коридоре.

— Радует одно, — выразил общую мысль Георгий, — по крайней мере, мы не обнаружили тут трупов.

— Да, на покойников они были похожи мало, — согласился я. — Слишком энергично себя вели. Ну что, двинулись к Тарасевичу?

Снова гуськом мы спустились на второй этаж. Неловко потолкались перед дверью в комнату к физику. Изнутри не доносилось ни звука. Никто из нас не решался войти первым.

— Давайте-ка вы, Бижущкий! — предложил Волков-Сухоруков. — Вы все равно всюду суете свой длинный нос.

Борис Брунович вздохнул и открыл дверь. В комнате горел ночник. Мы вошли в помещение. Евгений Львович сидел за столом спиной к нам и что-то торопливо писал в дерматиновой тетрадке. Ему даже яркий свет был не нужен — работал он механически, спеша зафиксировать свои мысли. В кровати под одеялом лежала Зара Магометовна Ахмеджакова. Она спала, тихо посапывая.

— Кх-х-х!.. — кашлянул Волков-Сухоруков и постучал сандаловой тростью по полу.

— Не мешайте! — откликнулся физик, даже не повернув головы. — Еще пара минут.

Мы стали терпеливо ждать. «Пара минут» затягивалась на все десять. Наконец

Левонидзе не выдержал.

— Ну и что мы тут торчим? — спросил он у нас. — Это же сумасшедший, одержимый просто! Незачем ему было убивать актрису. А трубку действительно подбросили.

Тарасевич хлопнул тетрадь. Удовлетворенно хмыкнул.

— А? Что вы говорите? — он повернулся к нам. — Где вы нашли мою трубку? Я ее еще днем посеял.

— Вот она, — сказал Волков-Сухоруков, возвращая курительную принадлежность хозяину. — А вот и ваша палка. Голову, часом, нигде не теряли?

— Голова на месте, — хлопнул себя по затылку физик — Она миллионы стоит. Но не продается. Однако, господа, зачем изволили явиться? Не хотите ли чаю? У меня есть японский, особой крепости.

— Уж не от Сатоси ли? — проворчал Волков-Сухоруков.

— От императора Хирохито! — весело отозвался Тарасевич. — Или выпить желаете? Есть бренди. Дама не помешает, она спит. — И он взглянул в сторону кровати.

— Нет уж. Пойдем, пожалуй, — произнес Левонидзе. — Все и так ясно. Вопросов пока нет.

Мы снова выбрались в коридор. Ночная «рыбалка» оказалась неудачной. Если не считать «попавший в сети» труп актрисы. А вот убийцу обнаружить опять не удалось. Да и существует ли он вообще? — я уже начал сомневаться в этом. А Волков-Сухоруков вдруг ядовито заметил:

— Вам на ворота клиники не мешало бы повесить красный фонарь. Вполне соответствует.

Остаток ночи прошел более-менее спокойно. Но спать я так уже и не ложился. Какой уж тут сон, когда в клинике два трупа! Того и гляди, третий появится. Бодрствовали и Волков-Сухоруков с Левонидзе. Я слышал, как они вышагивают под окнами Загородного Дома и совещаются. Сам я переходил из одного помещения в другое, не находя себе места. Было тревожно, неудобно и мутно; продолжала побаливать голова. В такие минуты порой рождаются гениальные мысли. И я подумал: «Книга, в которой заключены все тайны, есть сам человек. Он — сущность сущностей, так как является подобием божества». А потом вспомнил, что нечто подобное уже говорил в шестнадцатом веке саксонский протестант-философ Яков Бёме. Но не слишком огорчился, потому что Бёме уже давно умер, а я продолжаю двигаться и развивать его мысль. Что доказывает лишь повторяемость всего в людской истории и в жизни отдельно взятого человека, но и безусловное движение вперед. К чему? Возможно, к тому, что человек и человечество с течением времени получает от Господа все больше божественных полномочий? Или наоборот? Идет ретрансляция задач от дьявола и уже его функции делегируются людям? Как же прочесть до конца эту «Книгу тайн» или хотя бы увидеть ту страницу, на которой вписано твое имя? Но эта книга сродни моим обманчивым зеркалам-окнам: тебе надо встать по другую их сторону, чтобы увидеть самого себя. И попытаться прочесть, разгадать загадочные письмена.

Я бродил по своему Загородному Дому и терзался вопросами. Что представляют из себя люди, которые здесь волею судеб находятся, которые собрались тут вроде бы совершенно случайно, но и не без высшего промысла? Какие «поручения и полномочия» нам всем даны, какие роли розданы? Где он, автор пьесы, режиссер спектакля-мистерии? Есть ли невидимый суфлер, подсказывающий текст, имеются ли сами зрители «в зале»? Что ждет в финале этой трагикомедии, когда наконец опустится занавес? Ответов у меня не было.

Уже наступило утро. Загородный Дом оживал, просыпался. Заработала мокрой шваброй приходящая из деревни уборщица. Загрели кастрюлями на кухне, туда только что подвезли свежие продукты. Выбежал на пробежку в кимоно Сатоси, поклонился мне, сложив у груди ладони. Я в ответ — тоже. Вышел в парк на «грибную охоту» Антон Андронович Стоячий, зевая во весь рот. Красивым баском запел из своего окна Каллистрат. Что-то язвительное раздраженно крикнула ему из другого окна Ахмеджакова. А из третьего — продолжал звучать богатырский храп Олжаса, возвратившегося неизвестно когда из покуда безмолвного табора. Остальные мои гости и клиенты, очевидно, продолжали спать.

Однако я ошибся. В это прекрасное, теплое солнечное утро многие решили встать рано. Спустившись вниз, я увидел в солярии уже основательно проультрафиолетовавшегося Париса-Гамаюнова, а в бассейне — двух плавающих наяд — Харимади и Стахову. Они помахали мне своими «ластами», приглашая присоединиться. Я вежливо отказался, сославшись на то, что вода для меня недостаточно разбавлена синильной кислотой. Русалки обрызгали меня, рассмеялись и нырнули. В бильярдной, куда я также не преминул заглянуть, занимался своим любимым делом Бижущий: гонял шары, в полном одиночестве. Тарасевича я еще раньше заприметил среди толщи книг в библиотеке. А где Гох? Словно в ответ на мои мысли, из холла донеслись музыкальные аккорды. Там стоял рояль. Леонид Маркович разминал пальчики.

Открыв дверь в спортзал, я увидел Мишеля Зубавина, который изо всех сил долбил боксерскую грушу.

Остановившись после серии резких ударов, вертолетчик поглядел на меня и вдруг предложил:

— Не хотите ли в спарринг-партнеры? Я бью не больно. Аккурат в челюсть.

— Можно, — подумав, согласился я.

Боксом я занимался довольно долго, реакция у меня хорошая. Надев перчатки на липучке, я встал против него в стойку. Весовые категории у нас были примерно одинаковые, да и рост равный. Но Мишель Зубавин был значительно моложе меня, лет на десять.

— Скоро Шиманский подъедет, — сказал он, маневрируя и подскакивая на месте. — Вы готовы к встрече?

— А как же! Сейчас вот только к цыганам сбегая, закажу хор, — ответил я, уклоняясь корпусом от первого встречного удара левой. — Военный оркестр уже ждет за воротами.

— Я имею в виду другое!

Мы пока что обменивались легкими проверочными ударами. Определяли силу друг друга. Танцевали на ринге.

— А что же вы имели в виду, господин Зубавин? Кстати, почему вас зовут Мишель, а не Миша? Или это дань моде?

— Нет, мой предок, француз, остался в России после Бородина.

Он сделал выпад правой, но я отбил и попробовал провести боковой свинг. Не получилось. Он ушел в сторону.

— В плен, что ли, попал? — спросил я. — Или дезертировал?

— Полюбил русские просторы, — отозвался Зубавин. — Загадочную русскую душу. С тех пор каждому старшему сыну в нашей семье дают его имя. А вообще-то я — маркиз де Зубави. Правнук славных гасконских мушкетеров.

— Врете вы все! — сказал я и нанес хук правой. Пробил его защиту.

Пилот качнулся, но устоял на ногах.

— Молодца! — похвалил он. — Но я ведь с вами не о своей родословной хотел поговорить. А о том, что интересуется господина Шиманского.

— Что же его интересуется?

— Вы сами прекрасно знаете.

На сей раз Зубавин провел тройной удар левой-правой-левой по корпусу. Но дыхания не сбил.

— Ничего я не знаю и знать не хочу. Если вы имеете в виду Анастасию, то она никуда не полетит.

— При чем здесь Анастасия? Бог с ней! Я хочу сказать: вам не жалко другую девушку?

— Какую?

Мы продолжали танцевать друг перед другом, примериваясь и уклоняясь.

— Да Стахову! Леночку Глебовну. Не стройте из себя идиота.

— Сами вы — идиот. — И я попытался свалить его апперкотом. Это мой коронный удар снизу. Но он оказался опытным мастером. Я натолкнулся на непробиваемую стену.

— Я же знаю, что бумаги и видеокассеты у вас, — сказал он. — Кому она еще могла их доверить в этой клинике? Только своему психиатру!

— Ты умный парень, — отозвался я, чувствуя, что силы мои стремительно тают. Нужно завершать поединок нокаутом. Если получится. Надо обязательно сконцентрироваться. — Зачем служишь такому прохиндею? Он же убийца.

— Род маркизов де Зубави всегда служит тем, кому принадлежит власть в России, это традиция, — ответил пилот и, сделав обманное движение, нанес мне короткий удар правой рукой в челюсть.

Я даже не успел среагировать, увидев замах. И рухнул на ковер, словно мне в голову ввинтилась разрывная пуля... пришел я в себя, должно быть, через несколько минут. Мишель Зубавин сидел рядом на корточках и брызгал на мое лицо водой из ведерка.

— Извините, — сказал он. — Не рассчитал силу удара. Хотел отправить в нокдаун, а получилось — как всегда. Мне ведь Международная федерация бокса запретила бить правой. Вы не в обиде?

— Ладно, Тайсон, это бокс, а не балет, — ответил я, потирая челюсть. Кажется, цела. Но состояние моей больной головы после этого поединка несколько не улучшилось. Напротив. Теперь я еще некоторое время ловил возле себя «солнечных зайчиков», а в ушах звучал Ниагарский водопад.

— Дневник и кассеты все-таки надо вернуть, — донесся до меня голос правнука гасконских маркизов. — Будьте благоразумны. Я не хочу лишних жертв.

— Иди ты! — вяло ответил я, продолжая лежать на спине. Шум водопада постепенно начинал стихать. Да и «зайчики» немного утомнились.

Еще до завтрака я провел некий рискованный, с медикопсихологической точки зрения, эксперимент. Но вызвано это было не помутнением рассудка после нокаута в спортзале, а давним желанием. Теперь, когда я чувствовал, что Анастасия действительно близка к полному выздоровлению (не хватало лишь малости — вспомнить «лицо» того человека перед открытием выставки, подкинувшего собачью голову), стало возможным осуществить мою задумку. Но этот эксперимент мог завершиться и полным провалом, более того, вновь свергнуть Анастасию в пучину внутренних тревог, страха и сумятицы души.

Имел ли я право подвергать ее налаживающийся душевный покой новому слому? Да, я врач. И отличие мое от хирурга лишь в том, что тот оперирует тело, я же — «залезаю» со

своими инструментами в психику пациента. Иногда приходится быть жестким, и даже жестоким. Выпускать «дурную кровь». Вправлять «кости» больной души. Труднее всего было оттого, что это была душа родная, самого близкого мне человека.

Сначала я повел Анастасию в нашу оранжерею. Если бы там жили птички, то и они бы не щебетали столь весело и беззаботно, как она. Это было хорошим признаком. Теперь надо было «закреплять» нормальное состояние, как фотопленку в реактиве. Отпечатать в сознании светлую картину мира, оставив негатив в прошлом. Мы спустились в парк и некоторое время просто гуляли по аллеям, пока я не вывел ее на задний двор. Там у нас находились будки со сторожевыми собаками. Доберманы находились на цепи. Но они тотчас залаяли и рванули к нам.

В первую секунду Анастасия замерла, будто остолбенела. Я держал ее за руку, ощущая биение пульса. У меня самого сердце готово было выпрыгнуть из груди. Сейчас с Настей могло произойти все что угодно. Вплоть до коллапса или немотивированной истерики. И я уже приготовился к самому худшему, держа в кармане шприц с успокоительным лекарством, когда она вдруг совершенно спокойно и ровно, произнесла:

— Зачем же ты держишь их на цепи? Ка-а-кие милые!..

Она присела на корточки и стала гладить прыгающих доберманов, которые все норовили лизнуть ее в лицо. Анастасия смеялась, и они, кажется, тоже — по-своему, по-собачьи. Понимание и дружба между ними возникли мгновенно, в одну минуту. Собаки это особенно чувствуют. Я радовался, глядя на их щенячью возню. Эксперимент удался. Теперь ей оставалось выудить из памяти лишь «то лицо»... Для этого мне опять нужно было «проявить» несколько негативов, и именно в присутствии Анастасии. Провести еще один, последний эксперимент. Пока же мы отправились завтракать.

— Во что мы сегодня будем играть? — спросила у меня в столовой Ахмеджакова. У нее, судя по всему, было веселое настроение.

— В войнушку, — отозвался я также шутливо, оглядывая свое «войско», рассаживающееся за столиками. Мне надо было определить: кто из них враг, а кто — друг.

— Будет так же забавно, как вчера?

— Скучать, надеюсь, не придется.

— А где, кстати, Лариса Сергеевна?

— Спит, — сказал я, и был совершенно прав. Ведь что есть смерть, как не долгий сон перед воскрешением? Но философско-богословские вопросы сейчас казались неуместными, плохо сочетались с омлетом и жареным беконом. Который к тому же я не успел проглотить: Левонидзе поманил меня в коридор. Там уже ждал и Волков-Сухоруков. Оба были явно чем-то взволнованы.

— Последние новости, — сказал следователь ФСБ, раскуривая трубку. — Я связывался со своими коллегами из Управления по поводу вашего Тарасевича. Генерал орал на меня так, что, наверное, было слышно в Вашингтоне и Токио.

— Что такое? — спросил я, пережевывая захваченный бутерброд.

— А то, что вы — и я тоже — не в свое дело лезете. Они в курсе. И уже давно «ведут» этого Сатоси. Даже здесь, в клинике. Тарасевич, насколько я понял, сообразил, подыгрывает в этом. Скорее всего, дезинформирует японца. Словом, дело темное и щекотливое, а мы можем сорвать всю операцию. Нам велено заткнуться и не мешать.

— Ясно, — сказал я, проглотив наконец ветчину.

— Не то выведут в лес и расстреляют, — добавил Левонидзе. — Теперь что касается

Олжаса. Мой приятель из казахского посольства дал ценную информацию. Но сначала я советую вам где-нибудь присесть. Чтобы башкой не грохнулись.

— Мне вчера ночью пепельницей в голову заехали — и то ничего, — отозвался Волков-Сухоруков. — Говори уж.

Я тоже сейчас мог не опасаться за свою «крышу», там уже нечего было сотрясать после двух ударов. Поэтому приготовился слушать стоя.

— Как хотите! — пожал плечами Георгий. — Сами потом не пеняйте. Дело в том, что Олжас Сулейманович Алимов пять лет назад... скончался от сердечного приступа. Это совершенно достоверно.

Волков-Сухоруков в изумлении присвистнул.

— Значит, у нас здесь все-таки — Нурсултан? — спросил я.

— Не торопись, — усмехнулся Левонидзе. — Нурсултан, брат-близнец Олжаса, действительно сидит в психиатрической лечебнице, только не в Чимкенте, а в Алма-Ате. Из-за какой-то путаницы тебе дали неправильную ориентировку. Мы можем хоть сейчас связаться с главврачом больницы. Что, впрочем, я уже сделал час назад.

— Так что же получается? — теперь уже настала моя очередь спрашивать. — Кто же этот Олжас?

— Я получил ответ и на этот вопрос от своего приятеля из посольства, — сказал Левонидзе. — Видите ли, друзья, пятьдесят лет назад у крупного партийного работника в Казахстане Сулеймана Алимова в один прекрасный день родилась... тройня. И все — близняшки.

— Третий брат? — спросил Волков-Сухоруков.

— Нет, третьей была сестра, — ответил Георгий. — Не будем сейчас вдаваться в их семейные отношения. Но все они были очень дружны. Особую привязанность сестра, звали ее Тазмиля, испытывала почему-то именно к среднему брату — Олжасу. Он также делился с ней своими секретами, даже когда учился в МГИМО, и позже. Но у нее, как и у старшего брата Нурсултана, было не все в порядке с психикой. Она все время — хотела стать... мужчиной.

— Вон оно что! — Я уже начал догадываться. Но Волков-Сухоруков пребывал в неведении.

— Ну и что с того? — спросил он.

— А то, — торжествующе ответил Георгий, — после смерти Олжаса Тазмиля наконец-то осуществила свою идею-фикс. К тому же, и время сейчас удобное — свобода! — делай, что хочет твоя левая нога.

— При чем тут нога? — Волков-Сухоруков пыхнул трубкой. — Говори яснее.

— Она сменила пол, — сказал я. — Стала транссексуалом.

— Точно! — кивнул Георгий. — Это мне было поведано под большим секретом. Сами понимаете... К чему выносить сор из избы уважаемого семейства? Правда, сам-то Алимое уже давно в гробу, но все же. А Тазмиля стала Олжасом. Ей это было нетрудно сделать — я имею в виду не саму операцию по смене пола, а внутреннее преображение. Кроме того, она хорошо знала личную жизнь своего брата-дипломата. А поскольку еще и похожа как две капли воды... Отличить трудно, даже друзьям. Впрочем, она не особенно любит с ними встречаться. В основном, ездит по заграницам, денег достаточно. И пьет.

— Это понятно, — произнес я. — У транссексуалов обычно стремительно развиваются всякие болезни и фобии. Чаще всего — наркомания и алкоголизм.

Волков-Сухоруков еще сильнее запыхтел трубкой, просто стал напоминать грибовидное облако.

— Однако это не снимает с нее подозрения в убийстве Ползунковой, — сказал наконец он. — Будь она хоть Тазмиля, хоть Фатима, хоть сама Фата-Моргана!

Мы были вынуждены с ним согласиться.

Шиманский приехал в одиннадцатом часу и — что весьма удивительно! — без привычного эскорта из бронированных автомобилей и роты секьюрити. Всего лишь один джип «чероки» с тонированными стеклами и шофер-телохранитель. Я встретил его у ворот клиники, поскольку он связался со мной по мобильному за десять минут до этого. Сергей и Геннадий были на посту, а в проснувшемся таборе продолжалось безудержное веселье — чисто русская национальная забава. Джип с Шиманским даже не хотели пропускать, пока Владислав Игоревич не бросил на серебряный поднос с рюмкой водки несколько купюр.

— Что это у вас тут творится? — спросил он у меня, протягивая руку. У него была спортивная подтянутая фигура, волевое лицо, но на темени — плешка, размером с чайное блюдце.

— Ничего особенного, — ответил я. — Народ гуляет. Сегодня же воскресенье.

— Очень уж широко, с размахом. А где Зуб?

«Хотя бы ради приличия поинтересовался сначала дочерью!» — подумал я. Шиманский мои мысли угадал.

— Надеюсь, вы оградили Анастасию от всего этого беспредела? — сказал он и кивнул в сторону табора.

— Насчет «беспредела» — вам лучше знать, — буркнул я, начиная закипать. Он всегда вызывал у меня сильное раздражение. — А ваш Зуб копается в вертолете. Лопасты отвалились, вот он их и приваривает.

— Ладно, мы же с вами союзники! — примирительно произнес Владислав Игоревич, пытаясь даже похлопать меня по плечу. Хорошо хоть — не потрепать по щеке, как это принято у американцев. Я слышал, что Шиманский уже имел вид на жительство в Штатах. Туда ему и дорога. Союзничек. Магнат вроде бы вновь умудрился прочесть по моему лицу то, о чем я думал. Как это у него получается? Впрочем, умный финансист сродни психологу и психиатру.

— Слухи о моем бегстве за границу несколько преждевременны, — сказал он. — Эта страна мне пока что не надоела.

«Не все еще высосал», — усмехнулся я про себя.

— Но я всерьез хочу обсудить с вами, Александр Анатольевич, перевод Насти в одну из клиник Швейцарии. Вы, разумеется, поедете вместе с ней. У вас там даже будет своя практика. Что скажете? Готовы пойти на такой шаг?

— Скажу, что ваше предложение в настоящий момент лишено смысла. Настя выздоравливает. Смена обстановки ей только навредит.

Шиманский поджал тонкие губы, явно недовольный моим ответом.

— Хорошо, обсудим это позже, — произнес он. — Давайте пока прогуляемся по вашему замечательному парку, прежде чем я увижу дочь.

— Вопрос: захочет ли она вас видеть? — сказал я.

— Ерунда! — отмахнулся он, привыкший только повелевать, топтать и размазывать. — Вы же доктор, заставьте ее, в конце концов. Ну, внушите там что-нибудь, вы же, я слышал, умеете. Это же просто.

— Просто? — переспросил я. — Заставить полюбить? Не смешите меня, Владислав Игоревич. Есть вещи, повлиять на которые медицина бессильна. Например, устойчивое отторжение имплантированного чужеродного органа.

— Не понимаю, о чем вы? — хмуро проговорил Шиманский.

Мы уже шли по парковой аллее. Разговор становился все более интересным. Позади, на приличном расстоянии двигался шкафообразный шофер.

— Не понимаете, и ладно, — сказал я. — Но нельзя полюбить человека, который всю жизнь унижал тебя, насмешничал, издевался, оскорблял, ломал, что говорится, через колено. Словно куклу, которую нужно именно сломать, оторвать ручки и голову.

— Это вы... о нас с Настей, что ли? — Шиманский остановился.

Встал и я, решив высказать до конца все, что думаю.

— Да вы в своем уме? — сердито спросил он.

— А как вы думаете? Конечно. Анастасия мне много рассказывала, какой вы. Вы не отец. Звери так не поступают со своими детенышами. А теперь вдруг в вас что-то «проснулось»? Решили очиститься? Сомневаюсь.

— Да вы знаете, что я могу сделать с вами за такие слова? — угрожающе спросил он.

— Ну что? Укатать меня в тюрьму? Лишить медицинских дипломов, лицензии? Сжечь клинику? Или упрятать в сумасшедший дом, в палату № 6? Но вы и такие, как вы, всю страну превратили в клинику для идиотов, заперли в палате, только не № 6, а № 666. Поскольку это число у вас клеймом на лбу. Уезжайте. И отсюда, из моего Дома, и вообще — из России. Нечего вам тут больше делать. Уезжайте.

Я замолчал, поскольку несколько переволновался, и вновь стала болеть голова.

— Я вас в порошок сотру, — сказал господин Шиманский. — Вот уж действительно, вы сами подсказали решение — психлечебница по вам плачет. Самое место. У меня министр здравоохранения кореш. Создадим врачебную комиссию и упакуем вас в смирительную рубашку как миленького. Если только вы не предпочитаете место на кладбище. Где-нибудь за чертой города.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Но ведь я еще не закончил. Сначала вернемся к вопросу с Анастасией. Я недаром произнес фразу, что вы ей — не отец. Вскрылись некоторые обстоятельства, которые дают мне моральное право запретить свидание якобы «отца» с якобы «дочерью».

— Это еще что такое вы выдумали? — спросил он, но теперь уже менее грозно. Видно, выстрел попал в цель.

— Данные обстоятельства проясняют мне ваше жестокое отношение к Анастасии, — продолжил я. — На ее матери вы женились тогда, когда она уже была беременна. Чужой ребенок, только и всего. В этом нет ничего плохого, напротив, выглядело бы даже благородно, но лишь в том случае, если бы вы относились к ней как к своей собственной дочери. Я не знаю, почему так не произошло. Наверное, особенности вашей психики. Возможно, вы больны и могли бы стать моим пациентом, при желании. Я бы не отказался, поскольку это интересный случай. Но вы все тридцать лет, выдавая Анастасию за родную дочь, ненавидели ее, культивировали в себе эту ненависть. Лучше бы вы убили ее сразу, что ли. Не мучили бы ни ее, ни себя.

— Откуда... откуда вы это знаете? — спросил Шиманский, плохо скрывая растерянность.

— Из дневника Елены Глебовны Стаховой, — ответил я, пожимая плечами. Мы уже

дошли до пруда и остановились на берегу. — Не надо много болтать в постели со своими любовницами. Там вообще встречаются чрезвычайно интересные вещи. И о Ползункове, дружке вашем. И не только о вас, но и о других тоже. Которые с этим же числом на лбу ходят. Да вы, Владислав Игоревич, и приперлись-то сюда не за Анастасией, а за этим дневником и кассетами. Не так ли?

— Еще документы? — угрюмо спросил Шиманский. — У вас?

— Могу сказать одно: у девушки их нет. Так что не тревожьте ее напрасно. Зубавин может отдыхать.

— Отдайте их мне, — потребовал магнат. Ему сейчас изменила выдержка: он даже сжал кулаки. Мы стояли на берегу пруда, как два непримиримых противника. Потом он немного сменил тон: — Вы были со мной откровенны, я буду тоже. Мне этот дневник и кассеты не так уж и нужны. Мало ли что может наплести дрянная девчонка? Ей никто не поверит. Прокуратура у меня схвачена. Газеты и суды — тоже.

— Так уж и все? — усмехнулся я.

— Ладно, скажу еще честнее. В стране сейчас происходит непонятно что. Демократия в опасности. Лишний шум мне ни к чему. Мое положение стало не так устойчиво.

— «Ваша демократия», — поправил я. — Когда можно лишь безнаказанно воровать и распродавать государство — тысячелетнюю державу! — по кусочкам. Когда же прекратится этот бардак?

— А Россия вообще страна дураков и предателей, — брезгливо сказал он. Где-то я уже слышал эти слова. И мне сейчас просто надоело с ним разговаривать. Спор наш был беспредметен. Я устал.

— Уезжайте, — вновь повторил я. — Это лучшее, что вы можете сделать для «этой страны».

Я не стал ждать ответа. Просто повернулся и пошел к Дому.

— Я еще повоюю! — прокричал он вслед. — Верните документы!

— Нет! — откликнулся я, махнув рукой.

— Стойте!

Его возглас принудил меня остановиться. Шиманский подбежал ко мне и зашептал:

— Ладно, я согласен выкупить эти чертовы дневник и кассеты. Они мне необходимы. Сколько вы хотите получить? Сто, двести тысяч? Наличными. Полмиллиона? Нет?

— Нет, — я покачал головой.

— Миллион? Больше они не стоят.

— Мне нравится смотреть, как вы торгуетесь. Как дрожите. Как вроде бы даже унижаетесь передо мной.

— Черта с два! — прокричал он, сунув мне под нос фигу. — Да я просто заберу их силой! Кретин вы этакий. Стоит мне позвонить, и через час здесь будет весь подмосковный ОМОН с СОБРом. И мои люди в придачу. Мы тут все вверх дном перевернем. Так и знайте.

— Ну и звоните. — Я снова пожал плечами. — Вы не найдете ничего. А лишнего шума как сами изволили выразиться, себе на голову наделаете.

Шиманский схватил меня за руку. Лицо его было искажено от гнева и ярости, но в глазах сквозили растерянность и страх «Вот это и есть его истинное лицо, другое пряталось под маской», — подумалось мне.

— Александр Анатольевич! — произнес он. — Вы подписываете себе и Анастасии...

Я вырвал руку и пошел от него прочь. Не хотелось больше его ни видеть, ни слышать.

Я решил на всякий случай перепрятать документы Елены Стаховой, хотя сомневался, что Шиманский вызовет сюда каких-нибудь головорезов: слишком глупо будет выглядеть эта акция, действительно наделает много шума. А нынешнее положение его, насколько я мог судить по СМИ, и в самом деле было весьма шатким. Президент взялся за таких, как он, всерьез. Решил, видимо, почистить авгиевы конюшни. Некоторые из олигархов уже сидели в «Матросской тишине», другие перебрались в исторически всемирный центр международных заговоров и терроризма — в респектабельный Лондон.

Но теперь все равно следовало ожидать от господина Шиманского какого-то ответного хода. Просто так он из клиники не уедет. Наверняка придумает нечто пакостное. Тем более что у него есть тут суперпрофессионал — Мишель Зубавин, от которого также можно было ожидать чего угодно. Словом, это воскресенье обещало быть очень веселеньким... Я был настроен решительно и готов к схватке.

Однако, когда я вошел в свой кабинет, меня постигло глубокое разочарование: сейф был открыт, материалы Елены Стаховой исчезли. Картотека, правда, осталась на месте, хотя и ее перебирали, просматривали. Кто-то нашел ключ в бутоне искусственной розы. А вот как он умудрился подобрать шифр к кодовому замку сейфа? Непонятно. Тут я вспомнил, что знал о нем, кроме меня, всего один человек, еще с тех пор, когда я только открывал клинику. За все это время я так и не удосужился поменять код — не видел в том особой нужды. Этот человек, имея особую любовь к цветам, легко мог найти и ключ. Возможно даже, что наткнулся на него случайно, перебирая бутоны, меняя воду в вазе. А дверь в кабинет я порой забывал запереть. Как и в этот раз. Этот человек всегда находился рядом со мной, в клинике. Нет, это не Левонидзе или Параджиева, как можно было предположить сначала. И не мои ассистенты или кто-то из пациентов. Это могла быть только моя жена, Анастасия.

Я отодвинул шторку с фальшивого окна-зеркала в ее комнату. Там было пусто. Но с сегодняшнего утра я уже перестал запираť дверь в ее апартаменты. Теперь это было не нужно, даже могло помешать ее окончательному выздоровлению. Я знал, что поступаю правильно, но... Где сейчас могут находиться дневник и кассеты?

— Он приехал? — раздался за моей спиной голос.

Это была Анастасия. Я понял, о ком она спрашивает.

— Да. Приехал. Но ты не должна волноваться. Ничего плохого он тебе больше не сделает. Я не позволю.

— Знаю, — ответила Настя. Выглядела она спокойно, хотя в глазах все же ощущалась некоторая настороженность. Я решил пока не говорить ничего о пропавших из сейфа материалах. Но она сама завела о них речь. Правда, не сразу. Сначала отодвинула с фальшивых окон шторки.

— Что ты чувствуешь, когда глядишь и следишь за человеком, а он в это время смотрит в зеркало, но видит не тебя, а свое отражение? — спросила Настя. — Ощущаешь себя архангелом, призванным на землю вершить людские судьбы?

— Нет. Я ощущаю себя Александром Тропениным, врачом-психиатром. Больше никем. Для меня это просто «окно», для них — там, за стенкой, — просто «зеркало». Мы глядим друг другу в глаза, и между нами возникает незримая духовная связь, особое постижение истины. Это всего лишь один из психиатрических методов.

— А что ты чувствовал, когда наблюдал за мной?

— Боль. Горечь. Любовь. Надежду.

— Понятно. — Она присела на стул и, помолчав, добавила: — Он приехал за этим

дневником?

— Конечно. Ты прочла, что там?

— Да. Ужасно. Но, мне кажется, что я ненавидела его с самого раннего детства. Будто знала, что он не мой отец. Но это чувство родилось из его ненависти ко мне. Из его презрения.

— Так оно обычно и происходит. Ненависть вообще очень нехорошая штука. Ничего путного из нее произрасти не может. По определению. Только подобное. Но все это уже в прошлом. Ты должна забыть и начать жить заново. Заняться живописью. Главное, ты сохранила талант. И любовь. А о ненависти забудь. Сон, не более. Пустой, глупый, ничемный сон, оставшийся позади. Теперь ты наконец проснулась и вновь обрела себя.

— Да, — сказала она. — Я тебе верю. А дневник и кассеты я спрятала в надежном месте. В будке у доbermanов.

— Ну и славно! — усмехнулся я. — Теперь они под зубастой охраной, чужой не подступится... А знаешь что? Не пора ли нам подумать об организации твоей новой выставки?

— Пожалуй, — согласилась Настя. Глаза ее сразу загорелись. Видно было, что она ухватилась за эту идею с азартом. — Надо все тщательно подготовить. Чтобы больше не случилось никаких накладок. Как в прошлый раз, когда...

Тут она замолчала, замерла на полуслове. Я испугался, что Анастасия вновь вспомнила про «собачью голову». Но взгляд ее был устремлен в фальшивое окно-зеркало, в соседнюю комнату. Туда вошли четыре человека. Шиманский, Зубавин, Левонидзе и Волков-Сухоруков. Я с тревогой смотрел на Анастасию. Ее губы беззвучно что-то шептали. Потом только я догадался, что она действительно вспоминает: возможно, разделяющая нас искусственная амальгама сыграла какую-то своеобразную роль детонатора в ее сознании, восполнила пробел в памяти, проявила «негатив».

— Я... вспомнила, — тихо проговорила она. — Ясно вижу. Теперь я вспомнила и вижу лицо того человека, который принес голову пса.

— Кто из этих четверых?

Анастасия продолжала безотрывно смотреть в фальшивое окно-зеркало, будто не слыша моих слов.

Теперь я знал практически все. Картина всех происшедших в клинике событий выглядела достаточно четко.словно я рассматривал ее сквозь увеличительное стекло. Или видел фильм в замедленном действии, когда отдельные детали и нюансы в игре актеров-профессионалов уже не ускользают, а, напротив, притягивают внимание. Мне ясно было, кто убил мадам Ползункову. И почему скончалась старая актриса. И чья рука подбросила отрезанную голову собаки в кровать к Анастасии. Кто ударил меня ночью по голове. И кто прятался под маской и балахоном в бассейне. И даже где скрывается неуловимый Бафомет. И многое-многое другое. Сейчас же мне предстояло поставить точку в затянувшемся спектакле. Сыграть финальную сцену и опустить занавес. Это будет мой день. Он должен стать триумфальным. Игра окончена, финита ля комедия.

Велев Анастасии оставаться пока здесь, я направился в соседнюю комнату, где Левонидзе разжигал камин. Зубавин стоял возле окна. Волков-Сухоруков разговаривал с Шиманским. Я взглянул на часы. Время еще есть.

— Вы так и не уехали? — вроде бы удивленно, спросил я господина Шиманского. — Впрочем, это даже лучше. У нас с вами будет продолжение беседы.

— Охотно! — отозвался Владислав Игоревич. — Значит, вы передумали?

— Об этом мы поговорим позже. И не здесь, — отозвался я. — К двенадцати часам прошу вас прийти в столовую. На чашку чаю.

— Традиционная церемония, — добавил Георгий. — Отказываться нельзя, Владислав Игоревич, нанесете смертельную обиду хозяевам.

— Я вот все хочу выяснить у господина Шиманского: акции каких его предприятий поднялись в цене? И все ли свои активы он уже перевел за границу? — спросил Волков-Сухоруков.

— Пустой разговор! — отмахнулся от него мой дорогой тесть. — Так я вам и отвечу. Но, — тут он посмотрел на меня, — на чашку чаю непременно приду. Благодарю за приглашение.

— И вам спасибо! — любезно отозвался я.

— Прямо любо-дорого на вас обоих смотреть, всегда бы так, — заметил Зубавин. — А ром к чаю будет? — И подмигнул.

— Обеспечу всем необходимым, — сухо сказал я. — Не опаздывайте. — Затем слегка поклонился и вышел.

В коридоре меня нагнал Левонидзе.

— Что ты задумал? — зашептал он. — Нашел убийцу?

— Почти что, — уклончиво ответил я.

— А ты знаешь, с какой целью сюда приперся этот гад Шиманский?

— Нет.

— Врешь. Ему нужны какие-то дневники и кассеты.

— Тебе-то откуда известно?

— Он сам мне сказал. Хотел меня перекупить.

— А ты не продаешься?

Георгий обиженно поджал губы.

— Мы с тобой не первый год вместе!

— Как раз — первый. Ну, полтора года.

— Ты что, перестал мне доверять?

— Успокойся, — я похлопал его по плечу, — все в порядке. Он получит то, что хочет.

— Ладно, — произнес Левонидзе, пытливо глядя на меня. — Только умоляю, не перегни палку. Шиманский — фигура в государстве влиятельная. От него многое зависит.

— Но только не я. И надеюсь, не миллионы других русских людей, которые наконец-то начинают очухиваться после глубокой спячки. Время шиманских проходит.

— Ладно, — вновь повторил Георгий. — Тебе виднее. Я с тобой всегда рядом. Можешь на меня положиться.

— Конечно, — сказал я, пожимая его протянутую руку. А сам подумал: «Всегда рядом — это точно. Особенно нынешней ночью, когда крался за мной по коридору, а потом шандарахнул чем-то по голове. Чтобы залезть в сейф. Да не вышло». Хотелось спросить его и о другом, но пока я промолчал. Он сам задал вопрос:

— Ты знаешь, что Волков-Сухоруков уже три месяца как не работает в ФСБ?

— Догадывался, — сказал я.

— Я выяснил это совершенно точно час назад. Искал тебя, хотел сообщить. Я позвонил своему приятелю из Конторы. Так, на всякий случай. Что-то меня тревожило изнутри. И оказалось — попал в самую точку.

— Выходит, его отправили на пенсию?

— Вывели в резерв, так у них это называется, — уточнил Георгий. — Так что если он и продолжает вести следствие по делу Бафомета-Лазарчука, то по собственной инициативе. Видимо, хочет довести этот «висяк» до конца, на свой страх и риск. Ай да Василий!

— Или же у него какие-то иные цели, — туманно добавил я. — В любом случае, все скоро разрешится. Наберемся терпения. До двенадцати часов.

— Будет какой-то сюрприз? — встревоженно спросил Левонидзе.

Он явно начинал нервничать.

— Скоро уже, — отозвался я. — Мне надо еще других предупредить и пригласить к чаю. На новую психоигру с элементами трагикомедии.

— Ну что ты все пургу гонишь? — совсем уже обиделся мой помощник, славный и незаменимый в своем деле.

— Ждите ответа, — произнес я и отправился собирать свою паству.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ, плавно переходящая в ЭПИЛОГ

К полудню в столовой собрались все. Я даже позвал охранников — Сергея и Геннадия, на всякий случай. Ворота на территорию клиники были заперты. Мои ассистенты разносили по столикам чай, печенье, конфеты, другие сладости. Жан и Жанна старались выслужиться, надеясь, что я все же не уволю их в понедельник. Я еще не решил: может быть, и оставлю. Воровство — не столь тяжкий грех, а людей нужно уметь прощать, тогда они скорее исправятся. Анастасия сидела недалеко от меня, спокойная и сосредоточенная. У входа расположились Гамаюнов и Харимади, они были поглощены друг другом. Зато блестели глаза от любопытства у Леночки Стаховой и Зары Магометовны, между которыми устроился Тарасевич, посасывая пустую трубку. Дым же из другой трубки пускал Волков-Сухоруков, стоявший у полуоткрытого окна. Устало выглядел Левонидзе, как-то осунулся, с синими кругами под глазами. Безмолвно каменела в углу столовой Параджиева. Нетерпеливо постукивал ложечкой по столу Леонид Маркович Гох, а сидящие рядом с ним Каллистрат и Стоячий о чем-то тихо переговаривались. Олжас (Тазмиля) то и дело прикладывался (-лась) к фляжке с рисовой водкой. Сатоси бросал быстрые, еле заметные взгляды по сторонам. Бижущкий разглядывал ногти, а порой одергивал пижаму, словно это был вечерний смокинг. Последними в столовую вошли Шиманский и Зубавин, уселись за свободный столик. Я взглянул на часы — было ровно двенадцать.

— Ну что же, дамы и господа, можно приступать! — почти торжественно произнес я, выйдя на середину зала. Так мне было удобнее говорить и лучше всех видеть. — Прежде всего, хочу предупредить, что с этой минуты у нас начинается «Час откровений». Поэтому предлагаю не стесняться.

— Разоблачайтесь, господа, обнажайтесь! — шутливо выкрикнул Бижущкий и даже стал стягивать с себя пижаму.

— Вы меня не совсем верно поняли, Борис Брунович, — мягко урезонил его я. — Общие покаяние и исповедь существуют, как и коллективная молитва. Они ведут к духовному очищению. Конечно, в индивидуальном плане, все выглядит несколько удобнее и проще, на людях же для этого нужно приложить немало душевных сил, переступить через внутренний запрет, табу, сделать важный нравственный шаг в своей жизни. Оставить грех за порогом, за чертой.

— Это игра такая? — спросила Зара Магометовна.

— Это такая жизнь, — отозвался я. — Итак, кто-нибудь хочет сделать какое-либо заявление или признание?

Я осмотрел собравшихся, стараясь с каждым из них встретиться взглядом. Но пока все молчали. По моему знаку Жанна включила тихую музыку, Моцарт. Это как-то подействовало, сняло излишнее напряжение. Разрядил атмосферу и неожиданный смех Бижущкого: он изловчился поймать позднюю осеннюю муху, которая давно тут жужжала и всем надоедала, словно незваная гостья.

— Волшебные флейты гения! — негромко проговорил Леонид Маркович. — Хорошо. Я скажу. Мне это необходимо.

Вот уж от кого я не ожидал что-либо услышать — так это от господина Гоха. Признаться, метил я совсем в других людей. Но все равно было любопытно послушать.

Леонид Маркович даже поднялся из-за своего столика.

— Вам бы, Александр Анатольевич, проповедником работать, — сказал он. — Вы умеете убеждать и заставлять делать человека то, чего он вовсе не хочет делать, но в конце концов получается, что это нужно. Теперь о главном. Я — не Гох, не Леонид Маркович, я — Рум Бафометов.

После такого неожиданного признания опешил не только я, но и многие другие. Правда, виду я не подал и, сохраняя олимпийское спокойствие, произнес:

— Продолжайте, пожалуйста.

— Хорошо, извольте. Как я вам уже недавно говорил, мы приехали в Москву вдвоем, я и мой самый близкий друг, поступать в консерваторию. Оба — сироты. Только он происходил из еврейской семьи, а я — из древнего ассирийского рода. Мы сняли комнатку на окраине. Было это более двадцати лет назад. Знаете ли вы, что такое настоящая мужская дружба? Когда делишься последним куском хлеба, когда укрываешься одним одеялом. Это почти любовь.

— Когда «укрываешься одним одеялом»? — фыркнул Зубавин. — Это иначе обзывается.

— Бисексуалы, — подсказала Ахмеджакова. — Среди нас, поэтов, художников и музыкантов, людей искусства, все это — семечки.

— Да! Пусть! — с вызовом отозвался пианист. — Важно то, что у нас были родственные души. Словно мы стали кровными братьями.

— Молодоженами, — ядовито пискнула Стахова, но на нее уже не обратили внимания: все заинтересованно додали продолжения рассказа Гоха-Бафометова. Или Бафометова-Гоха. Теперь уже и не разберешь. Я украдкой посмотрел на Анастасию: с кем же ты собиралась бежать в Америку, милая?

— Мы вместе музицировали, — продолжал тем временем лауреат международных конкурсов. — Я на виолончели, он на фортепьяно. Занимались на подготовительных курсах. Подрабатывали в одном маленьком ресторанчике. Все складывалось не так уж плохо. Впереди ждала долгая и радостная жизнь. Мы обязаны были стать лучшими из лучших. Таланта для этого хватало, даже с избытком. Но тогда я еще не знал, что у моего друга начинается страшная болезнь. Рак мозга. Это было таким ударом для меня!

— Для него-то, наверное, еще большим, — не утерпел Зубавин.

— Когда друга положили в больницу, никому не было до него никакого дела. А я... я хотел покончить с собой! Потом его выписали умирать дома. Врачи — такие сволочи.

— Кроме нашего Александра Анатольевича, — вставила Леночка Стахова.

Я благодарно кивнул ей.

— И он... он умер на моих руках... — рассказчик вытер платком слезу. — Но перед смертью велел выполнить его последнюю волю. Она показалась мне довольно странной, но я безропотно согласился. Позже я понял, насколько он был прав. Он сказал, что желает одного: чтобы я был живой и сохранил его имя в бессмертии. Как? Стать им. Пусть в будущем со всех концертных афиш звучит Леонид Гох! Это будет данью его памяти. Так и он реализует себя в вечности.

— Действительно, весьма необычная предсмертная просьба, — сказал Каллистрат. — Теперь ясно: он скончался, а куда же вы дели труп? У нас, бомжей, с этим все просто. Отнес на соседнюю помойку, и баста. А у вас, музыкантов?

— Он сказал, что ему не важно, что будет с ним после смерти. Ночью, отрыдав над его бренными останками, я вынес труп через черный ход и... вы правы. Так и поступил. Рядом

была мусорная свалка.

— И прикопали консервными банками, — закончил за него Волков-Сухоруков. — Вполне логично. Ну а потом? Надо же было как-то доказать, что вы — это он?

— Да никому ничего доказывать было не надо! — нервно ответил Гох (Бафометов). — Кому это нужно? Милиции? Чихать они хотели. Единственное, что мне пришло тогда в голову, — это развести в комнате бардак, полить все кровью (я нарочно порезал вены) и порвать струны у своей любимой виолончели. Потом представить дело таким образом, что Бафометова похитили. Они на этом и успокоились. В консерваторию я снова поступил лишь через полтора года. Уже на отделение фортепьяно. И под именем Леонида Марковича Гоха. Я выполнил его просьбу, обессмертил его имя. Но в последнее время уже и сам не могу понять: кто же я на самом деле — Гох или Бафометов? Он будто преследует меня повсюду. Мой любимый друг, мой черный человек. Мое счастье и мой ужас.

— Нечего было волочь труп на помойку, — пробормотал Левонидзе. — Тело непогребенное взывает.

— У нас, ассирийцев, это в порядке вещей, — холодно отозвался Гох.

— Что вы написали кровью на древнеарамейском? — спросил я. — Какую фразу?

— «Врата ада», — сказал он. — Мы — поклонники секты езидов и считаем, душа после смерти отправляется напрямиком в ад. Потому что рая вообще нет. И Бога тоже. Есть только я, Бафометов. Теперь — Гох. Великий музыкант.

— Тяжелый случай, — вздохнув, произнес Зубавин. — Господину Тропенину положено молоко за вредность.

В принципе, я был с ним абсолютно согласен.

Интересно, кто будет следующий? Я, разумеется, знал, что есть некоторые вещи, в которых нормальный человек вряд ли сознается. Например, Сатоси-сан никогда не скажет нам, что шпионит за Тарасевичем. Тот, кто следит за самим японцем (если тут таковой находится), тоже об этом промолчит. Все это теперь забота других органов, не медицинских. Я рассчитывал, что убийца сделает свое признание. Потому что он действительно болен. Этого не произошло. Преступник продолжал сидеть все так же непринужденно и даже посмеивался.

— В одиннадцать лет я убежала из дома и целых две недели провела с цыганами, — сказала вдруг поэтесса. — Они научили меня воровать, гадать на картах, слагать песни и многим другим глупостям. Которые, правда,годились мне в жизни. Но если я начну перечислять все свои грехи, преступления и злодеяния, то вы уйдете отсюда только под Новый год. Поэтому простите меня оптом, за все.

— А я вообще в жизни ничего плохого не сделал, — заметил Зубавин. — Если не считать того, что написал как-то в детстве соседу под дверь и устроил аварию на Чернобыльской АЭС.

— Я, в таком случае, просто святой, — сказал Антон Андронович Стоячий. — Поскольку сам себе все грехи давно отпустил.

— Потому что вы гриб, — уточнил Каллистрат. — А все грибы смиренны, терпеливы и не стяжательны. Вся их преступная деятельность лишь в том, что они добровольно в суп не даются. А вот Полярные зеленые...

— Не надо про них! — попросил Стоячий. — Это слишком серьезная тема, чтобы обсуждать здесь. Да еще в присутствии посторонних. — И он покосился сначала на Шиманского, затем — в сторону Харимади. Та фыркнула, но ничего не ответила. Все

происходящее ее безмерно забавляло. Гамаюнов держался за ее руку, как маленький мальчик, боящийся потеряться в толпе.

— Хорошо, — произнес я. — Будем считать лирические отступления законченными. Перейдем к прозе. Многие из сидящих здесь, в зале, совершали когда-либо и продолжают совершать до сих пор странные, порой нелепые, а иной раз противоречащие здравому смыслу поступки. Идущие не только против здравого смысла, но и вразрез с нравственными нормами. Но, как говаривал английский граф Шефтсбери: что для одних нелепость, для других доказательство. Что я хочу этим сказать? А то, что, допустим, зарезать одного-двух людей будет считаться злодеянием, а уничтожить в войне тысячи — победой. Или стащить кошелек у старушки и угодить за это в тюрьму, а кому-то украсть товарный состав либо нефтяную скважину и стать губернатором края. Все относительно, Евгений Львович это подтвердит.

— Эйнштейн ошибался, — ответил Тарасевич. — Все предельно закономерно и логично, исходя из моей «новой хронофутурологии». Примерно через час здесь, в клинике, произойдет убийство.

Слова его не возымели действия, поскольку были восприняты как очередная шутка физика. Но он говорил серьезно. Так мне, по крайней мере, показалось. Хотя умел искусно прятать улыбку в бороду. Я воспользовался случаем и перевел его слова в несколько иную плоскость. Вернее, возвратил в наше время, в настоящее.

— Убийство, к сожалению, уже произошло, — сказал я. — И убийца среди нас, здесь.

— Это снова из Скотта Фицджеральда? — спросила поэтесса.

— Нет, это из Александра Тropicина, — отозвался я. — Но выдуманно не мной, жизнью. Она оказывается изощреннее любых, самых взыскательных сюжетов. Никто больше ничего не хочет добавить?

Никто не ответил.

— Убита Алла Борисовна Ползункова. Смерть настигла и Ларису Сергеевну Харченко. Нет смысла больше это скрывать. Две жертвы, два преступления. Оба связаны между собой.

Поскольку виновником в том и другом случае является один и тот же человек. У него еще есть последний шанс признаться.

Ответом мне вновь было напряженное молчание. Все ждали, что я скажу дальше?

— Хорошо, начну издали. — Я подал знак Жану, и он вышел на кухню, за подносом. — Жил некогда мальчик, которого совратила его старшая сестра. И еще одна пожилая женщина.

Я видел, как напряглись скулы на лице Гамаюнова. Он даже стал приподниматься со своего стула, но вновь сел. А Жан уже вошел с подносом, на котором что-то блестело.

— Мальчик вырос, превратился в прекрасного юношу. Но перед этим он застрелил сестру. Намеренно. Потому что любил и ненавидел ее. С тех пор эти два противоречивых чувства жили в нем постоянно. Соперничали между собой. Он дарил свою любовь женщинам много старше себя, но и смертельно ненавидел их, жаждал их гибели. Они даже не представляли, какой опасности подвергают свою жизнь, принимая его ласки. Его мозг всегда находился в противоборстве с самим собой. Ему было просто необходимо убить снова любую женщину, хотя бы отдаленно похожую на его сестру. А потом, возможно, начать совершать все новые и новые убийства.

Жан опустил поднос на столик перед Гамаюновым и Харимади. На нем лежал нож с инкрустированной костяной ручкой. И деликатно отошел в сторону.

— Это же... мой ножик? — сказала депутатша. — Я ведь его тебе подарила.

— Дура! — выкрикнул Парис и закатил ей оплеуху. Да так, что она свалилась со стула. — Надо было тебя прирезать!

Я поднял руку, останавливая охранников. Другие мужчины тоже вскочили со своих мест.

— Спокойно, — сказал я. — Понимаю, что вы не хотели убивать Аллу Борисовну. Так вышло. Вы видели в ней совсем другую женщину. Свою сестру.

— Да, — признался Гамаюнов. — Плечи его подрагивали. — Но я не виноват в смерти актрисы.

— Я знаю. Вы просто пришли к ней ночью, выпили шампанского, а потом сказали, что заняты другой. — Я поглядел на Харимади, которая как раз поднималась с пола. — Да Харченко и сама все прекрасно осознала. Еще вечером, в таборе у цыган. Для нее это действительно явилось трагедией, потому что она любила вас. Последней, самой поздней любовью. И ушла как настоящая актриса, сыграв свою лучшую роль. Она отравилась.

Гамаюнов схватился за голову, словно внутри у него что-то разрывалось.

— Маленький мой! — произнесла Харимади, поглаживая своего любовника. — Мы тебя вылечим. Полежишь с годик в больнице, а потом я сделаю тебя мэром какого-нибудь приморского городка, как обещала. Ты только не переживай!

— Ид-диот-т-тка! — проорал ей в лицо Парис. — Я убью тебя!

Он рванулся к окну, совершил немислимый прыжок, выбил стекла и рухнул с той стороны. Охранники бросились за ним следом.

— Оставайтесь на своих местах! — Я повысил голос, успокаивая собравшихся. — Они без нас разберутся.

Охранники Сергей и Геннадий, вернулись примерно через полчаса. Все это время Борис Брунович Бижущий развлекал взволнованное общество своей нескончаемой историей про шабаш у соседа Гуревича и как он «застрял» где-то на подоконнике. В один из моментов Антон Андронович тронул меня за руку и отвел в сторонку.

— Я все понимаю, — сказал он достаточно серьезно и жестко. — Вы тут решили устроить не час откровений, а час разоблачений. Может быть, в вашей науке это и принято. Я не специалист. Об одном только прошу.

— Слушаю.

— Ни при каких обстоятельствах не затрагивайте Сатоси и Тарасевича. Вам ясно?

— Ах, вот оно что! — Я посмотрел на Стоячего несколько иными глазами. — Теперь понятно.

— Да-да, — произнес он. — Меня уже поставили в известность, звонили. Не суйтесь, куда не надо. Сорвете ювелирную операцию.

— Разумеется. Вы, кажется, действительно были в прошлом священником?

— Был. А разве священнослужитель не может заодно и работать в органах? Вы, сдается мне, так и не поверили ни в секту грибоедов, ни в Полярных зеленых? Напрасно. Последние в самом деле где-то существуют: в тайных конспирологических обществах, но это уже совсем другая тема. Неужели я был так плох в роли фанатика-идиота?

— Отвратительны. Могли бы проконсультроваться у любого психиатра.

— Ладно, учту на будущее, — сказал он, и мы возвратились к общему собранию. Я заметил, что за все время Шиманский так ни разу и не подошел к «дочери». Но и она не смотрела в его сторону.словно их разделяла каменная стена.

Бижуцкий между тем продолжал вещать:

— ...И когда я слез с подоконника и спрятался в уголке, то понял: меня непременно обнаружат и растерзают все эти люди-нежити, оборотни, выбравшиеся на свет в полночь, в полнолуние, прямиком из самого ада, ежели я также не нацеплю на себя какую-нибудь маску и подходящий балахон. Я стал шарить вокруг, надеясь найти что-нибудь соразмерное для себя. Обнаружил лишь сброшенную жабью шкурку, заячий хвост и уши от какого-то инкуба-гомункула, очень похожие на корень мандрагоры. Но потом нашел все-таки то, что мне было нужно.

Я вытащил из-под стола заранее приготовленную сумку, а из нее зеленый балахон, бахилы и маску свиньи.

— Не этот ли маскарадный костюмчик? — спросил я участливо.

— Он самый! — обрадовался Бижуцкий, даже не удивившись. — Где вы его нашли?

— Там, где вы его и бросили. В коридоре у бассейна, — ответил я.

— А-а! Ну да, — кивнул он, напрягая память. Но так и не вспомнил. Поскольку подверженные лунатизму люди во время обострения болезни как бы вырываются из реального пространства и времени и не в состоянии отвечать за свои поступки.

Бижуцкий схватил балахон, маску и бахилы, прижал к груди.

— Я с ними теперь стараюсь не расставаться, — важно поведал он окружающим. — Потому что этот костюмчик спас мне жизнь. Ведь знаете, кто верховодил на том балу?

— Ну, кто? — спросил Зубавин. Он уже пересел на место сбежавшего Париса, поближе к Харимаде, которая все еще пребывала в некоем трансе.

— Кто? — переспросил Бижуцкий. — Да вот он! — Его палец-перст торжествующе указал на меня.

— Конечно, я. — Мне пришлось согласно кивнуть и улыбнуться. К сожалению, Борис Брунович был неизлечим в своей фобии, хотя и абсолютно безобиден. А все из-за его горячо любимой жены и соседа. О женщины! Они порой просто убивают своих мужей, ввергают их в бездну. Я прикладывал все усилия, чтобы вывести Бижуцкого из его фантасмагорического мира, но покуда безрезультатно. В каждое полнолуние он видел во мне главного виновника измены своей супруги, которая, кстати, уже давно бросила его и даже ни разу не навестила. Еще раз стоит повторить вслед за Шекспиром: о женщины, ничтожество вам имя!..

— Да-да-да! — продолжал говорить и пялиться на меня Борис Брунович. — Это был он, Александр Анатольевич Тропенин, главный Бафомет на том дьявольском балу-шабаше! И... и...

— Насчет Бафомета — я вам скажу, — произнес вдруг Волков-Сухоруков, оборвав речь Бижуцкого.

Но и его самого прервали. Явились охранники и сообщили, что Гамаюнова поймать не удалось. Он побежал к гроту, а потом нырнул в лаз и спрятался где-то в катакомбах.

— Они тянутся на десятки километров, — задумчиво произнес Левонидзе. — Теперь с собаками не сыщешь. Может и сам там заблудиться и больше не найти выход. Никогда.

— Ну и черт с ним! — жестко сказал Харимади. Политики всегда умеют находить самое удобное и правильное для себя решение.

— Так вот, насчет Бафомета, — повторил Волков-Сухоруков, выбивая о подоконник трубку.

— Да погоди ты! — остановил его Левонидзе. — Давайте с Гамаюновым решать. Что если спустить по его следу собак, в самом деле? У нас же есть парочка отличных

доберманов?

— Георгий, ты уже отличился на этом поприще, — холодно произнес я. — Вспомни прошлую осень. Галерею, в которой должна была открыться выставка. И голову пса, которую ты принес в комнату отдыха. Скажи мне только одно: зачем ты это сделал?

Левонидзе после моих слов как-то сразу сник, стал вроде бы даже меньше ростом, глаза потускнели.

— Это все он! — Мой «верный» помощник указал в сторону Шиманского. — Он приказал. Заплатил. А зачем — сам, наверное, догадываешься.

Никто из присутствующих, кроме Анастасии, Левонидзе и Шиманского, не понимал нашего разговора. Но так оно и лучше. Мне не хотелось, чтобы об этом знал весь свет. Я подумал о том, что Георгий давно работает на Владислава Игоревича; но в происшествии на выставке было несколько побудительных причин. Одна из них — патологическая ненависть Шиманского к Анастасии; другая — желание Левонидзе ввести мою супругу в декомпенсационное психическое состояние, упрятать в больницу, а после попытаться прибрать клинику к своим рукам. Так оно и могло произойти в самое ближайшее время. Если бы Анастасия не «вспомнила», не выздоровела бы.

Левонидзе стал торопливо пробираться к выходу, не решаясь встретиться со мной взглядом.

— Подожди, — сказал я. — Еще не конец. Ты, кажется, искал некие кассеты и дневник, чтобы передать их своему хозяину?

— У меня мало времени, — ответил Георгий, взглянув на часы. — Я должен... уехать. Самолет ждет.

— Никакой самолет тебя не ждет, — усмехнулся я. — Ты больше не нужен господину Шиманскому, разве не понятно? Да и мне тоже. Такие люди выбрасываются без сожаления, как отработанный материал. Как кусок дерьма. В этом я, пожалуй, с Владиславом Игоревичем солидарен. Но и ему не видать этого дневника и кассет. Они отправятся в соответствующие компетентные органы.

— Вот это мы еще поглядим! — буркнул Шиманский.

— О чем вы тут все время толкуете? — подала голос Ахмеджакова. — Снова какая-то непонятная игра?

— Нет, просто перебрасываются бомбами с часовым механизмом, — ответила ей Стахова.

Левонидзе, постояв некоторое время в нерешительности, все же возвратился на прежнее место.

— Продолжайте! — кивнул я Волкову-Сухорукову. Я предполагал, что он должен сейчас сказать, куда повести речь. И не ошибся.

— Возвращаюсь к Бафомету, — в третий раз повторил он. — К этому ужасному и дьявольски изворотливому существу, именем которого... мне пришлось воспользоваться, чтобы проникнуть в вашу клинику.

— Во как! — выдохнул из себя с непонятым восторгом Каллистрат.

— Что же ты, Вася? — с укором спросил Левонидзе, но потом просто махнул рукой, словно все это больше его никак не касалось.

— Да, воспользовался, — подтвердил Волков-Сухоруков, выходя на середину зала; я уступил ему свое центральное место. — Но я мало погрешил против истины. Преступник с такой кличкой в архивах МУРа и ФСБ есть, однако сейчас он скрывается где-то за границей,

по нашим ориентировкам, в Штатах. И взрывы конфессиональных храмов в Москве были. Лазарчук — выдуман, а голос на аудиокассете — мой собственный, только измененный.

— Я ничего не понимаю! — решительно произнесла поэтесса.

— Тс-с!.. — сказал ей Олжас-Газмиля и протянул фляжку: — Выпей, голуба. Полегчает.

Зара Магометовна воспользовалась советом, сделала добрый глоток, но даже не поморщилась. Представитель братского казахского народа с уважением посмотрел на нее.

— А что же тогда являлось вашей целью? — спросил я.

— Все, что я сейчас говорил, только прелюдия, — отозвался Волков-Сухоруков. — Главное — впереди. Вы знаете, что год назад мою любимую девочку, дочь, сбил какой-то пьяный негодяй. Следствие было закрыто, хотя имя преступника знали. От меня его долго скрывали. Я вел свое параллельное расследование. И в конце концов вышел на убийцу моей дочери.

Волков-Сухоруков остановился напротив меня. Стал набивать трубку табаком, но пальцы его дрожали. Он был настолько взволнован, что его лицо пошло красными пятнами. По-видимому, давно ждал этой минуты. Представлял ее себе мысленно. В столовой стало совсем тихо.

— Он находится в этом зале, — медленно проговорил бывший следователь ФСБ. — Вначале я хотел отомстить ему точно таким способом. Выяснил — где он обитает. Кто его родные, близкие. И узнал, что у него есть...

Остановить сыщика я не успел: он слишком далеко отошел от меня и приблизился к Анастасии. Затем молниеносно выхватил пистолет и приставил дуло к ее виску.

— Узнал, что у него есть дочь, — закончил Волков-Сухоруков, глядя теперь на господина Шиманского. — Я подумал: а не станет ли ему столь же горько и пусто, когда я на его глазах застрелю ее?

Все произошло так быстро, что никто не успел среагировать. Сидели как парализованные. Лишь Владислав Игоревич усмехнулся. Охранники двинулись было вперед, но я сделал им знак остановиться.

В горле у меня в этот момент пересохло. Я знал, что в подобном стрессовом состоянии люди не шутят. Действительно способны нажать на курок.

— Если вы убьете ее, — произнес я, — то сделаете одолжение господину Шиманскому. Он ей не отец.

Волков-Сухоруков внимательно посмотрел на меня.

— Я и сам понял, — сказал он — что такие люди, как он, не любят никого. Они подобны скорпионам, которые всех ненавидят. Поэтому будет гораздо справедливее, если я...

Сыщик передернул затвор и пошел к Шиманскому, продолжая рассуждать вслух:

— Если я просто-напросто пристрелю эту гадину.

— Мишель! — истошным голосом заорал магнат, пытаюсь спрятаться за спину своего пилота.

— А я-то тут при чем? — неожиданно отозвался Зубавин и оттолкнул Шиманского. — Нет уж, разбирайтесь со своими грехами сами. Времечко ваше, Владислав Игоревич, кончилось, пора либо за границу, в Лондон, либо под могильную плиту. Выбирайте. Я от вас ухожу и плевать хотел на вашу плешь с трех тысяч метров!

Шиманский побежал вдоль стены, Волков-Сухоруков — за ним и, действительно, начал стрелять. Видимо, не все патроны у него кончились прошлым летом, как он утверждал. Пули

отскакивали от кладки, но не достигали цели. Лишь седьмая угодила в продолжавшего безостановочно орать Владислава Игоревича. Впрочем, кричали сейчас многие, и из-за сплошного шума и выстрелов мало что можно было понять и услышать.

Общий ор стих только тогда, когда Волков-Сухоруков отбросил в сторону бесполезный теперь пистолет, а господин Шиманский, пошатываясь, развернулся к нему, сделал несколько шагов и даже отчетливо произнес:

— Как же это с вашей стороны некрасиво! — А потом рухнул на пол.

Вновь в зале наступила тишина. Я первым оказался возле тела Владислава Игоревича и начал шупать пульс. Позади меня раздался голос Тарасевича:

— Ну, что я вам говорил час назад? Убийство просто витало в воздухе. Моя хронофутурология — это фундамент всех наук. Это почти Апокалипсис.

Несмотря на утверждения Тарасевича, хронофутурология на сей раз дала некоторый сбой. Господин Шиманский был в глубоком обмороке, а пуля попала ему всего лишь в мягкие ткани сидалищного места. Его перенесли в процедурный кабинет, я оставил рядом с ним Параджиеву, которая, как мне показалось, все прекрасно поняла из долгих шумных дебатов в столовой. Сопровождавшихся бегством одних и стрельбой из пистолета других «гостей» клиники. Газа ее нехорошо поблескивали, когда она глядела на громко и ненатурально стонущего Владислава Игоревича, а в руках сжимала зачем-то кислородную подушку. Я уже понял, что она любит Анастасию как родную дочь, и даже побеспокоился: как бы медсестра ненароком не удавила магната этой самой подушкой? Пулю из его задницы я решил не извлекать до приезда специалистов, но противостолбнячную сыворотку вколол. Должна была приехать и следственная бригада из ФСБ, которую вызвал сам Волков-Сухоруков. Им же я решил передать дневник с кассетами Стаховой. Поскольку, как сказал мне рыжеусый сыщик, это именно те ребята, которые давно ведут разработку Шиманского, а теперь с самого верха получено «добро», чтобы его и запереть в клетке.

— Позовите Мишеля Зубавина, умоляю вас! — слабым голосом попросил Владислав Игоревич. — Мне нужно срочно отсюда улететь.

Я сходил и выполнил его просьбу. Пилот, оглянувшись на дам, прошептал мне на ухо несколько энергичных фраз. Я вернулся в процедурную, попросил Параджиеву отвернуться, чтобы она не смогла прочесть по моим губам, и передал все слово в слово. Шиманский сник и больше не издал ни звука.

Теперь мне предстояло сделать много дел. Позвонить в областное УВД — по поводу смерти Ползунковой и Харченко, вызывать спасателей-спелеологов из МЧС — искать Гамаюнова в пещерах; и вообще наводить порядок в клинике. Левонидзе куда-то исчез, будто растворился в воздухе. Оно и к лучшему. Этот не пропадет. Пока в мире существует любовь, верность, радость — всегда найдется место ненависти, предательству и страху. Одно без другого не живет.

Столовая, куда я пришел, почти опустела.

— Скоро все уедут, разойдутся, — как-то грустно сказал мне Каллистрат. — Жаль, я уже привык к ним. А мне-то что делать? А-а!.. Вернуться на свою помойку в Гольяново. Жил же я там и не тужил, даже был счастлив!.. И зачем только вы подарили мне на Курском вокзале полтинник?

— На пиво, — ответил я. — Сами же просили. А потом меня заинтересовало ваше лицо, рассуждения, оптимизм и полное безразличие к собственной персоне. Словно оно, тело ваше, выдано вам напрокат: износится — нацепите другое. И не важно, как оно будет

выглядеть, главное, что внутри — душа ваша. Вот ее-то вы пытаетесь сохранить. Я за вами здесь давно наблюдаю и изучаю. Вы представляетесь мне типичным русским человеком: в воде не горит, в огне не тонет.

— Наоборот, — поправил Каллистрат. — А впрочем, так даже лучше. Именно по-русски, немцу вовек не понять.

— Вот так же и сама Россия, — добавил я. — Загадочная и мистическая страна. Понять бы... Если не ее, то хотя бы себя в ней. Словом, незачем вам возвращаться к консервным банкам и пустым бутылкам, предлагаю место моего помощника в клинике. Прежний испарился, как пары эфира.

Надо подумать, — важно кивнул Каллистрат, почесав затылок, будто боялся потерять свободу. — Я дам ответ завтра.

Когда я вышел в парк, меня ошарашил неожиданной новостью Тарасевич. Его цепко держала под руку поэтесса.

— Вот, — несколько смущенно начал он, — кончилась моя холостяцкая жизнь. Теперь, видимо, остепенюсь...

— Мы с Львовичем решили пожениться, — пояснила Зара Магометовна. — Не могу знаете ли, терпеть, когда под рукой нет какого-нибудь супруга.

«Пропал физик! — подумал я. — Хотя, кто знает? Может быть, в настоящие-то клещи попадет теперь сама Ахмеджакова?»

— Поздравляю! — произнесла рядом со мной Анастасия, я обнял ее. Меня радовало, что она сохраняет спокойный вид и душевное равновесие, а ведь столько перенесла за последнее время! Иной мужчина сломается...

— Через пару дней уезжаем, — добавил Тарасевич. — Все было очень хорошо. У меня даже родились новые идеи в вашей клинике.

— По хронофутурологии? — спросил я.

— По ядерной термодинамике, — отозвался он и подмигнул.

«Ну, теперь вслед за ним отправятся и Сатоси, и Антон Андронович, — вновь подумал я. — Делать им тут тоже больше будет нечего. Кто же остается? Один Бижущкий в своей неизменной пижаме — как символ больного мятущегося духа на просторах России». Да и другие «гости» наверняка тоже уедут.

Я оказался прав. Уже упаковывал вещи Леонид Маркович Гох, сухо поблагодарив меня и попрощавшись, даже не взглянув в сторону Анастасии: ему, должно быть, было тяжело видеть ее.

Пришла машина из казахского посольства за Олжасом Сулеймановичем Алимовым. Он (она?) крепко обнял меня и расцеловал, обдав гремучим перегаром рисовой водки. Затем, подумав немного, приложился к ручке Анастасии.

— Да, — ответил он на мой молчаливый вопрос. — Теперь — в Бразилию. К донам Педро. Прощайте.

Где-то за воротами клиники надрывно зазвенела цыганская гитара. Стало немного грустно и печально. Но вскоре одинокий перебор струн сменился ударами бубен, веселыми звуками других гитар, песенной вольницей, которая завораживала душу. Жизнь продолжалась... И не могло быть иначе.

— Ну что? — спросил вдруг у нас Мишель Зубавин. — А не хотелось бы полетать?

— Очень бы хотелось, — ответила за меня Анастасия. Глаза ее радостно заблестели.

— Да там у вас в приборном щитке какую-то детальку Левонидзе вывернул, — сказал я.

— А мы и без деталек полетим! — уверил Мишель. — Мой крылатый конь на голом энтузиазме пашет. Ну, пошли, что ли?

— А я, а я? — спросил оказавшийся тут же Бижущкий.

— Ты, отрок, в другой раз, — ответил Зубавин и похлопал его по плечу.

Мы залезли в маленькую кабинку, плотно уселись, пилот стал щелкать переключателями, лопасти завертелись. Через несколько минут вертолет взмыл вверх. Некоторое время «стрекоза» кружила над нашим Загородным Домом. Внизу стояли маленькие люди и махали нам руками. Но лиц я уже не различал. Знал лишь, что я люблю их всех. Какими бы они ни были.

Вертолет поднялся еще выше, взял курс на северо-восток. Клиника и табор остались позади. Внизу тянулась серебристая лента реки, мелькали крошечные домики, расстилалось широкое поле, чернел массив леса. И все это — Россия с ее необъятными, таинственными просторами, а моя клиника в ней — лишь маленькая точка. Я отчетливо понимал, что выздоровление всего и всех близится. Это зависит только от нас самих.

— Ну как, нравится? — прокричал Зубавин.

— Кажется, я лечу прямо в небесный рай, — сказала Анастасия.

— Почему нет? — произнес я. И подумал, что путь к счастью лежит через открытые врата. Нужно лишь не ошибиться дверью.

Больше книг на сайте — Knigoed.net